

**ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 1 (55) 2015

Донецк

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ ДОНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Главный редактор – Никольский В.Н., д-р ист. наук, проф. (Донецкий национальный университет)

Ответственный секретарь – Колесник А.В. – к-т ист. наук, доц. (Донецкий национальный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Агапов В.Л. – д-р ист. наук, проф., (Донецкий институт железнодорожного транспорта)

Баранов А.В. – д-р ист. наук, д-р полит. наук, проф. (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)

Беловолов Ю.Г. – д-р. ист. наук, проф. (Донецкий национальный университет)

Бредихин А.В. – д-р ист. наук, проф. (Донецкий национальный университет)

Ерхов Г.П. – д-р ист. наук, проф. (Донецкий национальный университет)

Кияшко А.В. – д-р ист. наук, проф. (Южный федеральный университет, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)

Кринко Е.Ф. – д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)

Липинский В.В. – д-р.ист.наук, проф. (Донецкий национальный технический университет)

Мармазова Т.И. – д-р полит. наук, проф. (Донецкий национальный университет)

Саржан А.А. — д-р ист. наук, проф.(Донецкий национальный технический университет)

Шендрикова С.П. – д-р ист.наук, проф. (Крымский федеральный университет им.В.И.Вернадского, Российская Федерация, Симферополь,)

Шепко Л.Г. – д-р. ист.наук, доц. (Донецкий национальный университет)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Краснонос Ю.Н. – к-т ист. наук, доц. (Донецкий национальный университет)

Морозов Р.Н. – к-т ист. наук, доц. (Донецкий национальный университет)

Пенькова О.Б. – к-т ист. наук, доц. (Донецкий национальный университет)

Удалова Т.М. – к-т ист. наук, доц. (Донецкий национальный университет)

Черкашин К.В. – к-т полит. наук, доц. (Донецкий национальный университет)

Рецензенты: д.и.н. Агапов В.Л., д.и.н. Беловолов Ю.Г., д.и.н. Бредихин А.В., д.и.н. Липинский В.В., д.и.н.Саржан А.А., д.и.н. Шепко Л.Г.

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом ДонНУ. – Протокол № 1 от 13 октября 2015 г.

Журнал зарегистрирован Комитетом по лицензированию и мониторингу СМИ Министерства информации ДНР 22 марта 2015 г., регистрационный №195.

Адрес редакции: Исторический факультет, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, 83001, Донецк. Тел. (062)302-92-72 e-mail: vnik63@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Черкашин К.В. Вступительное слово	5

Историография. Источниковедение

Никольский В.Н., Колесник А.В. Основы периодизации истории археологии Донбасса	7
Гаврилюк С.М. Изучение погребальной обрядности древних греков в зарубежной историографии последних десятилетий	19
Разумный В.В. Историография гражданской войны в Ливане 1975 – 1990 годов: изучение проблемы в работах советских и российских востоковедов	26
Бредихин А.В., Лесива Н.О. Исследования проблемы Гибралтара в работах отечественных и зарубежных авторов	33
Федюн Е.И. Историческая наука в советском обществе: историографический аспект (1950 – 1980-е гг.)	39
Карачевская В.И. Медицина и охрана здоровья Донбасса в 1964 – 1991 гг.: источниковедческая база	44

Отечественная и региональная история

Крутова Л.А., Пенькова О.Б. Современные подходы к изучению истории Донбасса	50
Разумная Н.Н. Материальное обеспечение медиков земствами (на примере Екатеринославской губернии (1864-1914 гг.))	59
Чеботарева А.В. Выдвиженчество как составляющая часть кадровой политики УССР в 1920 – 1930-х гг.	64
Никольский В.Н. Выполняя пастырский долг: православные священники Донетчины в годы Великой Отечественной войны	71
Краснонос Ю.Н. Из истории развития добровольных народных дружин в Донбассе (конец 50-х – 60-е гг. XX ст.)	76
Саржан А.А. Государственная политика реформирования угольной промышленности Украины в 1991–1996 гг.: планы и реалии	81

Международные отношения

Рочняк Е.В., Рочняк А.В. Военное сотрудничество в рамках Рапалльского соглашения между Германией и Советским Союзом как фактор последующего крушения плана «Барбаросса»	87
Морозов Р.Н. Евразийская интеграция Беларуси: первые итоги.	93
Медовкина Л.Ю., Проданова О.А. Каспийско-Черноморский регион как зона столкновения геополитических интересов государств в контексте современных международных отношений.	96
Леонтьева О.А. Франко-американский политический диалог в 1960-е гг.	103
Кухтин М.М. Влияние американской дипломатии на современные российско-немецкие отношения	106

Политология

Крыжановская И.И. Предпосылки формирования идеалистических традиций американского общества в колониальный период.	111
Посредников Д.В. Позиции христианских церквей Украины в условиях политического кризиса (2013 — 2014 гг.)	116
Медовкина Л.Ю. Роль СМИ в формировании имиджа государства	122
Мясников О.Г. Нации и этнос: смысл и различие понятий	130

К.В. Черкашин

*И.о. декана исторического факультета Донецкого национального университета,
кан-дидат политических наук, доцент
e-mail: cyrilcherkashyn@gmail.com*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые читатели, мы представляем вам первый номер нового научного журнала исторического факультета Донецкого национального университета. Это издание является первым научным изданием, зарегистрированным в Донецкой Народной Республике. А номер, соответственно, первым научным журналом, выходящим в ДНР. В этом отношении исторический факультет ДонНУ действительно попал в историю.

Хочу выразить благодарность всем людям, способствовавшим созданию и регистрации этого журнала, всем авторам, представившим в этом номере свои статьи. Наша родина, наш Донбасс сейчас переживает трудный период своего существования. Думаю, что не ошибусь, если замечу, что подавляющее большинство нынешних преподавателей, сотрудников и студентов исторического факультета никогда не думали, что будут жить в условиях войны. Война казалась чем-то далёким и невозможным. Но вот она уже продолжается больше года, а, несмотря на это, факультет, университет, как, впрочем, и Донецк, и вся Республика, продолжают работать, восстанавливаться после артиллерийский обстрелов «проевропейских демократов» и наращивать темпы своего развития.

Перед историческим факультетом, гуманитарными науками вообще стоит важная миссия: способствовать распространению правды и истинного патриотизма. Это именно то, чего так нахватало нашему обществу последние десятилетия периода существования «независимой» Украины. Пожалуй, этот недостаток и сделал возможной войну на нашей земле. Правдивое, нетенденциозное и, вместе с тем, патриотическое (с любовью к Родине) освещение событий нашей истории, вопросов политологии и международных отношений может и должно способствовать заживлению ран нашего общества, а, в конечном итоге, и победе в этой справедливой и освободительной для нас идеологической и, к сожалению, не только идеологической войне.

Посильный вклад преподавателей в продолжающуюся борьбу, помимо обучения и воспитания студентов, – научные публикации и издание собственного научного журнала. Преподаватели, сотрудники нашего факультета будут стараться принести пользу нашему обществу на своём участке идеологического фронта, в каком-то отношении, на своём «боевом посту».

А теперь немного цифр из недавней истории. Вопреки заявлениям руководства «исторического факультета Донецкого национального университета» в Виннице о том, что в Донецке «... на историческом факультете осталось всего восемь преподавателей – то есть 90% коллектива просто в один момент решили, что работать на той территории не будут» [1], факультет продолжает существовать и развиваться. Да и статистика была «несколько иной». В общей сложности на факультете к концу тревожного 2013-2014 учебного года работало 66 преподавателей. Из них 25 человек (38%) остались работать на факультете после переподчинения ДонНУ Министерству образования и науки ДНР в сентябре 2014 года; 31 человек (47%) преподаёт в вузах Украины. Причём не все из них в «эвакуированном университете» в Виннице. Ещё 10 преподавателей (15%) вышли на пенсию или уехали в другие страны (Россию, Германию). То есть, фактически, факультет разделился почти поровну. При этом подавляющее большинство (92%) сотрудников (лаборантов, старших лаборантов, заведующих кабинетами и методистов), несмотря на

сложное положение и обстрелы города, остались работать на факультете в Донецке, за что мы им очень благодарны.

В кадровом плане идеологический исторический факультет Донецкого национального университета понёс наибольшие «потери» по сравнению с другими 10-ю факультетами ДонНУ (на естественнонаучных факультетах работать осталось до 70-80% преподавателей). Но я считаю эти «потери» именно «потерями» в кавычках. Произошло очищение коллектива: исторический факультет перестал быть рассадником русофобии и пещерного украинского национализма. Истфак перестал быть факультетом, который не отражает мировоззрение и интересы жителей региона, в котором расположен. Перестал быть рупором чуждой, враждебной пропаганды, ведущей наше общество к расколу, деградации, а в конечном итоге, и к гибели. В сфере образования пора положить конец практике, позволяющей за счёт западных грантов жить единицам, а в целом ведущей к «утечке умов», уничтожению нашей собственной науки и производства.

В Библии сказано: «познаете истину, и истина сделает вас свободными». Освещать истинные события, давать им взвешенную оценку и призван наш журнал. Приглашаем к сотрудничеству всех настоящих неравнодушных исследователей.

Ссылки и примечания:

1. Міронова В. Как историки от «русского мира» бежали и что из этого получилось – Режим доступа: http://24tv.ua/ru/intervju/kak_istoriki_ot_russkogo_mira_bezhali_i_chno_iz_jetogo_poluchilos/n558862

Историография. Источниковедение

УДК 902 (477.6)

В.Н. Никольский

доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной и региональной истории ДонНУ

e-mail: nicols46@mail.ru

А.В. Колесник

кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории ДонНУ

e-mail: akolesnik2007@mail.ru

ОСНОВЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ ДОНБАССА

Аннотация

История археологии Донецкого региона отражает общее и частное в развитии этой науки. Первые сведения научного характера относятся к 30-м гг. XVIII века. Системные раскопки курганов начались только в 1888 г. Важными вехами истории становления региональной археологии является создание краеведческих музеев в 1920 и 1924 гг., деятельность центральных академических учреждений, образование Донецкого университета в 1965 г. и профильной кафедры археологии в 1973 г. В настоящей заметке предлагается обоснование этапов развития региональной археологии.

Ключевые слова: археология, курганы, периодизация, Донбасс, каменные бабы, история науки.

Summary

The history of archaeology in the Donetsk region reflects both the general and specific in the course of the development this discipline. The first evidence of scholarly content traces back to the 1730s. However, the systematic excavations of kurgans began only in 1888. Important events in the history of archaeology in the Donetsk region became the foundation of regional museums, in 1920 and in 1924; activities of central academic institutions; establishment of the Donetsk University in 1965, and the Department of Archaeology in 1973 within the Faculty of History. This review discusses the main stages in the development of regional archaeology.

Keywords: archaeology, kurgans, periodization, Donbas, stone stelae, history of archaeology.

Систематические исследования памятников археологии Донбасса успешно осуществляются более ста лет и прочно вписались в археологическую науку Восточной Европы. Археология Донбасса – важная составная часть археологии России, Советского Союза и Украины, и в таких исторических форматах неоднократно становилась объектом оценки в археологической историографии [1]. Вместе с тем, существует возможность структурировать весьма значительный период от становления научных исследований в Донбассе на рубеже второй пол. XIX-XX вв. до современного этапа в соответствии с яркими региональными маркерами развития археологии, т.е. предложить региональную периодизацию, которая конкретизирует общую хорошо апробированную схему.

Развитие археологической науки в Восточной Европе с самого начала своего становления было окрашено в яркий региональный колорит. Это определило неповторимые

особенности восточно-европейской археологии, как части мировой науки о прошлом. К 60-м гг. XIX в., ко времени организационного и структурного оформления российской археологии, отчетливо выделились скифо-античная и древнерусская археология, опиравшиеся на корпус памятников, рассредоточенный на обширных просторах Российской империи. На протяжении всего XIX в., преимущественно в губернских центрах, формировались музеи и университеты, ставшие ядром зарождения археологических школ со своими устойчивыми традициями. К примеру, Николаевский (1809 г.), Феодосийский (1811 г.), Керченский (1826 г.), Одесский (1825 г.) и другие музеи изначально определили формат местной археологической среды в рамках античной археологии. Иная, славяно-русская направленность характерна для киевской археологической традиции [2].

Территория нынешнего Донбасса не попала в поле зрения классической российской археологии того времени из-за отсутствия здесь ярких «профильных» скифских, античных и древнерусских древностей. Явное запаздывание в оформлении различных научных институтов, в том числе археологических, связано с относительно поздним, в рамках истории России, началом интенсивного экономического и культурного развития Донбасса во второй половине XIX в. Системный интерес к древностям Донбасса начал проявляться тогда, когда российские археологи обратили внимание на рядовые степные курганы, которые составляют здесь основной фонд археологических памятников. Долгие годы эта парадигма оставалась стержнем научных изысканий в регионе.

Стартовавшая более 120 лет назад история изучения памятников археологии Донбасса сочетает в себе частное и общее, и может быть охарактеризована как цепь последовательных этапов, демонстрирующих процесс становления регионального археологического центра.

Целью настоящей статьи является обоснование периодизации истории изучения археологических памятников Донбасса.

Проблемы периодизации истории общей и региональной археологии тесно связаны с биографическими и историографическими исследованиями. Жанр археологической историографии давно занял прочное место в исследованиях донецких археологов. Безусловно, приоритет в этом плане принадлежит Д.С. Цвейбель, которая системно занималась историей общей [3] и региональной [4] археологии. Весьма значителен корпус биографических исследований [5]. Выделяется серия работ, посвященных развитию археологии в Донецком национальном университете [6]. Написанная В.А. Косиковым «История исследования археологических памятников Донбасса» построена по принципу биографических очерков [7].

Значительный опыт археологической историографии накоплен в Луганском регионе [8].

Несмотря на очевидные успехи в биографических и историографических студиях, донецкие и луганские археологи еще не создали общую периодизацию истории региональной археологии. В обобщающем исследовании по истории развития донецкой археологии В.А. Косикова [9] этапы развития археологии специально не анализируются. В ряде работ отмечено выделение этапов развития региональной археологии, но только в тематических отраслях [10]. В развитии курганной археологии Донетчины А.Н. Усачук вместе с соавторами выделяет четыре этапа – «догородцовский», «городцовский», «довоенный» и «новостроечный» [11]. В одном из своих интересных очерков И.А. Шестаков делит историю изучения палеолита Луганщины на три хронологических этапа в период от 10-х гг. прошлого века до современности [12]. Р.А. Литвиненко детально анализирует содержание новостроечного этапа курганной археологии [13].

Отметим основные события и процессы, которые, на наш взгляд, имеют значение маркеров при выделении и характеристике отдельных этапов. Первые недифференцированные историко-культурные сведения о древнейших памятниках прошлого региона систематически начали накапливаться, начиная с 30-х гг. XVIII – после ученой поездки Г.В.Ф. Юнкера на юг России. Стоит упомянуть и о поездке осенью 1773 г. академика И.А.

Гильденштедта по Приазовью, а в 1774 г. – по районам Тора, Бахмута и Северского Донца [14], когда тщательно осматривались и описывались курганы и стоящие на них каменные изваяния. Этот «романтический» период сменился в Донбассе, со значительным опозданием по отношению к другим регионам Российской империи, на собственно «научный», только во второй половине XIX в. Условной датой можно считать приезд И.Е. Забелина в Донбасс в 1864 г. [15]. Этот визит носил разведывательный характер и не привел к началу раскопок древних памятников, но совпал с усиленным интересом к курганным древностям со стороны различных слоев российского общества. Следующий этап был связан с научными, по меркам того времени, исследованиями курганов. Его начало положили раскопки Н.Е. Бранденбурга (1888-1889, 1891 гг.) и Э.Ю. Петри (1888 г.), а блестящее продолжение связано с именем В.А. Городцова (исследования 1901-1903 гг.). Внутренним содержательным маркером данного этапа являются XII (1903 г.) и XIII (1905 г.) Археологические съезды. Начало следующего этапа четко маркируется несколькими знаковыми событиями первой половины 20-х гг. XX в. – созданием серии краеведческих музеев, началом плодотворной деятельностью Н.В. Сибилева, С.А. Локтюшева и других археологов и краеведов. Внутренней вехой этого этапа следует признать исследования Н.Е. Макаренко: ярчайшее исследование Мариупольского могильника в 1930 г. и плодотворные раскопки курганов в 1930-1933 гг. Окончание этого этапа – 1943 г. – год кончины Н.В. Сибилева и гибели С.А. Локтюшева в период военного лихолетья. В 1944-1945 гг. возобновилась деятельность музеев и академических учреждений страны. С 1944 г. в Сталинском пединституте плодотворно трудилась Д.С. Цвейбель. Внутренний маркер – образование Донецкого государственного университета в 1965 г. Верхней хронологической и содержательной границей этого этапа следует признать 1973 г. – дату образования кафедры археологии при Донецком государственном университете (А.А. Моруженко). Этот период был насыщен многими событиями и длился вплоть до распада СССР. Период с 1992 по 2014 гг. условно можно назвать «современным», поскольку наши современники наблюдают все ключевые треки этого периода в развитии региональной (и не только) археологии.

Таким образом, в истории развития археологических знаний Донбасса можно выделить следующие взаимосвязанные этапы:

- «Романтический» этап (1735 – 1864 гг.);
- «Догородцовский» этап (1865–1887 г.);
- «Городцовский» этап (1888-1889 гг. – начало XX в);
- Ранний советский этап (начало 1920-х гг.– 1943 гг.);
- Средний советский этап (1944 – 1973 гг.);
- Поздний советский этап (1974 – 1991 гг.);
- «Современный» этап (1992 – 2014 гг.).

Разумеется, деление потока истории региональной археологии на условные этапы во многом является инструментальным и помогает воспринимать этот процесс по его основным сущностным характеристикам. При характеристике каждого из этапов даются только самые общие сведения.

«Романтический» этап. Основные вехи научного понимания и изучения памятников археологии Донецкого региона на протяжении условного «романтического» этапа касаются почти исключительно курганов и каменных скульптур.

Первым из европейских ученых на службе Российской империи, отметившим каменные идолы в Приазовских степях, был Г.Ф.В. Юнкер. В 1735-1737 гг. в составе экспедиции Академии наук он принимал участие в «описании» земель юга России, т.е. обследовал земли современного Донбасса, и обратил внимание на «чудовищные каменные фигуры» [16]. Основным интересом Г.Ф.В. Юнкера сводился к изучению возможностей местного соляного промысла. Видел курганы с каменными скульптурами и академик И.А. Гильденштедт по

пути из Астрахани в Крым в 1773-1774 гг. [17]. Его путешествия носили комплексный характер, маршруты дважды пересекали территорию Донбасса [18].

Параллельно с научным восприятием курганов в XVIII – первой половине XIX вв. продолжается устойчивая практика использования их в качестве пространственных ориентиров или межевых отметок [19]. Как известно, эта практика восходит к началу XVII в. и отмечена в «Книге Большому Чертежу». В XVIII-XIX вв. закрепляется основная система топонимов, в основном связанная с курганными могильниками. Она базируется на иранских, славянских и тюркских корнях при очевидном доминировании последних [20]. Феномен курганов Донбасса в контексте научного восприятия, топонимики, географической практики и обыденного сознания того времени детально проанализирован в ряде работ [21].

Редкие эпизоды научной оценки курганов и каменных изваяний Донбасса, в целом, хорошо укладываются в комплексное направление российской науки того времени, которое условно можно охарактеризовать как «записки ученых путешественников» [22]. Понятно, что в степи в поле зрения ученых наблюдателей попадали наиболее аттрактивные объекты – могильные насыпи и каменные идолы, в отличие от средневековых и античных руин побережья Черного моря.

В 1849 г. зафиксировано первое системное собрание каменных изваяний в Велико-анадольском лесничестве [23].

Оценка увиденных древностей у Г.Ф.В. Юнкера имела выраженную мифологически-романтическую окраску. У И.А. Гильденштедта тексты гораздо суше, но зачастую более конкретны, что отражает развитие взглядов на описание различных районов Российской империи.

«Романтический» этап донецкой археологии – время накопления ученых знаний о памятниках археологии в ходе работы комплексных экспедиций Российской Академии наук при доминирующем внимании к курганам и каменным скульптурам, появление первых системных коллекций.

«Догородцовский» этап. Образование в 1859 г. Императорской Археологической комиссии имело фундаментальные последствия для развития археологии в Российской империи [24]. Для нашей территории важно то, что почти сразу же с организацией Археологической комиссии на должность младшего ее члена был приглашен И.А. Забелин [25]. Последний согласился вплотную заняться раскопками курганов и городищ на юге России, надеясь «получить принципиально новый обширный материал о быте Древней Руси в первые века ее истории...» [26]. Одним из наиболее ярких первых эпизодов деятельности комиссии стало исследование И.А. Забелиным скифских курганов, в том числе кургана Чертомлык в 1862-1863 гг. [27]. В 1864 г. И.Е. Забелин, помимо исследований на Таманском полуострове, провел археологические разведки на территории Донбасса. Судя по донесению председателю ИАК графу С.Г. Строганову от 4 сентября 1864 г., разведка осуществлялась целенаправленно: И.Е. Забелин посетил Саур-Могилу (недалеко от г. Шахтерска), предполагая провести раскопки кургана, подобно Чертомлыку. Проводил он разведки и севернее современного г. Донецка, и в Приазовье [28].

В 1869 г. отмечен первый документально зафиксированный случай раскопок кургана в Мариуполе (Камбуров курган). Этот курган был в центре внимания еще многие годы и оставил после себя значительный документальный след [29]. В 70-80-е гг. XIX в. широко распространились любительские раскопки на помещичьих землях в кладоискательских целях [30]. Случайно разрушались курганы и при строительных, земляных работах [31].

«Догородцовский» этап – время оформления научного интереса к курганам со стороны Императорской Археологической комиссии, время бессистемных работ и случайных археологических открытий.

«Городцовский» этап. Системные научные раскопки курганов начали проводиться в Донбассе только в 1888 г. Практически одновременно, в 1888 г. здесь пересеклась работа экспедиций под руководством Э.Ю. Петри (Петербургский университет) и Н.Е. Брандербурга (Артиллерийский Исторический музей в Санкт-Петербурге). Работы касались курганов, велись на основании Открытых листов в соответствии с полевой методикой археологических раскопок того времени [32]. Научные исследования курганов в XIX в. завершаются раскопками, проведенными летом 1900 г. А. Яковлевым и А.М. Покровским [33].

Традиция научного изучения древностей Донбасса была блестяще продолжена В.А. Городцовым и рядом других исследователей [34] в связи с подготовкой и проведением XII Археологического съезда в Харькове (1903 г.) и XIII Археологического съезда в Екатеринославе (1905 г.). В.А. Городцовым были раскопаны более 70 курганов, несколько городищ и стоянок [35]. Периодизация бронзового века, созданная В.А. Городцовым по материалам раскопок в южнорусских степях [36], выдержала проверку временем и признана во всем мире.

Параллельно с научными исследованиями на частных землях в массовом порядке проводились грабительские раскопки курганов. Некоторая «заурядность» донецких курганов на фоне скифских могил Поднепровья, возможно, спасла их от массового неконтролируемого разграбления.

Собирательская деятельность священника из сл. Райгородок Изюмского уезда о. Василия (В.Ф. Спесивцева) – яркий эпизод зарождения археологического краеведения Донбасса.

«Городцовский» этап – время классических археологических исследований в регионе на базе ведущих российских научных центров под эгидой Археологической комиссии, время первого опыта археологического краеведения.

Ранний советский этап. Этот этап в развитии региональной археологии характеризуется созданием разветвленной сети различных краеведческих музеев, которые были основными центрами по организации и проведению полевых археологических исследований, а также деятельностью центральных и академических учреждений. Основа музейной инфраструктуры была заложена в 20-е гг. прошлого столетия, когда последовательно создавались Изюмский (1920 г.), Мариупольский (1920 г.), Сталинский (1924 г.) музеи, Донецкий (Луганский) музей социальной истории (1924 г.), Артемовский музей (1924 г.) и другие [37]. Каркас музеев был расширен в 30-е годы после образования Артемогорского (1935) музея. Археологические фонды этих музеев изначально были значительными. Примечательно, что профессиональный интерес у кадрового состава музейных работников во многом определялся их интересом к археологии. Сформировалась целая плеяда классных археологов-краеведов, тесно связанных с академическими центрами страны и ведущими университетами. В этом ряду стоят такие имена, как Н.В. Сибилев и С.А. Одинцова [38], С.А. Локтюшев [39], В.М. Евсеев [40], П.М. Пиневиц, Г.Г. Афендик [41] и другие исследователи.

Проводимые столичными центральными и академическими учреждениями страны в это время в Донбассе полевые археологические исследования носили плановый характер или велись экстренно в зоне больших новостроек. В истории советской археологии особое место занимают раскопки Н.Е. Макаренко Мариупольского могильника в 1930 г. [42]. Помимо этого, Н.Е. Макаренко исследовал под Мариуполем и Сталино (ныне Донецк) много курганов [43]. Важное значение имели работы Азово-Черноморской археологической экспедиции под руководством О.Н. Бадера в 1935 г. Экспедиция обследовала районы Приазовья и Северного Причерноморья между Таганрогом и Одессой [44]. Следует отметить также участие сотрудников Артемовского музея в гигантских по масштабам работах в зоне строительства Днепрогэса в 1927-1932 гг. [45].

Ранний советский этап региональной археологии – время создания основных центров (преимущественно музейных) археологического краеведения и блестящих академических исследований, время формирования местных археологических кадров.

Средний советский этап. Датировка этого этапа целиком связана с развитием археологии в стенах Сталинского педагогического института – Донецкого государственного университета. Начался этап в 1944 г. после приезда в освобожденный г. Сталино Д.С. Цвейбель, а закончился образованием профильной кафедры археологии, истории Древнего мира и средних веков в 1973 г. Ключевой фигурой этого этапа, безусловно, была Д.С. Цвейбель [46]. Системно заниматься археологией она начала во второй половине 50-х гг. XX в. В начале 60-х гг. приступила к созданию регионального археологического центра и этой целью организовала регулярные археологические работы на базе учебной практики, группу археологических кружков в системе народного образования [47]. Решались кадровые вопросы: в 1962 г. на должность ассистента кафедры всемирной истории Сталинского пединститута был принят В.Я. Устенко [48], с 1955 г. с Донецким пединститутом сотрудничал Т.А. Шаповалов, перейдя полностью в штат уже Донецкого университета в 1965 г. [49]. Внутренним маркером данного этапа является образование Донецкого государственного университета в 1965 г.

Вторым центром археологических исследований стал Донецкий областной краеведческий музей. Нужно отметить, что в первой половине 50-х гг. прошлого века Сталинский областной музей возглавлял профессиональный археолог-краевед В.М. Евсеев [50]. Это дало толчок музею в собирании разнообразного археологического и исторического материала. Плодотворно в музее во второй пол 50-х – середину 60-х гг. прошлого столетия трудился Т.А. Шаповалов [51]. Постепенно в музее была создана типичная для того времени археологическая экспозиция и создан профильный отдел истории досоветского периода с его бессменным заведующим – О.Я. Приваловой (Кириенко).

Фактически это было время создания местной археологической среды с типичной для советского времени инфраструктурой, в которую входили соответствующие подразделения регионального ВУЗа, областного краеведческого музея, а также городские и районные кружки археологии в системе ОблОНО. В регионе работали также экспедиции центральных и некоторых других научных учреждений страны. В это время в Донецком регионе проводились тематические археологические разведки, выдвигалась региональная проблематика, осуществлялась подготовка местных кадров со специальным ВУЗовским образованием. В качестве приоритетных направлений оформились изучение памятников древнего горного дела (Д.С. Цвейбель, С.И. Татарин), среднего палеолита (В.Н. Гладиллин) и поселений бронзового века (Т.А. Шаповалов, А.И. Привалов, О.Я. Привалова) при развитии традиционной курганной археологии (А.И. Привалов, О.Я. Привалова, В.Ф. Клименко и др.).

Средний советский этап – время создания регионального археологического центра с опорой на местные кадры, время развертывания полевых работ республиканского Института археологии.

Поздний советский этап в плане развития региональной археологии является ренессансным по всем основным показателям. Знаменуется он созданием профильной кафедры, которой практически бессменно руководила А.А. Моруженко. Она сумела провести подвижки, связанные с организацией кафедры с заглавной специальностью «Археология», созданием группы остепененных преподавателей, факультетского музея археологии и этнографии. Чуть позже (1978 г.) на базе кафедры была создана новостроечная экспедиция, а со временем развернута издательская деятельность («Донецкий археологический сборник» (1992 г.). Новостроечная экспедиция сумела развернуть масштабные полевые работы в пределах Донбасса, накопила колоссальные коллекции.

В настоящее время практически все штатные должности учреждений Донецкого региона, связанные с археологией, заняты выпускниками кафедры 70-80-х гг. прошлого века. Можно говорить о полной кадровой достаточности в области археологии благодаря системной работе кафедры в то время. В 1983 г. Т.А. Шаповалов защищает кандидатскую диссертацию, а в 1989 г. в донецком регионе появляется первый доктор наук – А.А. Моруженко.

В 1985 г. в Донецком областном краеведческом музее формируется сектор охраны памятников археологии, который позже был трансформирован в соответствующий отдел. Бессменным руководителем сектора и отдела является С.М. Дегерменджи. С 1986 г. сектор-отдел регулярно проводит областные научно-практические семинары, которые последовательно переросли в международные конференции по проблемам общей и региональной археологии. Плодотворно работает досоветский отдел.

В 80-е гг. организован ряд экспедиций в системе ОбЛОНО [52]. Следует отметить особую роль Донецкой областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры в проведении полевых работ в регионе. Эта общественная организация органично дополняла государственные структуры и часто лидировала в области по количеству организованных экспедиций и объему вложенных средств. Длительное время фактическим руководителем организации был заместитель Правления В.Н. Пугло. Помимо охранных исследований, финансировались сплошные археологические разведки, музейное строительство.

Таким образом, в период с 1973 по 1991 гг. была заложена серьезная организационная база донецкой археологии и получены важные результаты, которые способствовали формированию донецкой археологической школы.

Поздний советский этап – время создания развернутой местной археологической инфраструктуры и системы подготовки местных кадров, а также системы археологических экспедиций различной ведомственной принадлежности.

«Современный» этап. Достижения донецкой археологии 70-80-х годов прошлого века обеспечили позитивную в целом инерцию движения после 1991 г., несмотря на существенную реструктуризацию местной археологической отрасли. Была расформирована кафедра археологии, истории Древнего мира и средних веков. Чуть позже фактически распалось Общество охраны памятников с его мощной финансовой поддержкой археологических проектов. Стала заметной стагнация хозрасчетной договорной археологии, выразившаяся в появлении ведомственных экспедиций, профильных кооперативов. Резко сократился объем полевых работ, прежде всего, за счет экспедиций Института археологии НАН Украины.

Вместе с тем, нет оснований говорить о кризисе региональной археологии на этом этапе. По ряду направлений наблюдается значительный качественный рост. На этом этапе возросла активность отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея. Отдел инициировал дальнейшую сплошную паспортизацию археологических объектов региона, системно проводил международные конференции, сосредоточил в своем штате квалифицированных специалистов-археологов. Музейные сотрудники успешно защитили ряд кандидатских диссертаций по археологии (А.В. Колесник – 1994 г.; В.В. Цимиданов – 1997 г.; Ю.Б. Полидович – 2001 г.; А.Н. Усачук – 2007 г.). Практически каждый полевой сезон на базе музея проводились несколько археологических экспедиций. Упрочились международные контакты. В Донецком национальном университете стартовало престижное издание по средневековой археологии. Защищены кандидатские (В.А. Косиков – 1994 г.; Н.Е. Миненкова – 2005 г.; С.И. Татаринев – 2006 г.) и докторские (Р.А. Литвиненко – 2009 г.; Л.А. Шепко – 2012 г.) диссертации. Регулярно проводятся студенческие полевые археологические практики. Резко возросло общее количество публикаций

донецких археологов – до 50-ти и более статей ежегодно. Впервые опубликована серия авторских и коллективных монографий. Формируются полноценные археологические экспедиции и секция археологии (МАН) в системе народного образования.

Ярким маркером последнего наблюдаемого этапа развития региональной археологии является беспрецедентная издательская деятельность, сопоставимая с археологической издательской деятельностью традиционных научных центров. До настоящего времени в Донецке изданы 31 выпуск «Археологического альманаха» (гл. ред. А.В. Колесник), 17 выпусков «Донецкого археологического сборника» (гл. ред. последних пяти номеров Р.А. Литвиненко) и 12 томов «Степей Европы в эпоху средневековья» (гл. ред. А.В. Евглевский). Эти издания обладали ВАКовской аккредитацией; в оглавлении сборников – сотни статей авторов из Украины, России, ближнего и дальнего зарубежья. Опубликовано также значительное количество отдельных авторских и коллективных монографий, материалов конференций и тематических сборников статей.

«Современный» этап – время стагнации и переформатирования региональной археологии, создание предпосылок для новых направлений работы.

Заключение

Таким образом, мы видим яркие отличительные особенности каждого из выделенных этапов развития и общую тенденцию к формированию Донецкого регионального археологического центра с его неповторимой инфраструктурой, проблематикой и научными изданиями. Характер условных этапов отражает неуклонный рост квалификации местных кадров и создание базовых структур от этапа к этапу.

Вплоть до 1917 г. проводимые в донецком регионе археологические изыскания были составной частью археологических программ центральных научных учреждений Российской империи. В одинаковой степени важное влияние на развитие региональной археологии оказывали Императорская археологическая комиссия (Москва), Харьковский университет, Артиллерийский Исторический музей (Санкт-Петербург). Субъектность региональной археологии начинает оформляться только в 20-30-е гг. XX в. на фоне образования ряда крупных музеев исторического и краеведческого профиля, а также в результате административных преобразований, которые привели к появлению новых территориальных единиц. Одновременно формируются местные кадры археологии, с различным уровнем профессиональной подготовки, но с неизменной личной харизматичностью. Процесс кристаллизации признаков региональной археологической школы в виде системы подготовки местных кадров и структуры археологических учреждений был растянут во времени и формально завершился на Донетчине только в 1973 г. после создания профильной кафедры археологии в региональном ВУЗе.

В целом, очевидно, что ритмы развития донецкой региональной археологии определялись комплексом внешних и внутренних причин при различной комбинации этих факторов, иногда в зависимости от харизматичности личностей, сумевших создать структуры, действующие и в наши дни. Интегральная оценка этого процесса показывает, что некоторая удаленность от крупных академических центров не исключает успешного развития региональных центров со своей организационной и научной спецификой. Яркой отличительной особенностью донецкой археологической среды является проявившая себя в 90-е гг. развитая издательская деятельность, во многом сопоставимая или превосходящая аналогичные стандарты других регионов России и Украины. При этом насыщенность региона профессиональными археологическими кадрами, в том числе докторами и кандидатами наук, существенно ниже, чем в старых центрах «губернской университетской науки» (гг. Харьков, Воронеж, Ростов-на-Дону и др.). Возможно, снижению барьера между «центральной» и «местной» археологией способствовало широкое распространение информационных технологий в 80-90-е гг. прошлого века.

Выделенные этапы развития донецкой археологии позволяют сравнивать их с моделями развития науки в других центрах «второго эшелона», ставить и решать общие вопросы науковедения.

Авторы выражают признательность А.Н. Усачуку за содержательную критику данного эссе.

Ссылки и примечания:

1. Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии, 20-е – первая половина 30-х годов). – К.: Наукова думка, 1982.; Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 – середина 30-х годов). – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1986. – 285 с.; Пряхин А.Д. Доно-Донецкая степь-лесостепь в эпоху бронзы. История изучения (вторая половина XIX – начало 90-х гг. XX в.). Кн. 1. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. – 257 с.; Пряхин А.Д. Доно-Донецкая степь-лесостепь в эпоху бронзы. История изучения (современный этап). Кн. 2. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. – 296 с.; Шовкопляс І.Г. Розвиток радянської археології на Україні (1917-1966). Бібліографія. – К.: Наук. Думка, 1969. – 441 с.
2. Шовкопляс І.Г. Розвиток радянської археології на Україні (1917-1966). Бібліографія. – К.: Наук. Думка, 1969. – 441 с.
3. Цвейбель Д.С. До 100-річчя першого Археологічного з'їзду в Росії // УІЖ. – 1969. – №6. – С. 134-136.; Цвейбель Д.С. З історії вивчення і охорони археологічних пам'яток на Україні в перші десятиріччя Радянської влади // УІЖ. – 1971. – №12. – С. 109-112.
4. Цвейбель Д.С. Из истории охраны памятников археологии в Донбассе в первые десятилетия Советской власти // Тезисы докладов областного научно-практического семинара «Проблемы охраны и исследования памятников археологии Донбасса». – Донецк, 1986. – С. 7-8.
5. Колесник А.В., Панасенко А.В. Доротея Самойловна Цвейбель. Историко-биографический очерк // Літопис Донбасу. – №20. – Донецьк, 2012. – С. 35-42.; Кузьминых С.В., Усачук А.Н. «Милльон этой власти проклятий!..» (письма Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрону) // История археологии: личности и школы. Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки. – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 195-216.; Литвиненко Р.О. Тихон Олексійович Шаповалов: до витоків донецької археології (доброї пам'яті людини і науковця) // ДАЗ. – № 15. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2011. – С. 201-211.; Усачук А.Н. «45 лет моей жизни связаны с археологией...» (о Викторе Федоровиче Клименко) // ДАЗ. – № 15. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2011. – С. 212-227.; Усачук А.Н., Колесник А.В. Виктор Михайлович Евсеев: начало // Літопис Донбасу. – № 20. – Донецьк, 2012. – С. 4-25.; Усачук А.Н., Колесник А.В. Археологические исследования в Донбассе в конце 20 – начале 30-х гг. XX века (по материалам архива В.М. Евсеева) // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелева. – Курск: Изд-во КГМУ, 2013. – С. 413-434.; Цвейбель Д.С. Дослідник минулого Донбасу М.В. Сібільов: До 100-річчя від дня народження // УІЖ. – 1972. – №2. – С. 132-134.; Цвейбель Д.С. К биографии Н.Е. Макаренко // Тезисы докладов областного научно-практического семинара «Проблемы охраны и исследования памятников археологии Донбасса». – Донецк, 1989. – С. 62-65.
6. Колесник А.В. Исследование памятников каменного века в Донецком национальном университете // Вісник Донецького університету. – Донецьк: Изд-во ДонНУ, 2004. – С. 93-101.; Косиков В.А., Литвиненко Р.А. Археология в Донецком университете // Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. Археология Восточ-

- ноевропейской лесостепи. – Вып. 10. – Воронеж: Воронежский университет, 1997. – С. 14-19.; Шестаков И.А. История и библиография археологических исследований среднего палеолита Луганщины // Краеведческие записки. – Вып. IV. – Луганск, 2008. – С. 147-160.; Шепко Л.Г. Из истории археологического изучения края // Новые страницы в истории Донбасса. – Донецк: Донбасс, 1992. – С. 5-12; Шепко Л.Г. Археологическое изучение Донецкого края в 1965–1985 гг. // Тез. конф. «Регіональні і загальні в історії». – Дніпропетровськ: Пороги, 1995. – С.46-48; Шестаков И.А. История и библиография археологических исследований палеолита Луганщины // Краеведческие записки. – Вып. VI. – Луганск, 2012. – С. 4-31.
7. Косиков В.А. История исследования археологических памятников Донбасса. – Донецк, 2001. – 84 с.
 8. Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження). Наукова збірка / упорядник І.М. Ключенева. – Луганськ: вид-во «Шико» ТОВ «Віртуальна реальність», 2009. – 408 с.; Ключенева І.М. Луганський археолог Сергій Олександрович Локтюшев // Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження). – Луганськ: вид-во «Шико» ТОВ «Віртуальна реальність», 2009. – С. 11-24.; Принь О.В. становлення і розвиток державної системи охорони культурної спадщини у Донбасі (1945 – 1991 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук: спец. 26.00.05 «Музеєзнавство. Пам'яткознавство». – Київ, 2009. – 20 с.; Принь М.О. Охорона, вивчення і використання пам'яток історії та культури на Донеччині та Луганщині в 20-х – на початку 30-х рр.. ХХ ст.: автореф. дис. ... канд. іст. наук: спец. 26.00.05 «Музеєзнавство. Пам'яткознавство». – Київ, 2012. – 20 с.; Шестаков И.А. История и библиография археологических исследований среднего палеолита Луганщины // Краеведческие записки. – Вып. IV. – Луганск, 2008. – С. 147-160.; Шестаков И.А. История и библиография археологических исследований палеолита Луганщины // Краеведческие записки. – Вып. VI. – Луганск, 2012. – С. 4-31.
 9. Косиков В.А. История исследования археологических памятников Донбасса. – Донецк, 2001. – 84 с.
 10. Колесник А.В. История изучения раннего палеолита Донбасса и Приазовья // Тезисы докладов областного научно-практического семинара «Проблемы охраны и использования памятников археологии Донбасса». – Донецк, 1987. – С. 7-9.; Колесник А.В., Алонзов К.А. Изучение каменного века Донетчины – первые 70 лет истории // Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку – енеоліту. До 100-річчя від дня народження В.М. Даниленко. – Мелітополь, смт. Мирне, 2013. – С. 87-93.; Косиков В.А., Косикова Е.А. Священнослужитель-краевед Василий Феоктистович Спесивцев (1861 – 1905 гг.) // ДАС. – Донецк: Изд-во «Юго-Восток», 1997. – Вып.7. – С.5-14.; Литвиненко Р.А. К истории исследования курганных могильников в окрестностях Каменных Могил // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк: Украинский культурологический центр, 1999. – С. 98-101.
 11. Усачук А.Н., Колесник А.В. Очерк истории изучения курганов Донбасса в XVIII-XIX веках // Літопис Донбасу. – №12. – Донецьк, 2004. – С.13;
 12. Шестаков И.А. История и библиография археологических исследований палеолита Луганщины // Краеведческие записки. – Вып. VI. – Луганск, 2012. – С.4.
 13. Литвиненко Р.О. новобудовна археологія на сході України: основні віхи, результати і наслідки // Історичні записки. – Вип. 33. – Луганськ, 2012. – С. 228-237.
 14. Усачук А.Н., Колесник А.В. Очерк истории изучения курганов Донбасса в XVIII-XIX веках // Літопис Донбасу. – №12. – Донецьк, 2004. – С.17, 19, 21.
 15. Там же. – С. 28-29.
 16. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII- XIX в.).

- СПб, 2002. – 672 с.
17. Усачук А.Н., Колесник А.В. Очерк истории изучения курганов Донбасса в XVIII-XIX веках // Літопис Донбасу. – №12. – Донецьк, 2004. – С. 19.; Лисянский А.С. Конец Дикого Поля. – Донецк: Изд-во «Донбасс», 1973. – 126 с.
 18. Крутая Т.А. Дневник академика Гиндельштедта как источник по истории Донбасса // Летопись Донбасса. Краеведческий сборник, вып. 1. – Донецк, 1992.; Усачук А.Н., Колесник А.В. Очерк истории изучения курганов Донбасса в XVIII-XIX веках // Літопис Донбасу. – №12. – Донецьк, 2004. – С.17, 19, 21; Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5-ти т. Т. 3. Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII – XVIII в.) – М.: Просвещение, 1984. –С.35-36;
 19. Коцаренко В.Ф. Краматорск: забытые страницы истории. – Краматорск, 1999. – 385 с.
 20. Отин Е.С. Гидронимия Северного Приазовья. – Донецк: Юго-Восток, 2012. – 178 с.
 21. Усачук А.Н., Колесник А.В. Очерк истории изучения курганов Донбасса в XVIII-XIX веках // Літопис Донбасу. – №12. – Донецьк, 2004. – С. 5-29; Полякова О.О. Топоніми і кам'яні середньовічні статуї // Літопис Донбасу. – № 20. – Донецьк, 2012. – С. 113-117.
 22. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5-ти т. Т. 3. Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII – XVIII в.) – М.: Просвещение, 1984. –С.47.
 23. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. // САИ – Вып. Е4-2. – М.: Наука, 1974.
 24. Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). – М.: ИА РАН, 2011. – 592 с.
 25. Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. – С.42.
 26. Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. – С.46.
 27. Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. – С.412-413.
 28. Усачук А.Н., Колесник А.В. Очерк истории изучения курганов Донбасса в XVIII-XIX веках // Літопис Донбасу. – №12. – Донецьк, 2004. – С.10-14.
 29. Ключев Н.А. Азовское побережье (географический и исторический очерк) // Мариуполь и его окрестности. Отчет об учебных экскурсиях мариупольской Александровской гимназии. – Мариуполь, 1892. – С. 370-372.
 30. Усачук А.Н., Колесник А.В. Очерк истории изучения курганов Донбасса в XVIII-XIX веках // Літопис Донбасу. – №12. – Донецьк, 2004. – С.13-14.
 31. Миллер А.А. Раскопки в Таганрогском округе // Тр. XII Археологического съезда: в 2-х томах. – М., 1905. – С.750-751.
 32. Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Колесник А.В. Курганы Донбасса в народном восприятии и научной практике (до начала XX века): мифы и реальность // Археологический Альманах, №14. – Донецк: «Лебедь», 2004. – С.32-37.
 33. Усачук А.Н., Колесник А.В. Очерк истории изучения курганов Донбасса в XVIII-XIX веках // Літопис Донбасу. – №12. – Донецьк, 2004. – С. 17-18.
 34. Каковкіна О.М. Археологічні з'їзди другої половини XIX – початку XX ст.. в Україні. Науковий та суспільно-політичний аспекти: автореф. дис. ... канд. іст. наук: спец. 07.00.01 «Історія України». – Дніпропетровськ, 1998. – с. 14-15.

35. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году // Труды XII Археологического съезда в Харькове. – Т.І. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Сабко, 1905; Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе. – Т.І. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Сабко, 1907. – С. 249-270.
36. Сафонов И.Е. В.А. Городцов и изучение эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: автореф. дис. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.06 «Археология». – Воронеж, 2002. – 23 с.; Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.06 «Археология». – Ижевск, 2006. – 24 с.
37. Принь М.О. Охорона, вивчення і використання пам'яток історії та культури на Донеччині та Луганщині в 20-х – на початку 30-х рр.. XX ст.: автореф. дис. ... канд. іст. наук: спец. 26.00.05 «Музеєзнавство. Пам'яткознавство». – Київ, 2012. – с.9.
38. Цвейбель Д.С. Николай Викентьевич Сибилев (Из истории изучения древнейшего прошлого Донбасса) // Проблемы збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали Всеукраїнської наук.-практ. конф. – Слов'янськ: Печатный двор, 2005. – С. 242-252.
39. Ключнева І.М. Розвиток краєзнавчих досліджень в Донбасі у 1917-1943 рр.: історико-географічний та просопографічний аспекти: автореф. дис. ... канд. іст. наук: спец. 07.00.06 «Історіографія, джерелознавство та спец. історичні дисципліни». – Луганськ, 2013. – 20 с.
40. Крыжная Ж.П. СобираТЕЛЬСкая, просветительская, агитационная деятельность В.М. Евсеева в 50-е гг. XX века // Літопис Донбасу. – №20. – Донецьк, 2012. – С. 26-32.
41. Гриб В.К., Кравченко Э.Е., Кучугура Л.И. История и материалы одной экспедиции на Донце // Святогірський альманах 2014, Донецьк, 2014. – С.64-97.
42. Макаренко М.Е. Маріупільський могильник. К.: Вид-во ВУАК, 1933. – 151 с.
43. Божко Р.П. Исследования Н.Е. Макаренко в Приазовье (1930-1933 гг.) // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. – Суми, Ромни, 1990. – С. 40-41; Кучугура Л.И. История исследования древностей Приазовья: Глава 1 // Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века. – Мариуполь: «Рената», 2006. – С. 296; Свод данных об исследованиях курганов на территории Донецкой области в XX веке // Археологический альманах, №14 / Авторы-составители: Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В., Литвиненко Р.А. – Донецк: «Лебедь», 2004. – С. 69-70; Усачук А.Н. Н.Е.Макаренко: срубные материалы // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Луганск, 1990. – С. 114–117;
44. Бадер О.Н. Опыт работ Азово-Черноморской экспедиции // КСИИМК. Вып. VII. – М.-Л., 1950. – С. 71-75.
45. Ковалева И.Ф. Очерки древнейшей истории племен Степной Украины (по материалам Днепровгосовской экспедиции НКПроса УССР 1927-1932 гг.). Учебное пособие. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1980. – 71 с.
46. Колесник А.В., Панасенко А.В. Доротея Самойловна Цвейбель. Историко-биографический очерк // Літопис Донбасу. – №20. – Донецьк, 2012. – С. 35-42.
47. Там же – С. 36.
48. Там же – С. 37.
49. Литвиненко Р.О. Тихон Олексійович Шаповалов: до витоків донецької археології (доброї пам'яті людини і науковця) // ДАЗ. – № 15. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2011. – С. 202.
50. Крыжная Ж.П. СобираТЕЛЬСкая, просветительская, агитационная деятельность В.М.

Евсеева в 50-е гг. XX века // Літопис Донбасу. – №20. – Донецьк, 2012. – С. 26-32; Усачук А.Н. Раскопки Н.Е. Макаренко и В.М. Евсеева на территории Донецка // Донецкий археологический сборник 3. Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1993. – С. 46-52; Усачук А.Н., Колесник А.В. Археологические исследования в Донбассе в конце 20 – начале 30-х гг. XX века (по материалам архива В.М. Евсеева) // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелева. – Курск: Изд-во КГМУ, 2013. – С. 413-434.

51. Литвиненко Р.О. Тихон Олексійович Шаповалов: до витоків донецької археології (доброї пам'яті людини і науковця) // ДАЗ. – № 15. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2011. – С. 202.
52. Горбов В.Н., Усачук А.Н. Археологические исследования в Донбассе с участием школьников // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч.І. Культура и культурное наследие в современном мире. – СПб., 1993. – С. 58-59.

Список сокращений:

- ДАЗ – Донецька археологічна збірка (Донецьк)
ДАС – Донецкий археологический сборник (Донецк)
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры (С-Петербург)
САИ – Свод археологических источников (Москва)
УІЖ – Український історичний журнал (Київ)

УДК 94 (38)

С.М. Гаврилюк

аспірант Донецького національного університета

e-mail: serg_gavrilyuk@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Аннотация

В статье проводится анализ англоязычных работ периода с 70-х годов XX в. до нач. XXI в., посвященных исследованию связей погребального обряда с различными сторонами жизни греков. Выделены наиболее активно развивающиеся направления интерпретации ритуалов захоронения, отмечены изменения методологии исследований.

Ключевые слова: *англоязычная историография, интерпретация погребального обряда, Древняя Греция*

Summary

In the article English-language works of the period from the 1970s to the beginning of the 21st century, which are dedicated to the study of the relations of the funeral rite with various aspects of the life of the Greeks, were analysed. The author has studied the main tendencies of interpretation of funeral rite, identified changes in the methodology of research.

Keywords: *English historiography, interpretation of the funeral rites, Ancient Greece.*

Современные историки и археологи используют погребальные комплексы как основу для изучения различных сторон жизни античных греков. Однако, в силу традиционного акцента антиковедов на письменные источники, теоретическое переосмысление возмож-

ностей их использования для исторических реконструкций произошло не так давно. Анализ англоязычных работ западноевропейских авторов последних четырёх десятилетий, посвященных интерпретации греческого погребального обряда, позволил выделить наиболее активно развивающиеся направления исследований, проследить изменение подходов и методологии интерпретации. При изучении некрополей учёные рассматривают данные Аттики, Северного Пелопоннеса VIII-IV вв. до н.э., в частности, Афин, Аргоса и Спарты.

Выбор нижней хронологической границы статьи обуславливается тем, что к 1970-м годам сложились основные направления, в рамках которых осуществлялись изучение и интерпретация погребальных данных: мифолого-религиозное, социальное, политическое.

Мифолого-религиозному подходу уделялось значительное внимание в рассматриваемый период. Его суть состоит в изучении взаимосвязи религиозных идей и погребального поведения. Греки отводили важное место обряду захоронения, поэтому анализ археологических, эпиграфических и литературных источников позволяет установить смысл конкретных действий [1]. В 1971 г. была издана работа Донны Курц и Джона Бордмана, посвящённая греческим погребальным традициям. Авторы выявили у греков территориальные и хронологические различия в воззрениях на смерть и загробное существование. Особенно разнообразными они были в классическую эпоху [2]. Отсутствие общеэллинской концепции загробной жизни признают многие исследователи [3]. В то же время, Роберт Гарланд пишет, что были общепринятые представления о потустороннем мире, которые постепенно трансформировались в течение нескольких веков – со времён Гомера до эпохи Перикла [4]. Значительные изменения произошли в архаический период [5]. По мнению Роберта Паркера, к периоду классики снижается страх божественного наказания за несвоевременное погребение [6]. Изменяется восприятие смерти: наряду с представлениями о мрачном посмертном существовании в царстве теней зарождается вера в счастливую загробную жизнь на Елисейских полях или островах Блаженных, появляется идея воздаяния за прижизненные поступки.

Ключевым является вопрос о степени влияния верований на погребальные практики, исследование которых включает рассмотрение способов захоронения, погребального инвентаря и подношений, могильных конструкций. Д. Курц и Дж. Бордман, проанализировав способы захоронений, отметили изменение соотношения количества ингумаций и кремаций в разные исторические периоды. Они объясняют этот факт не идеологическими взглядами или материальными возможностями людей, совершавших погребение, а местными традициями [7].

Погребальный инвентарь был частью обряда как при ингумации, так и при сожжении, когда в пламя бросали одежду, утварь. Назначение предметов, сопровождавших умершего, исследователями трактуется по-разному. С одной стороны, его определяют или в качестве личных вещей усопшего, или как свидетельство утилитарных действий, например, обработки тела покойного. Следовательно, погребальный инвентарь не отражает религиозных воззрений греков. Этой точки зрения придерживается Элени Георгиулаки, которая, проанализировав аттические погребения, заключает: «В классический период, кроме ваз, большинство погребальных предметов, кажется, были личными вещами умерших: стригили..., зеркала, туалетные принадлежности... и игрушки. Некоторые воины были похоронены с их доспехами». Далее она делает оговорку: хотя некоторые глиняные фигурки и были сделаны специально для могилы, а не бытового использования, «...они могут быть включены в широкие категории сопутствующих товаров» [8]. Исследователь скептически относится к идее существования культа мёртвых, т.к. не фиксирует материальных результатов его исполнения. Единственное, по её мнению, что может свидетельствовать о погребальных культах это находки пищи в погребениях или рядом с ними (морские раковины, яйца, орехи и кости мелких животных, птиц и рыб). В ряде случаев учёные рассматривают со-

проводящий инвентарь как подношения и связывают его с культовой деятельностью (почитание культа предков или хтонических богов) [9]. По мнению Николаоса Димакиса, данное предположение является наиболее вероятным потому, что «...такие предметы, как зеркала и стригили, которые большинство археологов связывают с женскими и мужскими погребениями соответственно, находятся в одной могиле или могиле противоположного пола» [10].

Итак, выводы исследователей, относительно связи религиозных взглядов и погребальных практик, представлены тремя основными позициями:

Вариабельность ритуала в значительной степени зависит не от верований, а от местных традиций захоронения (Д. Курц, Дж. Бордман) [11].

Изменение погребальной обрядности в конце классического периода обусловлено трансформацией представлений греков о смерти и потустороннем мире (К. Соурвиноу-Инвард) [12].

В течение периодов архаики и классики погребальный обряд не изменялся коренным образом, трансформировались убеждения о посмертном существовании. Это объясняется тем, что греки не видели противоречий между мифологическими воззрениями и идеями философов, учениями мистических культов, которые появились позже (Э. Георгиулаки) [13].

К рубежу 1980-1990 гг. были обозначены новые проблемные вопросы, которые касаются соотношения священного и профанного в погребальном обряде [14]. Карен Стерс отмечает, что ритуал не может точно отразить закономерности повседневной жизни. Поэтому для более полной и объективной исторической реконструкции она предлагает привлекать другие виды источников, учитывая их ретроспективные особенности. Например, тексты, как правило, отражают идеологию преимущественно аристократической мужской элиты, которая создала их, поэтому в письменных источниках слабо отражены «...частный ритуал и эсхатологические верования» [15].

Для более корректного понимания взаимосвязи религии и погребального обряда следует учитывать одновременно и другие факторы, влиявшие на ритуал, в частности, социальный, считает Э. Георгиулаки [16]. Рост интереса у историков к материалам погребений и рассмотрение их не только сквозь призму религиозных воззрений, но и как источник для изучения социальной структуры и процессов в древних обществах, связаны с исследованиями Льюиса Бинфорда и Артура Саксе в конце 1960-х – начале 1970-х гг. [17]. Учёные высказали предположение, что анализ материальных свидетельств погребальных ритуалов позволяет выявить универсальные законы, регулирующие все сферы жизни общества. Возможно установить «социальную личность» усопшего (пол, возраст, социальный и имущественный статус, прижизненные занятия, условия и место смерти), социальные связи покойного (принадлежность к различным социальным группам (род, семья, община)), социальную структуру общества [18].

Теоретические положения подхода Саксе-Бинфорда повлияли на исследования античного общества. Салли Хамфрис, Роберт Литтман, Ян Морис, Николаос Димакис посредством изучения погребального ритуала греков и топографии некрополей пытались определить погребальные участки отдельных семей и установить родственные связи покойных [19]. С. Хамфрис приходит к выводу, что слишком большие семейные группы были не свойственны архаической и классической Аттике. Несколько могильных огораживаний содержали две – три могилы, не редко встречаются группы из 6-10 могил [20]. Это положение поддержали Ян Морис и Джеймс Уитли [21]. В то же время, С. Хамфрис столкнулась с проблемой выявления погребальных участков более широких социальных групп, ведь даже нуклеарные могильные кластеры трудноопределимы в Аттике до IV в. до н.э. Н. Димакис, исследуя погребальный обряд Аргоса классического и эллинистического времени, заключает, что значительную роль в нём в V-III вв. до н.э. играли филы и

фратрии. Группы захоронений включали обычно от 3-х до 15-ти, иногда и более могил [22]. Автор утверждает, что в классический период основным организующим принципом кладбища являлись родство и идентичность, а не статусные различия, в эллинистических погребениях статус и богатство были показаны более заметно, чем родство. Следовательно, группы захоронений на основе родственных связей в эллинистический период стали трудными для идентификации [23].

С. Хамфрис и Н. Димакис отметили существование проблемы выявления семейных участков. Новый подход к решению данного вопроса предложила Санны Хоуби-Нильсен в 1990-е г. Она предположила, что социальные группы не прямо, а косвенно отражались в погребальном обряде Керамейкоса периода архаики и классики, но ритуал был призван подчеркнуть идентичность и общественные ценности группы. Согласно выводам исследователя, «... погребальная практика определялась изменяющимися нравственными понятиями общества, связанными с возрастом и полом» [24]. По этой причине традиционный подход не даёт возможности определить семейные погребальные участки или более крупные родственные группы. Кроме того, вероятнее всего, «захоронения не отражают родословную и являются наиболее трудно используемыми источниками при реконструкции размеров семейных ячеек и прочности семейных уз», их нужно рассматривать с позиции самопрезентации семьи [25].

Что касается выявления на основе погребального обряда социальной структуры общества, то изначально их взаимосвязь определялась по формуле: чем сложнее и разнообразнее ритуал, тем сложнее структура общества. Я. Морис в кон. 1980-х – 1990-х гг. развивал идею, что ритуал захоронения отражает социальную структуру и стратификацию не прямолинейно, а через общественную идеологию. Идеологические установки трансформируются в зависимости от устройства общества, и вместе с ними изменяется обряд. Так, в Греции с сер. XI в. до сер. VIII в. до н. э. аристократия контролировала ритуал для выражения своего высокого социального статуса. Исходя из этого, автор делает вывод, что в данный период общество было сильно стратифицировано. Около 750 г. до н. э., в результате социальной революции, граница между элитой и зависимыми людьми периода Тёмных веков рухнула, и все потребовали участия в ритуалах. Теперь обряд был призван показать единство общества, вместо разделения его по признаку принадлежности к определённому социальному слою [26]. Продолжая эту мысль, Александра Доннисон в начале 2000-х годов выразила мнение, что изменение идеологии архаического периода привело к «присвоению смерти» афинскими аристократами, которые принимали государственные погребальные символы и применяли их к частной смерти для демонстрации своего могущества. Афинский полис сделал смерть более общественной заботой, поэтому аристократические кланы были вынуждены соответствовать новой идеологии в отношении смерти и найти другие способы выражения статуса, такие как вотивы и литургии [27].

Н. Димакис считает, что вариативность погребального обряда классического и эллинистического Аргоса обусловлена рядом факторов: общественно-политическим, экономическим, идеологическим. Социальный статус выражался не только с помощью погребального обряда, но и других средств. За счёт этого, в период классики единообразие ритуала и полисные ограничения демонстрации богатства при погребении могли маскировать социальную стратификацию общества [28]. Поэтому для успешного исследования общественных процессов в античной Греции необходимо привлекать другие виды источников, в которых могли найти отражение социальный статус и идентичность человека [29].

Таким образом, исследования А. Саксе, Л. Бинфорда стимулировали планомерное изучение материалов погребального обряда как основы для социальных реконструкций. Пересмотр предложенных ими идей произошёл в кон. 1980-х – нач. 1990-х гг. Изменения

проявились в отрицании прямой взаимосвязи между погребальной практикой и социальной организацией, в понимании того, что не существовало жёстких правил поведения при совершении погребения.

Социальный подход тесно связан с политическим, смысл которого заключается в том, что через ритуал можно проследить процесс становления полиса и власти. Одной из первых работ, в которых развивалось данное направление, является книга Энтони Снодграсса «Археология и рост греческих городов» (1977 г.). Он пытается доказать, что резкий рост количества аттических захоронений к концу VIII в. – семикратное увеличение населения Афин между 780 и 720 г. до н.э. – обусловлен политическим фактором. Автор рассматривал это как результат экономической революции, которая трансформировала греческое общество и привела к окончанию Тёмных веков [30]. Восьмой век, по мнению исследователя, был временем, когда аристократы начали доминировать в ранее эгалитарном обществе.

Я. Морис утверждал обратное: Афины периода Тёмных веков были в ведении аристократов, чьи ритуалы подчеркивали внутреннюю однородность их класса. В VIII в. до н.э. произошёл крах этой элиты и появление равноправных мужских сообществ граждан, которые характеризовали архаические и классические греческие города-государства [31]. Таким образом, различные подходы к одним и тем же данным иногда приводят к противоположным результатам.

Исчезновение практики погребений с оружием в Афинах, в которых подчёркивается высокий социальный статус умершего, Э. Снодграсс связывает с ростом полиса и формированием слоя гоплитов. Гоплиты были солдатами-гражданами, так как долгом гражданина любого свободного полиса было несение военной службы. По его мнению, это подтверждается тем, что в областях Греции, которые не приняли идею полисного (в значении демократического) устройства (Ахайя, Фессалия) продолжается традиция погребения воинов с оружием и в более позднее время [31].

Ряд исследователей связывают изменения в погребальном обряде в период архаики и классики с процессом становления полиса, который регулировал с помощью ритуального законодательства погребальные практики. Таким образом, контроль над погребальным ритуалом перешёл от аристократических элит, использовавших для его демонстрации своего превосходства, к полису. Это проявилось в унификации обряда, ограничении его пышности, уменьшении числа величественных курганов, сильно контрастирующих с грунтовыми погребениями, появлении практики государственных похорон, которые утверждали общегражданские ценности.

Развитие полиса связано со становлением демократической идеологии, предполагающей равенство граждан. Маргарэт Алексиоу в 1974 г. отметила, что ограничения, обнаруженные в погребальном законодательстве VI в. до н.э., возникли в передовых городах-государствах, где устанавливалось новое демократическое общество. Исключением является Спарта, где полная церемония сохранялась на похоронах царей, так что ограничения были избирательными [32]. В 1990-е годы появляются новые идеи в изучении погребального законодательства. Прослеживается отход от исключительно политической трактовки этих законов. Флавия Фризон в статье «Конструирование консенсуса. Нормы и изменения в греческих погребальных ритуалах» (2011 г.) пишет, что эти нормы были скорее ритуальными правилами, а не законами, регулирующими потребление предметов роскоши. Их назначение объясняется с точки зрения утверждения полисом коллективных ценностей, а также стремлением публично выражения гордости и богатства аристократов [33]. Вместе с тем Ф. Фризон не отрицает политического подтекста законов.

Итак, для извлечения исторической информации из материалов раскопок некрополей, требуется их кропотливая источниковедческая обработка. Анализ англоязычных работ западноевропейских авторов показал, что к сер. 1970-х годов сложились основные

направления интерпретации погребальных комплексов: мифолого-религиозное, социальное, политическое. В разное время определенное направление разрабатывалось более интенсивно, чем остальные, но все они существовали и развивались параллельно.

Мифолого-религиозный подход применялся наиболее активно в связи с тем, что ранее ученые признавали воззрения о потустороннем существовании единственным импульсом ритуальных практик. Основными вопросами для данного направления являлись установление взаимосвязи между представлениями греков о смерти и погребальными практиками, выяснение семантики элементов погребального инвентаря, установление соотношения сфер священного и профанного в ритуале.

Постановить новые познавательные задачи и осознать существование комплекса факторов, влиявших на погребальное поведение, позволили исследования Л. Бинфорда и А. Саксе в кон. 1960-х – нач. 1970-х гг. Они доказали правомерность привлечения археологических материалов погребений для построения исторических реконструкций, разработки и апробации методов обращения с массовым археологическим материалом (в частности, статистико-математических методов). С этого времени начинают системно развиваться социальное и политическое направления в изучении погребальной обрядности, главные задачи которых состоят в определении того, как информация о социальной структуре и общественных отношениях, развитии полиса и становлении власти отображается в погребальном обряде.

На рубеже 1980-х – 1990-х гг. был поставлен вопрос о правомерности переноса закономерностей, выявленных Л. Бинфордом и А. Саксе в потестарных обществах, на греческий социум. Выводы исследователей привели к пересмотру социального и политического подходов. Основные изменения касались следующих аспектов: материальная культура принимает активное участие в создании общественных реалий, а не пассивно отражает их; не существует чётких социальных закономерностей, реальность разнообразна, её нельзя «полностью собрать» подобно пазлу; материалы захоронений не являются прямолинейным отражением общества, а свидетельствуют о влиянии различных факторов, в первую очередь, идеологического.

Основные проблемы, с которыми сталкиваются западноевропейские антиковеды, связаны непосредственно с археологическими источниками и выбором методов исследования. Существует проблема «афиноцентризма», когда исследования проводятся в основном на данных Аттики и Афин. Материалы других регионов Греции публикуются либо не достаточно подробно, либо ещё не опубликованы. Главные методологические вопросы касаются того, что различные способы классификации погребальных данных могут привести к совершенно разным, часто противоречивым результатам.

Следует отметить, что для рассмотренных работ характерен междисциплинарный подход. Привлекаются методы и материалы этнологии, статистики, демографии, социологии, политологии, культурологии. Однако использование выводов других наук возможно при соблюдении принципа историзма, который предполагает рассмотрение исторических явлений, фактов, событий и процессов в соответствии с конкретно-исторической обстановкой во взаимосвязи, изменении и развитии. Это позволит избежать экстраполяции особенностей развития других обществ на античный социум.

Актуальными направлениями современных исследований являются: объяснение причин трансформации погребального обряда, выяснение значения материальных и идеологических элементов погребальных ритуалов, уточнение возможностей количественных методов исследования погребальных данных.

Ссылки и примечания:

1. Kurtz D. C., Boardman J. Greek Burial Customs. – London: Thames & Hudson, 1971. – P. 142; Morris I. Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 10-14.
2. Kurtz D. C., Boardman J. Op. cit. – P. 330-333.
3. Georgoulaki E. Religious and Socio-Political Implications of Mortuary Evidence: Case Studies in Ancient Greece // *Kernos*. – 9, 1996. – P. 97; Retief F. P., Cilliers L. Burial customs, the afterlife and the pollution of death in ancient Greece // *Acta Theologica* 26 (2), 2005. – P. 44, 57-58.
4. Garland R. The Greek Way of Death. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1985. – P. 1-12;
5. Retief F. P., Cilliers L. Op. cit. – P. 46.
6. Parker R. Miasma: pollution and purification in early Greek religion. – Oxford: Clarendon Press., 1983. – P. 43-45.
7. Kurtz D. C., Boardman J. Op. cit. – P. 71, 73-74, 96.
8. Georgoulaki E. Op. cit. – P. 101-102.
9. Kurtz D. C., Boardman J. Op. cit. – P. 49-58, 206.
10. Dimakis N. Social Identity and Status in the Classical and Hellenistic Northern Peloponnese: The Evidence from Burials-An Overview // *Proceedings of the 2nd Hellenistic Studies International Workshop*. – Alexandria: Bibliotheca Alexandrina, 2011. – p. 118.
11. Kurtz D. C., Boardman J. Op. cit.
12. Sourvinou-Inwood C. Reading Greek Death To the end of the Classical Period. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 489 p.
13. Georgoulaki E. Op. cit. – P. 97.
14. Karen E. Stears. Women and The Family in The Funerary Ritual and Art of Classical Athens. –London, 1993. – P. 12; Georgoulaki E. Op. cit. – P. 96.
15. Karen E. Stears. Op. cit. – P. 13;
16. Georgoulaki E. Op. cit. – P. 96.
17. Binford L. R. Mortuary practices: Their study and potential // Brown J. A. (ed.). *Approaches to the social dimensions of mortuary practices*. – Salt Lake City, 1971. – P. 6–29; Saxe A. A. *Social dimensions of mortuary practices: Ph.D. dissertation*. University of Michigan. – Ann Arbor, 1970.
18. Гуляев В. И. Изучение погребального обряда в зарубежной археологии // *КСИА*. – М., 2010. – Вып. 224. – С. 10.
19. Humphreys S. C. Family tombs and tomb cult in Ancient Athens: Tradition or traditionalism // *JHS* 100, 1980. – P. 96-126; Littman Robert J. Kinship in Athens // *Ancient Society* 9, 1978. – P. 5-31; Morris I. Op. cit.; Dimakis N. The Display of Individual Status in the Burials of Classical and Hellenistic Argos // *Honouring the Dead in the Peloponnese, proceedings of the conference held*. – Sparta, 2009. – P. 33-49.
20. Humphreys S. C. Op. cit. – P. 122-123.
21. Morris I. *Burial and Ancient Society. The Rise of the Greek city-state*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – P. 90. Whitley, A. J. M. *Style and Society in Dark Age Greece. The Changing Face of a Pre-literate Society 1100-700 B.C.* – Cambridge, 1991. – P. 67.
22. Dimakis N. Op. cit., 2009. – P. 38.
23. Dimakis N. *Ibid.* – P. 44.
24. Houby-Nielsen S. H. «Burial language» in Archaic and Classical Kerameikos. An earlier version of this article forms part of my Ph.D. thesis, *Buried Virtues. Death Rituals in*

- Kerameikos, Athens, 700-400 B.C.* – Copenhagen 1995. – P. 130.
25. Ibid.
26. Morris I. Burial and Ancient Society after ten years // Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 1998. – P. 23; Morris I. The early polis as city and state // City and Country in the Ancient World. – London, New York: Routledge, 1991. – P. 44.
27. Donnison A. The Appropriation of Death In Classical Athens (M.A. thesis, Victoria Univ. of Wellington). – Victoria University of Wellington, 2009. – P. 10.
28. Dimakis N. Op. cit., 2011. – P. 119.
29. Dimakis N. Ibid. – P. 117.
30. Snodgrass A. M. Archaic Greece: The Age of Experiment. – London: Dent., 1980 – P. 22-24.
31. Morris I. Op. cit., 1998. – P. 24.
32. Snodgrass A. M. Archaeology and the study of the Greek city // City and Country in the Ancient World. – London, New York: Routledge, 1991. – P. 20.
33. Alexiou M. The Ritual Lament in Greek Tradition. – Cambridge: Cambridge University Press, 1974. – P. 17.
34. Frisone F. Construction of consensus. Norms and Change in Greek Funerary Rituals // Ritual Dynamics in the Ancient Mediterranean: Agency, Emotion, Gender, Reception. – Stuttgart: Steiner Verlag, 2011. – P. 188.

УДК 930.2(53) «19»

В.В. Разумный

*кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории
Донецкого национального университета
e-mail : razumnyi.vitalii@yandex.ru*

**ИСТОРИОГРАФИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЛИВАНЕ 1975 – 1990 ГОДОВ:
ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ
ВОСТОКОВЕДОВ**

Аннотация

В статье был сделан историографический анализ событий гражданской войны в Ливане в период 1975 – 1990 годов. Автор исследовал степень изученности проблемы в трудах советских и российских востоковедов. В статье были определены наиболее дискуссионные вопросы в работах исследователей, посвященных изучению истории гражданской войны в Ливане.

Ключевые слова: *историография, Ливан, гражданская война, религиозная конфессия, исследователи, ближневосточная проблема, конфликт.*

Summary

This article is devoted to the investigation of historiography analysis of civil war in Lebanon in 1975 – 1990. Author investigated the articles of Soviet and Russian researchers, which are devoted to this problem. In the article the most debatable questions were investigated in papers of researchers, which are devoted to the study of history of civil war in Lebanon.

Keywords: *historiography, Lebanon, Civil war, religious, researchers, Middle East problem, conflict.*

В апреле 1975 года в Ливане начался межконфессиональный конфликт, который перерос в гражданскую войну, продолжавшуюся почти пятнадцать лет. Эта война стала логическим продолжением палестинской проблемы и имела катастрофические последствия для Ливана. Противостояние враждующих сторон усугублялось военным присутствием иностранных государств. В различные периоды конфликта на территории этой арабской страны находились военные подразделения США, Франции, Израиля и Сирии. Гражданская война в Ливане стала печальным прологом в будущих конфликтах конца XX столетия, которые также сопровождались ожесточенными уличными боями в городских кварталах, этническими и религиозными чистками, взятием заложников, террористическими актами с применением смертников и значительными жертвами среди мирного населения.

После трагедий в Бейруте, Дамуре и Триполи в научный оборот вошел термин «лива-низация конфликта», который стал часто использоваться среди современных политологов и историков. Сейчас, спустя сорок лет после начала гражданской войны в Ливане, различные аспекты этих событий нашли свое отражение в работах зарубежных и отечественных исследователей. Поэтому, на наш взгляд, актуальной будет являться попытка рассмотреть историографию данного конфликта и определить степень изученности этой темы в работах советских и российских специалистов-востоковедов.

Цель данной статьи состоит в изучении советской и российской историографии гражданской войны в Ливане 1975-1990 годов. Данная цель подразумевает решение следующих задач:

1. Выработать критерии классификации историографического анализа по данной проблеме;
2. Найти характерные черты и особенности различных групп исследований в историографическом анализе;
3. Определить наиболее дискуссионные вопросы в статьях историков, посвященных проблеме гражданской войны в Ливане.

Несмотря на актуальность проблемы, изучаемой в данной статье, тема историографии гражданской войны в Ливане в 1975 – 1990 годах не нашла должного отражения в работах исследователей. Лишь отдельные аспекты проблемы были затронуты в монографиях, научных статьях и различных публикациях.

Исходя из изученного нами объема исследовательских работ, посвященных проблеме гражданской войны в Ливане 1975 – 1990 годов, можно предположить, что наиболее целесообразным будет выделить две группы публикаций специалистов по следующему принципу:

- работы советских востоковедов, которые были написаны и опубликованы в научных изданиях в период 1975 – 1991 годов;
- работы и публикации российских исследователей, опубликованные после 1991 года.

На наш взгляд, такая классификация работ различных специалистов позволит создать объективную картину изучения проблемы гражданской войны в Ливане. Приступая к историографическому обзору по данной проблеме, следует четко определить, что автор данной работы не ставит целью указать и проанализировать все работы, связанные с проблемой гражданской войны в Ливане 1975 – 1990 годов. На наш взгляд, более важно указать основные работы и выделить главные направления в исследованиях, посвященных этой теме.

Приступая к изучению работ первой группы, необходимо отметить тот факт, что на первом этапе конфликта проблема гражданской войны в Ливане рассматривалась как продолжение арабо-израильского противостояния, без учета религиозного фактора. Одним из первых советских востоковедов, изучавших причины конфликта в Ливане, был академик Е. М. Примаков. В 1978 году была опубликована его работа, в которой указывалось, что

ливанская проблема является непосредственным продолжением ближневосточного конфликта, вызванного агрессивной политикой государства Израиль [1]. Аналогичной точки зрения придерживался И. А. Александров, который полагал, что основная ответственность за развязывание гражданской войны в Ливане лежит именно на Израиле [2].

Рост числа публикаций советских исследователей по этой теме был вызван трагическими событиями сентября 1982 года в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила, расположенных в Ливане. Спустя год, была опубликована работа Ю. К. Тысовского, в которой были изучены причины этих событий и их последствия для безопасности и стабильности стран Ближнего Востока [3]. Следует подчеркнуть тот факт, что в этот период в работах советских исследователей все чаще стало уделяться внимание конфессиональной составляющей ливанского конфликта. Этот момент нашел отражение в статье А. Б. Зубова [4]. Следует отметить тот факт, что в работах этого периода преобладали политические дефиниции, которые, на наш взгляд, недостаточно полно отражали объективную картину происходивших в Ливане событий.

По мере эскалации конфликта в этой арабской стране, в советской историографии появлялось все больше исследований, в которых была сделана попытка изучить причины и возможные последствия гражданской войны. Здесь следует назвать работу Л. Л. Вольнова, в которой был сделан анализ влияния событий в Ливане на всю внешнеполитическую ситуацию в странах Ближнего Востока [5].

Эта проблема нашла продолжение в работе известного московского востоковеда Л.И. Медведко. В этом исследовании был сделан глубокий анализ политических событий на Ближнем Востоке и показана характерная зависимость деятельности экстремистских группировок в регионе от эскалации ситуации в Ливане [6]. В 1986 году была опубликована работа киевского исследователя В. К. Савцова, в которой была показана негативная роль Израиля в развязывании гражданской войны в Ливане [7]. Эта проблема стала темой диссертационного исследования Р. П. Ризка, где, на основании изученных источников, доказывалась ответственность Израиля за обострение гражданской войны в период первых десяти лет ливанского конфликта [8].

В конце 1980-х стали появляться исследования советских востоковедов, в которых была проведена серьезная аналитическая работа по изучению причин конфликта в этой арабской стране [9]. В 1988 году была опубликована монография московского востоковеда А. А. Игнатенко. В ней были изучены различные аспекты идеологии исламских радикальных группировок как шиитского, так и суннитского толка, которые принимали участие в гражданской войне в Ливане [10].

Изучая первую группу историографических работ, следует отметить тот факт, что в 1990 году было опубликовано наибольшее число исследований советских востоковедов по проблеме гражданской войны в Ливане. На наш взгляд, этот факт можно объяснить повышенным интересом к данной теме в связи с подписанием соглашений в Таифе, которое состоялось в 1990 году.

Особое место здесь занимает работа известного московского востоковеда И. Д. Звягельской, в которой был сделан акцент на изучении роли США в нескольких конфликтах в Ближневосточном регионе в период 1970-80 годов [11]. В этой работе неоднократно подчеркивался негативный характер американского влияния на политическую ситуацию в регионе. Как справедливо отмечала И. Д. Звягельская, вмешательство США в гражданскую войну в Ливане привело к еще большей эскалации конфликта. Военная интервенция армии США в Ливан и бомбовые удары по позициям сирийских войск увеличили число жертв конфликта и способствовали консолидации шиитских группировок в этой арабской стране. Здесь также следует заметить, что в октябре 1983 году в Бейруте американские морские пехотинцы потеряли убитыми и ранеными значительное

число своих военнослужащих. Это были первые серьезные потери армии США после окончания войны во Вьетнаме.

В том же году была опубликована монография С. Л. Стоклицкого, в которой подводились неутешительные итоги гражданской войны в Ливане, продолжавшейся пятнадцать лет [12].

Еще одной работой, опубликованной в 1990 году, была монография востоковеда А. В. Коровикова. В ней изучалась деятельность мусульманских экстремистских организаций суннитского толка в различных арабских странах Ближнего Востока. В монографии был проделан детальный анализ влияния идей духовных лидеров исламского экстремизма. Большое внимание было уделено рассмотрению терминологии проблемы. Было приведено несколько вариантов толкования таких терминов как «экстремизм», «терроризм». В своей работе А. В. Коровиков многократно отмечал, что особенности исламского экстремизма суннитского толка обусловлены, прежде всего, религиозным обоснованием, а готовность к самопожертвованию – основная черта религиозно мотивированных террористов [13].

Характеризуя работы советских востоковедов конца 1980-х годов, следует выделить тот факт, что в отдельных работах еще сохранялась тенденция одностороннего подхода к толкованию политических процессов в арабских странах Ближнего Востока в целом, и в Ливане в частности. Это было характерно для диссертационного исследования А. И. Бирюкова [14].

В 1990 году была опубликована работа А. М. Павлова с красноречивым названием ««Ястребы» над Ливаном», в которой была дана характеристика роли США и Израиля в ливанском межконфессиональном конфликте 1975 – 1990 годов [15].

В 1991 году в журнале «Азия и Африка сегодня» была опубликована статья киевского востоковеда Ю. С. Скорохода, в которой была дана оценка соглашений в Таифе, способствовавших окончанию кровопролития в Ливане [16].

Вторую часть историографического анализа проблемы гражданской войны в Ливане составляют работы российских исследователей, опубликованные в период 1992 – 2014 годов.

В период 1990-х годов интерес к данной теме в советской востоковедческой науке заметно снизился. Для работ этого периода стала характерной тенденция пересмотра оценок и суждений относительно гражданской войны в Ливане.

Среди работ периода начала 1990-х годов следует выделить работу уже упомянутого нами московского востоковеда Л. И. Медведко «Седьмая ближневосточная война», где были проведены параллели с конфликтом на Ближнем Востоке в 1991 году, и была изучена его роль в стабилизации ситуации в Ливане. Как указывает исследователь, в начале 1990-х годов все внимание мировой общественности уделялось уже не ливанской проблеме, а ситуации вокруг Ирака [17].

В 1994 году в московском аналитическом журнале «Восток» была опубликована работа российского востоковеда С. В. Вострякова, в которой акцент делался на изучении международного аспекта урегулирования конфликта в Ливане [18].

Религиозные аспекты внутриливанского конфликта были рассмотрены в статье П. С. Демченко, опубликованной в журнале «Наука и религия» [19]. Опыт урегулирования локальных конфликтов на примере Ливана стал объектом изучения И. Д. Звягельской. В 1997 году была опубликована ее новая монография «Опыт политического урегулирования затяжных конфликтов» [20].

Итоги гражданской войны в Ливане и анализ событий за десятилетний период после подписания соглашений в Таифе были отображены в статье исследователя Л. Бакун, опубликованной в 2000 году в журнале «Азия и Африка сегодня» [21].

Этноконфессиональные и социальные аспекты гражданской войны в Ливане были рассмотрены в диссертационной работе Ю. Б. Агавелян [22].

В 2003 году была издана работа И. В. Тимофеева, посвященная биографии известного ливанского политика и общественного деятеля Камала Джамбулата. Эта работа впервые была издана в Ливане и сразу же стала популярной среди читателей. Автор этого биографического исследования в 1976 – 1979 годах работал журналистом на Ближнем Востоке и сумел в своей книге отразить глубину противоречий межконфессионального конфликта в Ливане [23].

В 2006 году была опубликована еще одна работа московского востоковеда Е. М. Примакова, который на протяжении многих лет являлся главным российским экспертом по проблемам Ближнего Востока. В ней достаточное внимание было уделено изучению гражданской войны в Ливане и ее значению для политической ситуации в различных регионах Ближнего Востока и Северной Африке [24]. Академик Е. М. Примаков дал свою оценку роли палестинского лидера Ясира Арафата в ливанском конфликте и определил степень влияния внешних факторов на события в Ливане.

В 2009 году была издана работа московского историка, преподавателя Российского Университета дружбы народов, известного специалиста по Ближнему Востоку Е. М. Савичевой. Ее исследование было посвящено роли Ливана в политической жизни ближневосточного региона. Кроме того, в работе Е. М. Савичевой был сделан анализ политической и конфессиональной ситуации в этой арабской стране в период ввода в действие Таифских соглашений [25].

В 2011 году было опубликовано диссертационное исследование историка П. А. Рассадина, в котором изучался вопрос о роли и участии конфессиональных меньшинств Ливана в гражданской войне 1975 – 1990 годов. Исследователь подчеркивает факт негативного влияния итогов гражданской войны для христианских религиозных общин Ливана. Более того, в этой арабской стране, наряду с традиционными внутривосточными трениями между христианами и мусульманами, имеет место серьезный внутривосточный конфликт. По мнению П. А. Рассадина, не оправившись от раскола периода гражданской войны 1975 – 1990 годов, ливанские христиане марониты оказались втянутым в противоборство между двумя мусульманскими общинами – суннитами и шиитами. [26]. Представители этой христианской конфессии Ливана оказались в замкнутом круге: из-за внутренних трений они не могут однозначно встать на сторону конкретного мусульманского партнера, а, блокируясь с противоборствующими мусульманскими силами, марониты перекрывают дорогу к внутривосточному единству. Можно согласиться с точкой зрения историка П. А. Рассадина о том, что гражданская война в Ливане в 1975 – 1990 гг. уже стала наглядным примером того, как внутренние противоречия социально-политического характера в сочетании с конфессиональными трениями в условиях нестабильной внешней среды могут перерасти в крупномасштабный вооруженный конфликт регионального масштаба.

Роль Сирии в урегулировании конфликта в Ливане стала объектом научного интереса востоковеда В. П. Шевченко. В 2013 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Гражданская война в Ливане (1975-1990 гг.) и роль Сирии в урегулировании конфликта». Новизна данной работы состояла в том, что роль Сирии в урегулировании ливанского кризиса как отдельная самостоятельная тема практически не была освещена в работах российских исследователей. Имеющиеся публикации, посвященные гражданской войне 1975 – 1990 годов, лишь в той или иной степени затрагивали участие Дамаска в прекращении конфликта и послевоенном устройстве Ливана. Автор диссертационного исследования рассматривает ввод в июне 1976 года сирийских войск на территорию Ливана как вынужденный шаг со стороны Дамаска. Эти действия должны были снизить накал военного противостояния в Ливане и, кроме того, установить контроль над отрядами палестинского движения сопротивления, и получить таким образом в свои руки серьезный козырь в решении ближневосточного конфликта. Более того, пребывание сирийских войск

в Ливане имело, с точки зрения сирийского политического и военного руководства, серьезное военно-стратегическое значение: ливанская территория в случае войны с Израилем могла стать важным плацдармом для ведения боевых действий [27].

Можно согласиться с утверждением В. П. Шевченко о том, что ливанские политические партии, будучи не в состоянии добиться успеха в борьбе за свои цели, регулярно прибегали к помощи и поддержке извне. Эта практика, получившая название «клиентализм», широко распространилась в период гражданской войны. Так, усилилась зависимость христианской общины от Израиля, который оказывал ей военную и экономическую помощь. На военную и политическую помощь Сирии опирались шиитские организации «Амаль» и «Хизбалла», также ряд палестинских организаций. Но, вместе с тем, отдельные утверждения В. П. Шевченко вызывают сомнения. В частности, автор диссертации, оценивая роль Сирии в урегулировании ливанского кризиса, подчеркивает, что сирийцам удалось выполнить свою основную миссию: прекратить военный конфликт и сохранить ливанскую государственность. Однако анализ событий середины 1980-х годов в Ливане позволяет говорить об обратном.

Таким образом, можно сделать вывод, что тема гражданской войны в Ливане 1975 – 1990 годов нашла широкое отражение в работах советских и российских востоковедов. Для первой группы историографического обзора, охватывающей работы советских исследователей, характерной чертой было рассмотрение событий в Ливане как продолжения арабо-израильского конфликта. Отсюда большое число идеологических штампов и подчеркивание негативной роли государства Израиль в ливанских событиях. Важно отметить тот факт, что в работах советских востоковедов периода 1970-х годов недостаточное внимание уделялось изучению конфессионального фактора в гражданской войне в Ливане. Эта ситуация изменилась в начале 1980-х, после победы исламской революции в Иране.

Для второй группы работ по истории гражданской войны в Ливане характерной чертой являлось более всестороннее изучение различных аспектов этой проблемы с учетом влияния ливанских событий на общую ситуацию на Ближнем Востоке. Наиболее дискуссионным вопросом являлась проблема значения религиозных факторов в гражданской войне в Ливане. Вместе с тем, необходимо отметить общую тенденцию уменьшения интереса к изучению событий в Ливане, что отразилось в снижении количества публикаций по этой теме в российской востоковедческой литературе. Еще одной характерной чертой российской историографии данной проблемы является незначительное число работ, посвященных биографии политических деятелей, участвовавших в гражданской войне в Ливане.

Ссылки и примечания:

1. Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. / Е.М. Примаков. — М.: Мысль, 1978. — 374 с.
2. Александров И.А. Ливан: пора суровых испытаний. / И.А. Александров. — М.: Знание, 1980. — 64 с.
3. Тысовский Ю.К. Преступления без наказания: что произошло в Ливане. / Ю.К. Тысовский. — М.: Прогресс, 1983. — 139 с.
4. Зубов А.Б. Политическая культура Ливана: прошлое и настоящее конфессиональной демократии. // Народы Азии и Африки. — 1983. — № 2. — С. 12 – 19.
5. Вольнов Л. Л. Ливан: эхо агрессии. / Л.Л. Вольнов. — М.: Политиздат, 1984. — 202 с.
6. Медведко Л.И. Этот Ближний бурлящий Восток. / Л.И. Медведко. — М.: Политиздат, 1985. — 336 с.
7. Савцов В.К. Оккупанты. О преступной политике Израиля на оккупированных арабских территориях. / В.К. Савцов. — К.: Молодь, 1986. — 144 с.

8. Ризк Р. П. Израиль и гражданская война в Ливане (1975 – 1985 гг.) : автореф. дис. на соискание научной степени кандидата ист. наук: спец. 07.00.03. – «Всеобщая история». / Р.П. Ризк; Институт стран Азии и Африки. — М., 1986. – 20 с.
9. Мирский Г.И. Ливан в 80-е годы: научно-аналитический обзор. / Г.И. Мирский. — М.: Наука, 1987. – 233 с.
10. Игнатенко А.А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. / А.А. Игнатенко. – М.: Наука, 1988. – 207 с.
11. Звягельская И.Д. «Конфликтная политика» США на Ближнем и Среднем Востоке (середина 70-х – вторая половина 80-х годов). / И.Д. Звягельская. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. – 189 с.
12. Стоклицкий С.Л. Ливан: бремя событий. / С.Л. Савцов — М.: Наука, 1990. – 122 с.
13. Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. / А.В. Коровиков. – М.: Наука, 1990. – 170 с.
14. Бирюков А.И. Идеино-политические аспекты американо-израильского вмешательства в Ливане в условиях гражданской войны (80-е годы) : автореф. дис. на соискание научной степени кандидата ист. наук: спец. 07.00.03. – «Всеобщая история». / А.И. Бирюков; Институт стран Азии и Африки. — Москва, 1990. – 20 с.
15. Павлов А.М. «Ястребы» над Ливаном. / А.М. Павлов. – М.: Наука, 1990. – 152 с.
16. Скороход Ю.С. Ливан. Конец гражданской войны? // Азия и Африка сегодня. – 1991. – № 10. – С. 16 – 20.
17. Медведко Л.И. «Седьмая» ближневосточная война: геополитика и безопасность России после кризиса в Персидском заливе. / Л.И. Медведко — М.: Институт Африки РАН, 1993.— 82 с.
18. Востриков С.В. Ливанский узел: международный аспект // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 1994. – № 1. – С. 28 – 39.
19. Демченко П.С. Ливанский узел. // Наука и религия. – 1996. – № 4. – С. 24 – 36.
20. Звягельская И.Д. Опыт политического урегулирования затяжных конфликтов / И.Д. Звягельская. — М.: ИБВ, 1997. – 211 с.
21. Бакун Л. После того, как ушел последний солдат: вывод израильских войск с юга Ливана породил много новых проблем в этом регионе // Азия и Африка сегодня. – 2000.- №12. – С. 36 – 41.
22. Агавелян Ю.Б. Этноконфессиональные и социальные аспекты ливанского кризиса (70-е — 90-е гг.) : автореф. дис. на соискание научной степени кандидата ист. наук: спец. 07.00.03. – «Всеобщая история». / Ю.Б. Агавелян; Институт стран Азии и Африки. — Москва, 2000. – 20 с.
23. Тимофеев И.В. Камаль Джумблат. / И.В. Тимофеев. – М.: Прогресс, 2003. – 496 с.
24. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – XXI века). / Е.М. Примаков. — М.: ИИК «Российская газета», 2006. – 384 с.
25. Савичева Е.М. Ливан: место в истории, роль в политике, ситуация в стране. / Е. М. Савичева. — М.: РУДН, 2009. – 187 с.
26. Рассадин П.А. Конфессиональные меньшинства в общественно-политической жизни Сирии и Ливана (1943 – 2010 гг.) : автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата ист. наук: спец. 07.00.03. – «Всеобщая история». / П.А. Рассадин; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 2011. – 20 с.
27. Шевченко В.П. Гражданская война в Ливане (1975-1990 гг.) и роль Сирии в урегулировании конфликта: автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата ист. наук: спец. 07.00.03. – «Всеобщая история». / В.П. Шевченко; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Востоковедения РАН. – Москва, 2013. – 20 с.

УДК: 339.9:(468.2)

А.В. Бредихин

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной истории Донецкого национального университета.

e-mail kafedravsemirnois.donu@yandex.ua

Н.О. Лесива

аспирантка кафедры всемирной истории Донецкого национального университета.

e-mail natali.lesiva@yandex.ua

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ГИБРАЛТАРА В РАБОТАХ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ**

Аннотация

Статья посвящена анализу историографии Гибралтарской проблемы. Авторы представили анализ существующих направлений в исторической науке. В частности, проанализированы научные исследования английских, испанских, американских, советских, российских и современных украинских ученых. Сделана попытка анализа изменения оценок исследователей в течение 50 лет.

Ключевые слова: *Гибралтар, историография, исследование, проблема, направление.*

Summary

This article analyzes the historiography of the Gibraltar issue. The authors presented an analysis of current trends in modern history. In particular, the researches of the British, Spanish, American, Soviet, Russian and modern Ukrainian scholars have been analyzed. An attempt to analyze the changes in the researchers' views for 50 years was made.

Keywords: *Gibraltar, historiography, the study, the problem, trend.*

Научный интерес ученых-историков к проблеме Гибралтара на современном этапе определяется не только актуальностью проблематики, но и довольно остропроблемным характером отношений между основными сторонами – Испанией и Великобританией. Гибралтарский вопрос имеет достаточно длинную историю. Историографический обзор включает в себя работы испанских, британских, американских, немецких, французских, польских, советских, а также современных отечественных ученых.

Несмотря на существование большого количества работ, посвященных проблеме Гибралтара и внешней политике Испании, действия испанского правительства по решению гибралтарской проблемы в период конца 1970-х – начала 1980-х гг. почти не освещены (в отличие от 1960-х гг., когда проблема Гибралтара проявилась очень остро и даже привела к конфликту между Испанией и Великобританией). Лишь несколько исследователей вскользь касаются этой проблемы, рассматривая внешнюю политику постфранкистских правительств Испании. В современной отечественной историографии практически отсутствуют исследования внешней политики Испании, а исследования гибралтарской проблемы вообще отсутствуют.

При написании статьи авторы использовали биографические произведения, которые позволяют получить больше информации о политических и государственных деятелях и определить роль личности в направлении внешней политики государства.

Также необходимо отметить литературу методологического характера, в которой рассматривается проблема определения национального интереса во внешней политике государства, а также разрабатываются принципы, подходы и методы изучения и оценки

внешнеполитической деятельности государства и политического урегулирования конфликтов. Благодаря этим методологическим исследованиям, авторам удалось сформулировать некоторые положения относительно значения проблемы Гибралтара с точки зрения испанских национальных интересов и адекватности методов испанских правительств, направленных на решение этой проблемы. Во франкистский период проблема Гибралтара особенно остро стала перед Испанией в начале Второй мировой войны и во время процессов деколонизации (особенно в 60-х годах). Активизация действий испанского правительства по возвращению Гибралтара способствовала появлению исторических трудов, посвященных проблеме этой территории.

Среди исследований франкистского периода, прежде всего, нужно отметить монографию испанского историка Карлоса де Луна «История Гибралтара» [1], которая была опубликована в Мадриде в 1944 г. и охватывает период от древнейших времен до второй мировой войны (1943 г.). Несколько разделов работы посвящены истории Гибралтара во время арабского владычества и реконкисты. В книге де Луны опубликовано большое количество документальных материалов. Среди них письма европейских дипломатов времен войны за испанское наследство, данные про английский флот, акт о капитуляции Гибралтара (4.8.1704 г.), текст Утрехтского договора, документы начала 1940-х гг., которые свидетельствуют об отношении к гибралтарской проблеме депутатов кортесов и генералиссимуса Франко. Даже эпиграммы и стихи о Гибралтаре, и множество других документальных материалов делают эту работу чрезвычайно ценной для изучения истории Гибралтара с древности до второй мировой войны.

Опубликованная в 1968 г. в Мадриде коллективная историческая работа под названием «Гибралтар: история одного незаконного захвата» [2] характеризует владение Британией Гибралтаром как следствие оккупации испанской территории с ее стороны.

Испанский историк Х. М. Кордеро Торрес – автор обобщающих трудов по колониальной политике [3], сравнивая в своих трудах испанскую колониальную политику с британской и французской, делает вывод, что Испания никогда не была колониальной державой в том смысле, в котором Великобритания или Франция. Наоборот, сама Испания стала объектом колониальной экспансии со стороны Англии, которая аннексировала Гибралтар.

В целом, франкистская историография отражала позицию испанского правительства относительно причин и путей решения гибралтарской проблемы. Для испанских работ того периода также характерно воспевание «мудрой политики» каудильо. В постфранкистский период в испанской историографии, как и в политической жизни, произошла значительная демократизация. И хотя национальные интересы Испании по Гибралтару не изменились, исследователи не всегда разделяли методы, которыми испанские правительства пытались решить проблему.

Тщательный анализ внешней политики Испании в период правления Франко провёл испанский исследователь Армеро Хосе Марио в работе «Внешняя политика Франко» [4]. Однако проблеме Гибралтара автор не уделял должного внимания, констатируя лишь некоторые факты. По его мнению, Франко проводил в этом направлении достаточно взвешенную политику, даже когда пытался использовать методы силового давления на Великобританию, ответственность за неудачи несет, прежде всего, министр иностранных дел Ф. Кастиелья.

В британской историографии существует значительное количество работ, посвященных как Гибралтару, так и британо-испанским отношениям в исследуемый период в целом.

Накануне второй мировой войны в Лондоне была опубликована работа британского ученого Дж. Гаррета «Гибралтар и Средиземноморье» [5], в которой автор на примере многих исторических фактов доказывает насколько значимым был Гибралтар для британского господства в Средиземноморье и насколько важно для Великобритании было

сохранить контроль над этой территорией. Особое внимание автор уделяет планам захвата Гибралтара накануне и во время войны за испанское наследство. В этом его подход отличался от позиции известных британских историков С. Конна [6] и Дж. Тревельяна [7], которые утверждали, что Гибралтар был захвачен случайно во время военных действий между флотами воюющих коалиций.

В работе немецкого исследователя Д. Детвилер «Гитлер, Франко и Гибралтар», которая вышла уже в послевоенное время в ФРГ, сотрудничество Франко с Гитлером получило весьма негативную оценку [8]. Ученый опубликовал в работе большое количество документов (переписка Гитлера с Франко, протоколы дипломатических переговоров, документы об операции «Феликс») разоблачавшие масштаб сотрудничества Франко с Гитлером. Д. Детвилер осудил попытки франкистского руководства во время второй мировой войны вернуть Испании Гибралтар вооруженными силами.

Проблему Гибралтара затрагивали также французский историк Б. Ларсоннеур в труде «История Гибралтара» [9] и польский историк Я. Маховский в работе «Спор за Скалу. Гибралтар» (1970 г.) [10]. Однако их работы, это преимущественно только повествовательные очерки истории Гибралтара.

В советской историографии проблеме Гибралтара не уделяли большого внимания, поскольку население этой британской колонии, в отличие от некоторых других крупных британских колоний в XX в., не стремилось к независимости, то есть не имело национально-освободительного движения, не укладывалось в типичную схему советской исторической науки. Кроме того, государства, между которыми возник территориальный спор, принадлежали к вражескому по отношению к СССР капиталистическому лагерю, поэтому территориальный конфликт между ними расценивали как межимпериалистические противоречия. Проблемы Гибралтара касались преимущественно исследователи внешней политики Испании и Великобритании, но только в связи с такими вопросами, как, например, евроатлантическая интеграция Испании и определение ее внешнеполитических приоритетов. Почти не существовало ни одного научного исследования, посвященного гибралтарскому вопросу, кроме научно-популярного очерка Р. Ю. Печниковой и нескольких статей.

Труды многих советских авторов, которые, так или иначе, касались проблемы Гибралтара, представляют собой очерки и статьи обзорного характера, напечатанные на страницах журналов «Новое время», «Международная жизнь», «Мировая экономика и международные отношения». Их авторы рассматривали проблему Гибралтара как столкновение интересов капиталистических государств. Советские историки и журналисты-международники, хотя и считали Гибралтар остатком британского колониализма в Европе, франкистской Испании не симпатизировали. Статьи таких авторов как К. Барановский [11], М. Владимиров [12], А. Гаврюшкин [13], Т. Григорьев [14], были написаны, по популярному выражению, «на злобу дня». В них лишь описывались тогдашние события вокруг Гибралтара (60-х – начала 80-х гг. XX в.) и проводился краткий экскурс в историю, для того чтобы выяснить корни испано-британского конфликта.

Советский историк А. Б. Соколов в статье «Захват Англией Гибралтара», которая была напечатана в журнале «Вопросы истории» в 1984 году [15], делает критический анализ западной «буржуазной» историографии относительно мотивов захвата Гибралтара Англией в 1704 г. Автор придерживался точки зрения, что захват Гибралтара не личная инициатива адмирала Дж. Рука, связанная с тактической необходимостью, а заранее спланированная акция, о необходимости которой шла речь еще во времена Английской революции. Контроль над Гибралтаром был нужен Англии для закрепления ее морского господства (особенно в Средиземноморье), для проведения колониальной экспансии на Востоке. Исследователь подробно описывает факты подготовки и захвата Гибралтара

англо-голландскими войсками во время войны за испанское наследство, используя при этом значительное количество источников.

В 1984 г. в Москве в серии «В политической карты мира» была опубликована научно-популярная брошюра Р. Ю. Печниковой «Гибралтар – последняя колония в Европе» [16]. Это единственная в советской историографии работа такого масштаба, посвященная гибралтарскому вопросу. В брошюре рассматривается проблема Гибралтара как большой военно-морской и военно-воздушной базы Великобритании в Европе, анализируются противоречия между Англией и Испанией относительно статуса Гибралтара, а также освещается роль этой британской колонии как форпоста НАТО в Средиземноморье. Таким образом, Гибралтар рассматривался в контексте противостояния двух военно-политических блоков во время «холодной войны». Поэтому автор высказывает мнение, что в интересах безопасности в Средиземноморском регионе и в мире в целом необходимо, чтобы Гибралтар, прежде всего, был демилитаризован и перестал быть базой НАТО. Также Р. Печникова обращает внимание на то, что советские представители в ООН всегда активно выступали за деколонизацию, и относительно Гибралтара они также придерживались мнения о необходимости ликвидации его колониального статуса.

Отдельно следует отметить диссертационную работу советского исследователя В. Казанцева, которая была защищена в 1979 г. в Киевском государственном университете и посвящена проблеме юридического статуса проливов, имеющих международное значение. Это исследование было проведено в тот период, когда Гибралтарский кризис усложнил вопрос о распределении территориальных вод в Гибралтарском проливе, что вызвало со стороны некоторых государств нарушения международного морского права.

Значительную роль в исследовании истории Испании в советское время сыграло периодическое издание сборников исследований «Проблемы испанской истории», в которых публиковали свои труды советские испанисты.

Внешнюю политику Испании в период новейшей истории исследовали такие известные советские испанисты, как К. Барановский, А. Белявский, И. Викторов, И. Данилевич, В. Евстигнеев, А. Красиков, С. Пожарская, И. Попов, Д. Пригов, Д. Пряхин, С. Хенкин, К. Черкасова. Однако эти исследователи в своих трудах не уделяли внимания проблеме Гибралтара или только касались ее в связи с исследованием других внешнеполитических проблем Испании. Советские историки весьма негативно оценивали франкистский режим и его внешнюю политику, что было связано с конфликтными отношениями между СССР и франкистской Испанией. Однако стремление Испании к деколонизации Гибралтара все же оценивалось положительно. Что касается внешнеполитического курса постфранкистской Испании, то к его изучению историки подходили уже менее тенденциозно. Это связано с восстановлением дипломатических отношений СССР с Испанией в конце 70-х гг. и установлением дружеских отношений руководства СССР с испанским правительством социалистов. Таким образом, при исследовании внешней политики Испании и ее истории в целом, на советскую историческую науку значительное влияние имело отношение политического руководства СССР к Испании, а также идеологические рамки, которые ограничивали объективность исследований.

Ведущими современными российскими исследователями внешней политики Испании являются И. Прохоренко, С. Хенкин и К. Черкасова.

В опубликованной в 1995 г. монографии научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН, к.п.н. И. Л. Прохоренко «Национальный интерес во внешней политике государства: опыт современной Испании» рассматриваются вопросы генезиса концепции национального интереса, анализируются ее основные теоретические аспекты в тесной взаимосвязи с такими понятиями как «нация», «национальное государство», «национальная безопасность» [17]. На фактическом матери-

але постфранкистской Испании автор демонстрирует роль национального интереса как движущей силы внешней политики государства. Возвращение Гибралтара является для Испании одной из приоритетных задач, поскольку связано, по мнению автора, с таким важным для любого государства интересом как сохранение территориальной целостности страны. И. Прохоренко в монографии также определяет участие политических партий, научно-исследовательских центров и различных социальных институтов в формировании внешнеполитического курса постфранкистской Испании. Все же автор уделила немного внимания проблеме Гибралтара.

Сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, доктор исторических наук С. М. Хенкин в своих трудах преимущественно исследует внутривнутриполитическое развитие Испании в период установления и развития демократии, но он также выявляет взаимосвязь между внешней политикой государства и внутривнутриполитическим положением [18].

Эволюцию внешнеполитического курса Испанской социалистической рабочей партии со времён ее возникновения как оппозиционной партии до периода пребывания у власти исследует в своих трудах сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат исторических наук К. Г. Черкасова.

Такое направление исторических исследований как испанистика в советский период было удалено с поля зрения украинских историков. Данная отрасль историографии была монополизирована советским центром, здесь существовали учреждения, отделы, школы, ведущие специалисты. Именно поэтому в Российской Федерации работает значительное количество исследователей, в то время как в Украине специалистов в этой отрасли единицы. В советский период украинской испанистики практически не существовало, несмотря на то, что в Украине еще в конце XIX в. основателем украинской и российской испанистики стал профессор Киевского университета Св. Владимира, всемирно известный медиевист В. К. Пискорский.

Заслуга возрождения украинской испанистики в 90-х гг. XX в. принадлежит одному из ведущих специалистов по истории Испании франкистского периода профессору кафедры всемирной истории Винницкого государственного педагогического института А. П. Иваницкой. Тематикой ее исследований является выявление типологии франкизма как политического режима. В своих работах А. П. Иваницкая доказывает, что франкистская Испания не была тоталитарным (фашистским) государством, как ее определяли советские и некоторые иностранные исследователи, а скорее, по признакам, франкизм можно характеризовать как авторитарный режим [19]. А. П. Иваницкой, кроме научных исследований, в середине 90-х гг. был разработан спецкурс по всемирной истории «Франкистская Испания 1939-1975 гг.». Эти работы, по нашему мнению, дают более объективную оценку данному периоду испанской истории, чем в советские времена. Новый подход к определению типологии франкизма позволяет с новых позиций оценивать внешнюю политику франкистской Испании.

Невозможно было бы в полной мере исследовать проблему Гибралтара без использования трудов, посвященных внешней и колониальной политике Великобритании, благодаря которым есть возможность определить Гибралтар в политике метрополии и позицию британской стороны по отношению к проблеме. Среди них надо отметить исследования советских и российских историков: Гуревича Я., Ерофеева Н., Матвеева В., Остапенко Г., Терентьева П., Чевтаева А., а также публикации многих ученых в сборниках статей «Проблемы британской истории».

Итак, суммируя историографический обзор, необходимо отметить, что проблема Гибралтара исследовалась преимущественно испанскими и британскими историками и политологами. Исследователи других европейских стран и США также касались этой

темы, что свидетельствует о значимости проблемы не только для стран, между которыми возник этот территориальный конфликт. Несмотря на существование в зарубежной и советской историографии значительного количества работ, посвященных внешней политике Испании, политика в отношении Гибралтара и роль международных организаций в его урегулировании почти не освещена. В современной отечественной историографии почти отсутствуют исследования внешней политики этой страны в целом, и гибралтарской проблемы в частности.

Ссылки и примечания:

1. Carlos de Luna J. Historia de Cibraltar. – Madrid, 1944. – 539 p.
2. Gibraltar: historia de una usurpacion. – Madrid, Sie, 1968. – 87 p
3. Cordero Torres J. M. La descolonizacion. Un criterio hispanico. – Madrid: Instituto de estudios politicos, 1967. – 819 p.
4. Armero Jose Mario. La politica exterior de Franco. – Barcelona. 1978. – 247p.
5. Garrat G. T. Gibraltar and the Mediterranean. – London, 1939.- 160 p.
6. Conn S. Gibraltar in British Diplomacy in the Eighteenth Century. – New Haven, 1942, – 250 p.
7. Trevelyan G. M. Select Documents for Queen Anne’s Reign. Down to Union with Scotland. – Cambridge, 1929.
8. Detwiler, Donald S. Hitler, Franco und Gibraltar. Die Frage des Spanischen Eintritts in den Zweiten Weltkrieg. – Wiesbaden, Steiner, 1962. – 188 p.
9. Larsonneur, Bathilde. Histoire de Gibraltar. Par Bathilde Larsonneur... – Paris, Presses universitaires de France, 1955. – 128 p.
10. Machowski, Jacek. Spór o Małpia Skale. Gibraltar. – Warszawa, «Książka i Wiedza», 1970. – 253 s.
11. Барановский К. Спор вокруг Гибралтара // Мировая экономика и международные отношения. – М., 1981. – № 10. – С. 137-138.
12. Владимиров М., Григорьев Т. Гибралтар // Международная жизнь. – М., 1967. – № 7. – С. 151-152.
13. Гаврюшкин А. Скала «преткновения» // Международная жизнь. – М., 1983. – № 2. – С. 153-154.
14. Григорьев Т., Эфендиев О. Гибралтарский конфликт // Международная жизнь. – М., 1969. – № 10. – С. 112-116.
15. Соколов А. Б. Захват Англией Гибралтара // Вопросы истории. – М., 1984. – № 2. – С. 183-188.
16. Печникова Р. Ю. Гибралтар – последняя колония в Европе. – М.: Знание, 1984. – 64 с.
17. Прохоренко И. Л. Национальный интерес во внешней политике государства: опыт современной Испании. – М.: ПаспортГрафика, 1995. – 128 с.
18. Хенкин С.М. Испания после диктатуры. – М., 1993. – 197 с.
19. Іваницька О.П. Типологія франкізму в історичних дослідженнях.: Матеріали до спецкурсу «Франкістська Іспанія. 1939 – 1975 рр.». – Вінниця, 1997. – 91 с.

УДК 930.1(47 + 57)

Е.И. Федюн

аспирантка исторического факультета Донецкого национального университета
e-mail: a.clubnika@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (1950 – 1980-е гг.)

Аннотация

В статье рассматривается положение исторической науки на территории Советского Союза, в частности, на территории УССР в 1950 – 1980-х гг. Основываясь на обширном историографическом материале, были очерчены приоритетные темы для изучения советскими историками, а также представлен структурный анализ некоторых «классических» работ. Особое внимание уделено статусу исторической науки в рамках партийных съездов второй половины XX века. В статье также дана характеристика ведущего специализированного журнала «Український історичний журнал» («Украинский исторический журнал»), проанализировано его текстовое наполнение.

Ключевые слова: историография, КПСС, официальная линия партии, проблематика исследований, Институт истории.

Summary

The article describes historical knowledge condition in USSR, particularly in Ukrainian SSR during 1950-1980. Being based on extensive historiographical material, a Soviet historian's area of priority topics is described and a structural analysis of some «classic» works is represented. Special attention is paid to the historical knowledge status within the limits of party conventions in the second half of 20th century. The article also includes description of the specialized leading magazine «Ukrainian Historical Journal» and analysis of the magazine's text content.

Keywords: historiography, the Communist Party, general line of the Party, research problematics, Institute of History.

Историческая наука является неотъемлемой частью общественной жизни. Советская система, предельно идеологизированная и не лишённая мифотворчества, не обращалась к «урокам истории» в построении государственной политики, наоборот, она создавала «свою» историю. Коммунистическая партия Советского Союза, будучи патерналисткой, влияла на все сферы общественной жизни, включая и историческую науку, которой от природы свойственно свободомыслие. Пытаясь скрыть истину за огромным валом бумажных данных, советское руководство неоднократно прибегало к бюрократизму в решении важнейших общественно-политических и экономических вопросов. Контроль над историей как отраслью знания осуществлялся на всех уровнях – от корректировки деятельности Академии наук УССР – до регулирования желаемой тематики исторических исследований.

Историография данной темы представлена работами советских историков, а также современных исследователей. К первой группе относятся такие труды, как: «Историография истории Украинской ССР», «Очерки истории исторической науки в СССР», «Выдающиеся советские историки» [1] и т.д. В них отражены основные тенденции советского историописания, согласно которым ведущая роль в исторических процессах отведена Коммунистической партии. Вторую группу составляют работы современных историков – Я.Калакуры, В.Яремчука, И.Гирича [2]. Историки современности рассматривают историческую науку

как средство научного познания прошлого, с соответствующими ему методологическими приемами и объективностью в изложении фактов.

Цель данного исследования заключается в изучении положения исторической науки в УССР в 1950-х – 1980-х гг. в контексте изменений советского социума.

С наступлением периода десталинизации научная жизнь советского общества заметно активизировалась, приобретая новые формы и возможности. Хрущевская «оттепель» не только дала возможность под новым углом посмотреть на проблемы истории, но и расширила ареал исследовательских тем. В 1953 – 1957 гг. на русском и украинском языках вышел двухтомник «История Украины», который занимает почетное место среди монографий и сегодня. Институтом археологии было подготовлено издание «Очерки древней истории Украинской ССР», что стало свидетельством самоотверженной работы исследователей в данной области знания [3].

В 1950-е гг. вышел целый ряд новых по своему формату исследований. Например, В. Дядиченко – известный историограф – в своем труде «Очерки общественно-политического устройства Левобережной Украины конца XVII-XVIII ст.» представил новый взгляд на Гетманщину [4]. В его работе она предстала как автономная единица в пределах Российской империи, со своими признаками государственности, гетманским правительством и собственными правами и традициями.

Свидетельством упорного труда советских историков в 1960-х – 1970-х гг. стало появление ряда масштабных обобщающих работ, которые не утратили своей значимости и сегодня, среди них: уникальная 26-томная «История городов и сел Украинской ССР» (1967 – 1974 гг.), 4-томная «Советская энциклопедия истории Украины» (1969 – 1972 гг.), многотомная «История Украинской ССР» двумя языками (1977 – 1979; 1981 – 1985 гг.), 3-томная «Археология Украинской ССР» (1971 – 1975 гг.), вышел ряд работ по истории науки [5].

Советская историческая наука в своих исследованиях опиралась на ряд определенных тем, которые постоянно штудировались на страницах различных научных изданий. Этот ряд состоит из таких проблематик, как история Великого Октября, колхозное строительство, соцсоревнование, Великая Отечественная война, промышленное и сельскохозяйственное развитие и т.д.

Следует заметить, что тематика исторических исследований в изучаемый период имела свойство меняться, согласно трансформациям и преобразованиям политического режима в стране. Содержательное наполнение трудов становилось разнообразнее, приобретало новый вид, но все же оставалось подконтрольным КПСС. Исходя из этого, следует отметить основные аспекты государственной политики по отношению к исторической науке в рамках партийных съездов второй половины XX в.

Спектр вопросов, которые поднимались на съездах, был очень широк: от рассмотрения экономических проблем общесоюзного масштаба – до решения локальных аспектов соцстроительства. Следует констатировать, что история не обсуждалась на партийных съездах как отдельная отрасль научного знания. Некоторые аспекты ее развития рассматривались косвенно, в контексте идеологической политики или общего развития общественных наук.

На XIX съезде КПСС история упоминалась относительно издания марксистского учебника политической экономии. В своей речи И. Сталин несколько унижительно отозвался об истории: «Некоторые товарищи предлагали во время дискуссии включить в учебник целый ряд новых глав, историки – по истории, политики – по политике, философы – по философии... Учебник использует исторический метод для иллюстрации проблем политической экономии, но это еще не значит, что мы должны превратить учебник политической экономии в историю экономических отношений» [6].

Вторая половина 1960-х гг. ознаменовался тем, что партийное руководство во главе с Л.И. Брежневым сделало ставку на ресталинизацию общественной жизни и конституционное оформление монополии Компартии. Следует отметить, что на XXIII съезде КПСС в марте-апреле 1966 г. совсем ничего не говорилось о развитии исторической науки.

В начале 1970-х гг. в постановлениях и резолюциях прослеживается жесткая критика попытки «буржуазно-националистической» трактовки Отечественной истории: «Острой, справедливой критике были подвержены отдельные попытки с непартийных, внеклассовых позиций оценивать исторический путь советского народа...» [7]. Такая резкая критика была вызвана негативными тенденциями в советском обществе и нарастающим «застоем».

Начало 1980-х гг. ознаменовалось несостоятельностью исторической науки объяснить кризисные явления, которые полноправно царили в советской общественно-политической жизни. Агония авторитарного режима Л.И.Брежнева проявилась в партийных измышлениях относительно коммунистического строительства в стране, которые не имели ничего общего с реальностью. Например, исторические исследования продолжали колебаться в фарватере концепции так называемого «развитого социализма», о чем четко указано на XXVI съезде КПСС в 1981 г.: «Из того, что сделано в области теории, следует прежде всего назвать разработку концепции развитого социализма. Опираясь на эту концепцию, партия уточнила и конкретизировала пути и сроки реализации наших программных целей, определила стратегию и тактику на длительный исторический период» [8].

К моменту прихода к власти М.С. Горбачева все недостатки тоталитарной системы вышли наружу. Что касается исторической науки, то она приобрела антропоцентрическое измерение, в упадок приходит так называемый «валовый» подход в подаче материала: «Цифры здесь действительно впечатляют... Все это хорошо. Но не исчезает ли в таком мельтешении цифр и «охватов» живой человек? Не заслоняет ли вот нас идеологическая статистика, с одной стороны, самоотверженных тружеников, заслуживающих большого общественного признания, а с другой – носителей антисоциалистической морали?» [9].

Таким образом, историческая наука как одна из главных составляющих в формировании гражданского сознания человека, не нашла должного отражения в партийных съездах КПСС 1950-х – 1980-х гг. Большое внимание отводилась естественным наукам, что было обусловлено потребностями того времени.

Но историческая наука в УССР продолжала развиваться, стараясь обособиться от идеологической политики страны. Помимо монументальных монографических и коллективных работ, определенную важность имеют периодические академические издания, которые рассматривают проблемы исторической науки в более локальных и разноплановых измерениях. Для территории УССР таким изданием был «Український історичний журнал» («Украинский исторический журнал» (УИЖ), основанный в 1957 г. с целью углубленного освещения Отечественной истории.

Одним из важных сюжетов в «УИЖ» была критика буржуазной историографии, которая впоследствии переросла и в критику отечественных трудов. Так, в статье А.Д. Войны «О некоторых современных фальсификациях истории Советской Украины в буржуазной исторической литературе», опубликованной в первом выпуске, отмечалось: «В исторических концепциях упомянутых буржуазных исследователей [А. Марголин, К. Мэннинг, В. Коларж] нет ничего оригинального. Они заезженные и, как правило, заимствованные из арсенала украинской буржуазно-националистической историографии» [10]. А.Д. Война связывает деятельность этих исследователей с именами М. Грушевского, Д. Донцова, Д. Дорошенко, обвиняя их в искажении фактов советской истории.

С наступлением 1970-х гг. «УИЖ» ощутил на себе «застой». Деятели КПСС обвиняли редакцию журнала в недостаточной «партийности» журнала, в частности, в недостаточ-

ном освещении некоторых аспектов ленинского учения, роли Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны и др.

Горбачевская «перестройка» позволила с принципиально новых позиций взглянуть на Отечественную историю. Колоритным в содержательном наполнении выдался для журнала 1989 г. Наряду с попытками некоторых авторов оправдать политическую ситуацию в стране через учение идеологов-марксистов, в редакцию журнала подавались статьи о сталинщине и Голодоморе, которые вдребезги разбивали основы коммунистического учения.

«Украинский исторический журнал» издается и в настоящее время, что подтверждает его значимость для отечественной исторической науки. Большой заслугой «УИЖ» является освещение национальной истории в плоскости специальных исторических дисциплин, в частности, через источниковедение, историческую биографистику, библиографию и т.д.

За время существования Украинской ССР у отечественных историков накопился огромный багаж материала, представленный многочисленными трудами. Многие из них остаются актуальными для исследователей и сегодня. В 1955 г. вышел в свет коллективный труд «Очерки истории исторической науки в СССР». Он представляет собой пятитомное издание, которое стало первым советским обобщающим трудом по историографии. Двигаясь в фарватере марксистско-ленинской идеологии, авторы «Очерков» на страницах работы излагали классические советские тезисы. Так, подчеркивая братство украинского, русского и белорусского народов, в работе отмечено: «Русский, украинский и белорусский народы, выросшие из одного корня, – древнерусской народности. Их колыбелью была Киевская Русь. Поэтому культурные достижения Киевской Руси, в том числе и высокий уровень исторических знаний, являются общим достоянием всех трех братских народов. Только со времени образования русского, украинского и белорусского народов, т. е. с XIV-XV вв., можно говорить об историографии России, Белоруссии и Украины, как в явлениях сложившихся, хотя и в это время культурная связь между тремя братскими народами не только не прерывается, а продолжает развиваться» [11].

В целом, согласно общей концепции написания исторических произведений, в теоретическом плане «Очерки истории исторической науки» выступают как тенденциозное произведение. На сегодняшний день в концептуальном плане труд «Очерки» является морально устаревшим, но его смысловая нагрузка остается мощным источником для изучения истории исторической науки в так называемый классический советский период.

Из коллективных работ советского периода также следует отметить работу «Историография истории Украинской ССР». Данная работа была подготовлена коллективом советских историков, большинство из которых были членами Украинской Академии наук. Среди них: Д. Я. Телегин – исследователь древней истории Украины, В.М. Рычка – исследователь Киевской Руси, Ф.П. Шевченко – исследователь социально-политических проблем истории Украины XVII-XX вв., В.А. Смолий – исследователь казачества и другие.

В условиях бдительного контроля партии над тематикой исследований историки стали уделять больше внимания изучению культурных процессов. Данная тематика почти не содержала идеологического характера, поэтому легко поддавалась объективному анализу историка. Так, Я. Исаевич издал следующие монографии: «Братства и их роль в развитии украинской культуры XVI – XVIII ст.», «Источники по истории украинской культуры эпохи феодализма», «Первопечатник Иван Федоров и возникновение книгопечатания на Украине» и т.д. [12].

Вопросу развития советской историографии посвящено много трудов. В советские времена по историографии писались не только монографии и статьи, но и защищались диссертации. В 1984 г. была написана диссертация О.А. Белоцкой «Советская историография Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. на Украине» [13]. Данная работа является типичным тенденциозным трудом своего времени.

Прогрессивность научных знаний является одним из показателей развитого государства. Советский Союз, несмотря на свою консервативность и тоталитарное происхождение, имел достаточно мощный пласт историков-специалистов. И хотя в 50-е – 80-е гг. XX в. приоритет в изучении отдавался техническим и точным наукам, история не утратила своей актуальности, ведь была неотъемлемой частью идеологии советского государства. Первые секретари и деятели партии обращались к урокам истории, чтобы доказать догматичность марксистско-ленинской концепции. Сегодня фамилии советских ученых известны каждому историку, а их научное наследие активно используется в развитии новых концепций и теорий.

Таким образом, советская историография составляет отдельный пласт в общеукраинской исторической науке. Ее положительным достижением является создание большого количества научных учреждений, в частности, институтов и обществ, а также интенсивное издание исторической литературы. Проблемой является заангажированность и идеологизация истории как науки, превращение ее в орудие влияния на массы, что негативно сказалось на ее содержании.

Ссылки и примечания:

1. Историография истории Украинской ССР / Ред. кол.: Ы. С. Хмель (отв. ред.), Н. Н. Варварцев (зам. отв. ред.), А. В. Лихолат, А. Ы. Майборода (отв. секр.), А. В. Санцевич, В. Г. Сарбеи, Г. Я. Сергиенко, П. С. Сохань, Ф. П. Шевченко. АН УССР. Институт истории. - К., 1986; Очерки истории исторической науки в СССР / Ред. кол.: М. Н. Тихомиров (отв. ред.), М. А. Алпатов, А. Л. Сидоров. - Т. 1. - М., АН СССР, 1955; Гуржий И.А. Выдающиеся советские историки / И.А. Гуржий, В.С. Петренко. - К., 1969.
2. Калакура Я. С. Українська історіографія: курс лекцій / Я.С. Калакура. – К.: Генеза, 2012. – 512 с.; Яремчук В.П. Минувле України в історичній науці УРСР післясталінської доби / В.П. Яремчук. – Острог, 2009. – 526 с.; Гирич І. Б. Основні історіографічні ідеї Я. Дашкевича / І. Б. Гирич [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.i-hyrych.name/Misc/Dashkevich/MainIdeas.html>.
3. Бибииков С.Н. Очерки древней истории Украинской ССР / С.М. Бибииков. - К., 1959.
4. Дядиченко В. А. Очерки общественно-политического устройства Левобережной Украины конца XVII - начала XVIII вв. / Отв. ред. И. О. Гуржий.- К., 1959.
5. История городов и сел Украинской ССР: энциклопедия в 26 т. / гл. глав. редкол. П.Т. Тронько– К., 1967; Радянська енциклопедія історії України: енциклопедія в 4 т. / відп. ред. А.Д. Скаба– К., 1969; Історія Української РСР: курс в 8 т., 10 кн. / гол. ред. А.Г. Шевелєв, Ю.Ю. Кондуфор – К., 1977; Археологія Української РСР: монографія в 3 т. / гол. ред. В.Д. Баран – К., 1971.
6. 19-й съезд ВКП (б) – КПСС (5 – 14 октября 1952 г.): Документы и материалы. – М., 1952. – С. 57.
7. 24-й съезд КПСС (30 марта – 9 апреля 1971 г.): Стенографический отчет. – М., 1971. – Т.1. – С. 128.
8. 26-й съезд КПСС (23 февраля – 3 марта 1981 г.): Стенографический отчет. – М., 1981. – Т.1. – С. 97.
9. 27-й съезд КПСС: Материалы. – М., 1986. – С. 97.
10. Война А.Д. Некоторые современные фальсификации истории Советской Украины в буржуазной исторической литературе / А.Д. Война // Украинский исторический журнал. - 1957. - № 1. - С. 138.
11. Очерки истории исторической науки в СССР / Ред. кол.: М. Н. Тихомиров (отв. ред.), М. А. Алпатов, А. Л. Сидоров. – Т. 1. – М., 1955. – С. 107.

12. Исаевич Я. Д. Братства и их роль в развитии украинской культуры XVI - XVIII вв.: [монография] / Я. Д. Исаевич. - К., 1966; Источники по истории украинской культуры эпохи феодализма. - К., 1972; Первопечатник Иван Федоров и возникновение книгопечатания на Украине. - Л., 1983.
13. Белоцкая О. А. Советская историография Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. на Украине / О.А. Белоцкая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sovetskaya-istoriografiya-dekabrskogo-vooruzhennogo-voostaniya-1905-goda-na-ukraine>.

УДК 94:613/614:025.171(477.6)”1964/1991“

В.И. Карачевская

*аспирантка исторического факультета Донецкого национального университета
e-mail: karachevskayaviktoriya@yandex.ru*

МЕДИЦИНА И ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ ДОНБАССА В 1964 – 1991 гг.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ БАЗА

Аннотация

В статье рассматривается широкий спектр источников, которые касаются вопросов охраны здоровья и медицины Донбасса. В ходе их изучения, автор разделяет источники на шесть категорий: нормативно-правовые, программные документы Коммунистической партии, статистические, архивные, периодические, справочно-информационные. Представленные источниковедческие группы позволили комплексно рассмотреть научную проблему.

Ключевые слова: *законодательство, статистика, архивные документы, комитет народного контроля.*

Summary

A wide range of sources on issues of health and medicine of Donbas have been observed in the article. In the course of their study, the author divides sources into six categories: regulatory, policy documents of the Communist Party, statistical, archival, periodical, reference and information. Presented groups permit to complex consider the scientific problem.

Keywords: *legislation, statistics, archive documents, People's Control Committee.*

Поиск и анализ источников являются необходимым условием любого научного исследования. Изучение источниковедческой базы в контексте истории развития медицины и охраны здоровья в Донбассе в 1964 – 1991 гг. играет ключевую роль. Рассмотрение разных видов документов и материалов позволяет провести всесторонний глубокий анализ, ответить на поставленные перед автором вопросы. Именно благодаря источниковедческой базе учитывается межпредметная специфичность исследования, работа приобретает обоснованность и доказательность.

Вопросы изучения истории медицины и охраны здоровья предполагают привлечение источников из разных отраслей науки. На основании этого автор выделил несколько групп источников:

- 1) нормативно-правовые;
- 2) программные документы Коммунистической партии;
- 3) статистические;
- 4) архивные;

- 5) периодические;
- 6) справочно-информационные.

К *первой группе* принадлежат нормативно-правовые документы. Среди них перво-степенное значение имеют материалы Интернет-ресурса www.ussr.com [1]. На портале размещены документы законодательства СССР на протяжении 1917 – 1991 гг. Используемые источники, главным образом, касались материального обеспечения медицинских сотрудников.

Важную роль играют также сборники специализированного характера. Работа «Охрана материнства и детства в СССР» [2] содержит документы о народном образовании, социальном обеспечении, работе несовершеннолетних, выплате пособий, воспитании и обучении детей-сирот. Книга «Сборник нормативных актов по борьбе с пьянством и алкоголизмом» [3] предоставляет информацию об административной и криминальной ответственности граждан за распитие спиртных напитков, появление в нетрезвом состоянии в общественных местах и на рабочем месте, изготовление и хранение алкогольных напитков и самогонварение. Планово-хозяйственная, финансовая, ревизионная деятельность комитетов Общества представлена в сборнике нормативных документов по организационной и планово-финансовой деятельности Союза Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР [4].

Программные и директивные документы Коммунистической партии из *второй группы* источников содержит 15-томный сборник «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях и пленумов ЦК» [5]. Вопросы медицинского характера рассматривались, в основном, в позитивном ключе. Так, отмечалось постоянное улучшение охраны здоровья и развитие медицинской науки в каждой последующей пятилетке. Указывались конкретные мероприятия государства и министерства: укрупнение, борьба с инфекционными заболеваниями, сеть санаторно-курортного лечения, профилактические мероприятия, диспансеризация, и т.п.

Статистические сборники принадлежат к *третьей группе* источников. «Народное хозяйство СССР за 60 лет» [6] анализирует разные аспекты воплощения в жизнь социальной политики: размер заработной платы, пенсий, бытовое обслуживание населения. Данные относительно количественного, национального, возрастного, гендерного состава населения УССР и СССР предоставляет в своей работе Болдырев В.А. [7]. Численность детского населения и детских учреждений, многодетных матерей, распределение семей по профессиональным признакам в 1940 – 1977 гг. определяет статистический сборник «Дети в СССР» [8].

Следует отдельно назвать работы, которые предоставляют статистическую информацию сугубо по Донецкому региону. Статистические сборники «Народное хозяйство Донецкой области» [9], «Донецкая область за 50 лет» [10], «Донецкая область за 70 лет» [11], кроме общих данных, предоставляют показатели развития охраны здоровья. Среди них: количество и разновидности медицинских учреждений, обеспечение медицинским персоналом, и т.п. Данные относительно заболеваний с временной утратой работоспособности, показатели рождаемости, смертности и естественного прироста содержат работы «Основные показатели деятельности медицинских учреждений Донецкой области за 1965 – 1973 гг.» [12] и «Донецкая область за 1972 – 1973 гг.» [13].

Статистические сборники имеют большую информационную загрузку, к тому же в них отсутствует идеологический окрас. Однако использовать эти источники необходимо совместно с другими видами источников, чтобы уменьшить уровень субъективности.

К *четвертой группе* источников относятся архивные документы. Они имеют наибольшую важность и ценность для научного исследования.

В Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины важный материал содержится в фондах 1 (Верховной Рады УССР) и 2 (Совета Министров

СССР). Это постановления, отчеты, решения, приказы по различным вопросам социальной сферы. Фонд 2605 (Украинского республиканского совета профессиональных союзов) предоставляет сведения о санаторном отдыхе, количестве выделенных путевок. Однако большую роль играли отраслевые фонды 342 (Министерства охраны здоровья УССР) и 27 (Министерства сельского хозяйства УССР). Они представлены отчетами о медицинском обеспечении в целом по стране, выделяют особенности развития медицины в сельской местности.

В нашем исследовании большее внимание обращено к областным архивам Донецкой и Луганской областей. Источники этих учреждений рассказывают о ситуации в сфере охраны здоровья на областном и местном уровнях.

Главной опорой диссертации стали документы Отделов охраны здоровья исполкома комитетов Донецкой и Луганской областей фондов 4856 и 2359. В них представлены статистические сводные годовые отчеты лечебно-профилактических заведений, данные о прибылях и тратах, показатели здоровья населения.

Фонды 4249 и 2519 – Статистические управления Донецкой и Луганской областей – насыщены фактическим материалом относительно количества врачей и среднего медицинского персонала, инвалидов, данными опросов о семейных бюджетах медиков.

Программные документы, идеологические установки и директивы составляют основу фондов 326 и 179 Донецкого и Луганского областных комитетов Коммунистической партии Украины. Они дают представление о государственной и партийной деятельности в сфере медицины.

Определенный интерес представляют фонды Донецкого и Луганского областных комитетов народного контроля 3425 и 2690. Архивные документы насыщены материалами проверок условий труда и профессиональной деятельности медицинских сотрудников, аптечных учреждений, санитарно-гигиенического состояния учебных заведений и предприятий, перепиской с комитетом народного контроля УССР. В отличие от других источников, отчеты органов народного контроля фиксировали грубые нарушения работы учреждений охраны здоровья, жалобы населения, административные и криминальные наказания медицинского персонала.

Кроме обобщающих, автором были проанализированы специализированные фонды. Документы Аптечных управлений Донецкой и Луганской областей – 5338 и 690 имеют вид справок, информации, планов и анализов относительно улучшения аптечного обслуживания населения, количества аптек и аптечных учреждений.

Областные комитеты Общества Красного Креста и Красного Полумесяца УССР в Донецкой и Луганской областях – 5465 и 2672, имели наибольшее количество неопубликованного материала. Это, прежде всего, сводные годовые отчеты, информация относительно сети заведений и их членов, направлений деятельности заведений.

Областные санитарно-эпидемиологические службы Донецкой и Луганской областей – 4932 и 2945, охватывают вопросы санитарной и инфекционной безопасности населения Донбасса. Тут была найдена информация о распространенных и опасных заболеваниях, путях борьбы с ними, профилактических мероприятиях и деятельности специализированных лабораторий СЭС.

Для освещения проблем медицинского образования и научных кадров были использованы фонды 4318 и 2661 Государственных медицинских институтов Донецкой и Луганской областей. Накопленные из этих источников сведения касались количества студентов и преподавателей институтов, уровня обеспеченности материально-технической базой, финансовых отчетов, направления научной работы вузов, национального и гендерного состава профессорско-преподавательского состава.

Данные архивных фондов иногда перекликаются, что позволило сравнить и критически проанализировать материал.

Данные периодики занимают *пятую группу* источников. Их можно поделить на подгруппы.

К *первой подгруппе* принадлежат издания обобщающего характера. Газеты «Ворошиловградская правда», «Прапор перемоги» рассказывают о главных событиях Луганской области. Положение отрасли охраны здоровья освещается в них опосредовано и нерегулярно. Так, упоминалось о митинге медицинских работников в Луганске, который был вызван многочисленными недовольствами и проблемами в 1990 г., о деятельности Красного Креста в Лисичанске и т. д. На территории Донетчины широкое распространение получили газеты «Радянська Донеччина» и «Социалистический Донбасс». Эти средства информации освещали разные аспекты охраны здоровья, имели отдельные рубрики медицинской направленности. Например, сообщалось о чрезвычайных случаях спасения жизни, о празднованиях Дня медицинского работника и т. д.

Отдельные статьи Лукьяненко О.Н. [14], Стадника В.Ф. [15] в «Українському Історичному Журналі» рассматривают развитие социального обеспечения в УРСР, улучшение благосостояния трудящихся в первой половине 1970-х годов. Авторы сообщают о существенных позитивных изменениях и улучшении отрасли охраны здоровья населения. Однако выводы строились, прежде всего, на дореволюционных показателях, а также только со стороны количественного увеличения сети, кадров. Специальную рубрику, посвященную здоровью детей, содержит журнал «Дошкільне виховання». Издание носило профилактический и просветительский характер (например, о необходимости санитарной безопасности, борьбе с дизентерией).

Газеты и журналы обобщающего характера главный акцент делали на государственных и партийных достижениях. Но именно они имели обратную связь с читателями, благодаря чему можно проследить атмосферу эпохи, отношение населения к лечащему персоналу и медицине в целом.

Ко *второй подгруппе* принадлежат специализированные или профессиональные издания. Среди них: «Медицинская газета», журналы «Советское здравоохранение» и «Советский Красный Крест». Они сообщали о достижениях отрасли в пятилетках, структуре управления в сельской местности, о медицинской помощи детям и женщинам, о перспективах советской медицины и т. д.

Периодические источники, с одной стороны, наиболее подвержены идеологическому влиянию, а с другой – дают возможность почувствовать атмосферу исследуемого периода, получить информацию на уровне обычных граждан.

Справочные издания занимают *шестое*, вспомогательное звено в работе. Среди них можно выделить «Полный справочник инфекциониста» [16], «Инфекционные болезни» [17]. Исследования направлены на характеристику наиболее распространенных болезней и методов борьбы с ними. Интернет-словари и энциклопедии [18 – 28] дают толкование специализированных понятий и терминов, которые встречаются в диссертации.

Отдельную позицию занимают биографические и библиографические издания. Словари Гайдука М. [29], Старченко С. [30] дают биографические сведения о выдающихся деятелях медицины и охраны здоровья Украины с древних времен до современности. Исследование в трех книгах «Українські лікарі. Бібліографічний довідник», под редакцией Я. Ганиткевича и П. Пундия [31], характеризует деятельность украинских врачей с древнейших времен и до современности. Однако авторы сосредоточили свое внимание, главным образом, на деятелях Западной Украины, а также в эмиграции.

Короткие данные о деятелях медицины, достижениях и научных направлениях деятельности заведующих кафедрами и профессоров Национального медицинского университета им. А.А. Богомольца и Донецкого государственного медицинского университета представлены в биографических словарях под редакцией Макаренка И.М. [32] и Северина Г.К. [33].

Таким образом, использованные источники имеют огромный фактический и разносторонний характер. Благодаря источниковедческой базе, автором были охвачены главные аспекты медицинской сферы и отрасли охраны жизни украинского Донбасса. Они взаимодополняют друг друга. Однако для изучения необходимой информации нужно объективно и критично проанализировать имеющиеся источники.

Статья не претендует на исчерпывающие выводы. В дальнейшем исследовании нуждаются дневники, мемуары данного периода, а также кино- и фотодокументы.

Ссылки и примечания:

1. Интернет-ресурс www.ussg.com. Полное собрание законодательства СССР. Система доступа к базе всех нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик.
2. Охрана материнства и детства в СССР: Сборник нормативных актов. – М.: Юридическая литература, 1986. – С. 142 – 143.
3. Сборник нормативных актов по борьбе с пьянством и алкоголизмом / Под ред. Г.А. Данкова, А.В. Соболева. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1987. – 112 с.
4. Сборник нормативных документов по организационной и планово-финансовой деятельности Союза Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. – М.: Медицина, 1981. – С. 39 – 40.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 15-ти томах.
6. Народное хозяйство СССР за 60 лет. – М.: Статистика, 1977.
7. Болдырев В.А. Итоги переписи населения СССР по данным всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Финансы и статистика. – 1990. – С. 9.
8. Дети в СССР. Статистический сборник. – М.: «Статистика», 1979.
9. Народное хозяйство Донецкой области. Статистический сборник. – Донецк: «Статистика», 1986.
10. Донецкая область за 50 лет: статистический сборник. – Донецк: Статистика, 1967. – 232 с.
11. Донецкая область за 70 лет. – Госкомстат УССР Управление статистики Донецкой области. – Донецк, 1987. – С. 235.
12. Основные показатели деятельности медицинских учреждений Донецкой области за 1965 – 1973 гг. – Донецк: Донецкий облздравотдел Обласная Клиническая Больница им. Калинина Организационно-методический отдел, 1974.
13. Донецкая область за 1972 – 1973 гг. – Донецк: Статистика, 1973.
14. Лук'яненко О.М. Розвиток соціального забезпечення в Українській РСР на сучасному етапі // УІЖ. – 1986. – лютий. – № 2. – С. 44 – 48.
15. Стадник В.Ф. Зростання добробуту трудящих у 1971 – 1976 рр. // УІЖ. – 1977. – № 2. – С. 66.
16. Полный справочник инфекциониста. – М.: Эксмо, 2006. – 992 с.
17. Инфекционные болезни. Серия «Справочники практического врача» / Ю.Я. Венгеров, Т.Э. Мигманов, М.В. Нагибина. – М.: «Энциклопедия», 2004. – 496 с.
18. www.bigmeden.ru
19. www.dic.academic.ru
20. www.enc-dic.com
21. www.feldsherstvo.ru
22. www.medactiv.ru
23. www.medical-enc.ru
24. www.med-tutorial.ru

25. www.slovarsbor.ru
26. www.slovorus.ru
27. www.tolkslovar.ru
28. www.traditio.wiki.ru
29. Медицина в Україні. Видатні лікарі (XVIII – перша половина XIX ст.). Біобібліографічний словник. Додатковий випуск 1 / М. Гайдучок. – К., 2002.
30. Медицина в Україні. Видатні лікарі (XVIII – перша половина XIX ст.). Бібліографічний словник. Випуск 1 / С. Старченко. – К., 1997.
31. Ганіткевич Я., Пундій П. Українські лікарі. Біобібліографічний довідник. Кн. 3. Учасники національної визвольної боротьби і українське державотворення, репресовані та реабілітовані лікарі України. – Львів, 2008. – 428 с.
32. Біографічний довідник завідувачів кафедр та професорів Національного медичного університету ім. О. О. Богомольця (1841-2001) / І. М. Макаренко, І. М. Полякова. – Нац. мед. ун-т ім. О. О. Богомольця. - 2-е вид. , доп. і випр. - К. : Століття, 2001. – 207 с.
33. Биографический словарь заведующих кафедрами, профессоров и докторов наук, работающих в Донецком государственном медицинском университете им. М. Горького / сост. Г.К. Северин. – Донецк: «Кассиопея», 2000. – 224 с.

Отечественная и региональная история

УДК 94(477.6)

Л.А. Крутова

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славян Донецкого национального университета,

e-mail: lkrutova1949@mail.ru

О.Б. Пенькова

кандидат исторических наук, доцент, и.о. зав.кафедрой истории славян Донецкого национального университета.

e-mail: moruzhenko63@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ДОНБАССА

Аннотация

Авторы статьи указывают на необходимость поиска новых подходов к изучению истории Донбасса, учитывая ход реальных событий 2014-2015 гг. в Украине. Они рассматривают наиболее важные страницы истории Донецкого бассейна в контексте исторических событий, происходивших в России и Украине. Материалы статьи могут найти практическое применение в историографическом осмыслении истории Донбасса и углублении знаний о прошлом нашего края.

Ключевые слова: Донбасс, Россия, Украина, история.

Summary

The authors of the paper point out that it is necessary to search for new approaches to studying the history of Donbas and to take into account a course of real events of 2014-2015 in Ukraine. They consider the most important pages of history of Donets Basin in a context of the historical events which happened in Russia and Ukraine. The ideas of the paper could be useful for historiographical comprehension of history of Donbas and profound knowledge of the past of our region.

Keywords: Donbas, Russia, Ukraine, history.

Весной 2014 года в Донбассе началось вооруженное сопротивление населения попыткам насильственного насаждения в нашем крае человеконенавистнических идей неонацизма. Оно приобрело характер упорного противостояния официальным властям Украины, осуществившим государственный переворот. По существу, противостояние на юго-востоке Украины вылилось в гражданскую войну, изначально инспирируемую, а затем используемую США и ведущими европейскими державами в большой геополитической игре против России.

События в Донбассе мгновенно приобрели первостепенное значение не только в европейской, но в мировой политике. Заметно возрос интерес к истории Донбасса как со стороны профессиональных историков, политологов, так и рядовых граждан. Авторы данной статьи, опираясь на значительный научный потенциал, накопленный нашими коллегами – преподавателями и сотрудниками высших учебных заведений Донбасса, рассматривают прошлое нашего края как составную часть истории России и Украины.

Особенность истории нашего края выражаются не только в том, что Донбасс богат полезными ископаемыми. Как регион-транзитер, он традиционно связывал Восток и Запад,

Север и Юг в международных и внутренних торговых отношениях. И в настоящее время Донбасс сохраняет важное стратегическое значение. Наконец, в нашем крае исторически сложилась устойчивая межэтническая общность. Донбасс отличался не только многонациональным и многоконфессиональным составом населения, но и умением жителей искать и находить пути к миру и согласию людей с разными традициями, культурой и вероисповеданием. Сложился и особый донецкий характер, отличающийся трудолюбием, твердостью и настойчивостью в достижении поставленной цели, смелостью, стойкостью перед возникающими трудностями, умением брать ответственность на себя, инициативностью, коллективизмом и готовностью протянуть нуждающимся руку помощи.

В географическом плане территорию Донбасса составляют земли Подонцовья и Северного Приазовья; до недавнего времени большая их часть входила в состав Донецкой и Луганской областей.

Своеобразие нашего края складывалось с древнейших времен под влиянием природно-климатических условий. Заселение донецких земель началось в каменном веке – в эпоху среднего палеолита, приблизительно 150 тысяч лет назад. Самым востребованным минералом древних людей – неандертальцев был кремень, наши недра отличались его богатыми залежами. Из кремня изготавливались орудия труда, которые помогали человеку выжить в условиях сурового климата. В процессе трудовой деятельности налаживались и закреплялись социальные связи. К этому времени относится древняя стоянка у с. Белокузьминовка Константиновского района, исследованная известным донецким археологом Д.С.Цвейбель [1].

К более позднему периоду истории относится Амвросиевская стоянка – один из самых крупных памятников позднего палеолита в Европе (площадь стоянки около 6 гектаров). Он был создан уже людьми современного физического типа – кроманьонцами. Стоянка открыта в 1935 г. у города Амвросиевка на берегу р. Крынки выдающимся археологом В.М. Евсеевым [2].

В эпоху бронзы земли нашего края становятся зоной соприкосновения народов с различными хозяйственно-культурными типами: земледельческих и скотоводческих племен. Наш регион стал зоной межкультурного пограничья. Такая специфика региона сохранялась и в период раннего железного века, и в период средневековья.

В период раннего железа (VII – III вв. до н.э.) на территории Донецкого бассейна господствовали племена царских скифов, пришедшие с востока. Письменные свидетельства о них оставил «отец истории» Геродот. Это были ираноязычные племена кочевников-скотоводов, прекрасных воинов. Они вели активную торговлю с античными полисами Северного Причерноморья. Учеными обнаружено и изучено более десятка курганных захоронений скифов. Наибольшую известность получил курган Передериева Могила, раскопанный в Шахтерском районе под руководством археолога, доктора исторических наук А.А.Моруженко. В нем был найден великолепный золотой шлем с изображением шести сражающихся скифских воинов. Он был изготовлен в греческой мастерской, предположительно в Боспорском царстве [3].

Из поволжско-приуральских степей во III в. до н.э. в донецкий регион пришли сарматы. Они потеснили скифов и жили здесь до III в. н.э. Эти племена также занимались кочевым скотоводством, преимущественно коневодством и овцеводством. Организацию жизни сарматов отличал высокий социальный статус женщин. Сарматы поддерживали тесные экономические связи с народами и государствами Европы, Азии и Северной Африки. Об этом свидетельствуют многочисленные находки, найденные в курганах, в частности, в уникальном захоронении молодой сарматской жрицы в кургане у с. Чугуно-Крепинка Шахтерского района [4].

В раннем средневековье территория Северного Приазовья стала своеобразным коридором, через который прокатывались волны кочевников-скотоводов: аланы, гунны, авары, болгары, хазары, угры (мадьяры). Через наш край проходила северная ветвь Великого шелкового пути, который здесь пересекался с ответвлениями другого торгового пути Восточной Европы – «Из варяг в греки».

В это же время территория Подонцовья входила в зону расселения земледельческих славянских племен. В V-VIII вв. в лесостепной зоне от реки Прут до Северского Донца развивалась пеньковская археологическая культура, носители которой принадлежали к славянским племенам. В готских и византийских источниках их называли антами. Они возделывали землю, занимались животноводством, хорошо обрабатывали металл, умели обжигать глиняные горшки. Об этом свидетельствуют археологические материалы крупного пеньковского поселения, открытого на берегу Северского Донца, у с. Богородичное Славянского района [5]. Анты жили в тесном контакте с кочевниками. Подонцовье было территорией соприкосновения антов и аланов, представленных Салтово-Маяцкой археологической культурой, которую некоторые исследователи определяют как «государственную культуру Хазарского каганата» [6].

Земли нашего региона не входили в состав Древнерусского государства, возникшего в конце IX в. Тем не менее, Подонцовье и Северное Приазовье находились в сфере его влияния, военно-политических и экономических интересов. Подонцовье, в частности, было не только исконно славянской территорией, но и определенным форпостом славянского мира.

В IX в. из заволжских степей в пределы Восточной Европы вторглись новые племена тюркоязычных кочевников. Первыми на территорию донецкого края пришли печенеги. На рубеже X-XI вв. их потеснили торки (огузы). С XII века в донецких землях обосновались половцы. Здесь располагалась ставка могущественного хана Кончака. В нашем крае обнаружено множество захоронений половецких воинов и половецанок. Хоронили умерших в курганах, на которых устанавливали каменные изваяния предков [7]. Половцы и Русь в течение двух веков находились в постоянном взаимодействии. Чаще всего оно носило антагонистический характер. Половецкие отряды совершали набеги на славянские земли, грабили села и города, захватывали невольников. В периоды перемирия половцы и славяне торговали, между ними даже заключались браки. Несмотря на то, что набеги половцев не угрожали самому существованию Древнерусского государства, они вынуждали русичей направлять значительные силы для защиты своих южных рубежей. Не было выгоды от такого противостояния и для половцев. Удачные набеги кочевников чередовались с жестокими поражениями от русских воинов. Обе стороны этого противостояния встретили монголо-татарское нашествие ослабленными, что роковым образом сказалось на их судьбах.

В XIII веке в донецкие земли пришли новые завоеватели. Битва 1223 г. на р. Калке (юг Донецкой области) между монголо-татарами и объединенным войском русичей и половцев положила начало новому периоду в нашей истории. Покорив большую часть Руси, монголо-татары включили степи Подонцовья и Северного Приазовья в состав своего нового государства – Золотой Орды – улуса Джучи. Это произошло в 1242-1243 гг. Половцы массово уходили в соседние земли. Наш край заметно обезлюдел. Монголо-татары использовали завоеванные земли как пастбища для своего скота. Казалось, что жизнь в половецкой степи не возродится [8].

Существует мнение, что с XIV в. здесь образовалось «Дикое поле» – абсолютно безлюдное пространство. Но археологические и письменные источники убедительно доказывают ошибочность такого утверждения. Как только монголо-татары ослабили давление на этот регион и переместились в Поволжье, началось возрождение прежнего хозяйства половцев, вновь появились их поселки. Основным населением степной части Подонцовья и Северного Приазовья оставались половецкие племена (кипчаки – в арабских

источниках и куманы – в европейских). Кроме них здесь селились русичи, они создавали свои «русские поселки». Активно шел процесс взаимообогащения культур кочевников и земледельцев [9].

Так наш регион стал местом, где встретились две цивилизации – Русь и Великая Степь.

Золотая Орда начала распадаться в XIV в. На ее основе образовались Сибирское, Казанское, Астраханское и Крымское ханства. В степях между Днепром и Доном в 1433 г. возникла Большая Орда. Между Крымским ханством и Большой ордой часто вспыхивали военные столкновения. По этой причине местное население уходило с обжитых мест. Со временем над донецкой степью установилась власть Крымского ханства, которое с 1478 г. стало вассалом Порты. В донецких степях хозяйничали татары и ногайцы, всячески препятствуя заселению их славянами и распашке степных просторов. С конца XV в. и вплоть до середины XVIII в. территория Приазовья входила в зону влияния Османской империи, правители которой считали эту землю своей.

В середине XIV в. значительная часть земель бывшей Руси вошла в состав Великого княжества Литовского, границы которого простирались от Балтийского моря до степей Северного Причерноморья. Земли Подонцовья остались за его пределами. Так возникла буферная зона по Северскому Донцу. С запада она граничила с землями Великого княжества Литовского, с востока и юга – с Крымским ханством, а с севера – с землями молодого Московского государства.

В XIV-XVI вв. в Восточной Европе протекали важные исторические процессы. На землях Поднепровья и к западу от Днепра усиливалось польское влияние, а с ним – и давление католической церкви. В Северном Причерноморье и Приазовье утвердила свои позиции исламская Турция. Активизация наступления их на славянские народы повлияла на формирование этнокультурной ситуации в юго-восточных районах Европы.

На основе древнерусской народности сформировались новые, генетически, культурно и духовно родственные этнические образования – русская, украинская и белорусская народности. При этом историческая память восточных славян продолжала хранить единую основу: православную веру, героический былинный эпос, схожие народные традиции, ощущение внутреннего единства. При определенных изменениях языка, его основы оставались понятными и близкими всему восточнославянскому населению. Сегодня этнология определяет восточнославянские народы как устойчивую мегаэтническую общность или единый суперэтнос.

Правители Речи Посполитой в отношении украинского населения изначально проводили политику колонизации, жестоко эксплуатировали крестьян, ввели крепостное право, преследовали православных, ограничивали в правах и свободах все слои украинского общества. Это послужило причиной зарождения украинского протестного движения. Крестьяне отказывались выполнять феодальные повинности, убегали на малоосвоенные земли юго-востока Речи Посполитой. Так зарождалось украинское казачество, центром которого стала Запорожская Сечь. В украинских землях вспыхивали массовые крестьянско-казацкие восстания. Запорожское казачество вынужденно брало на себя задачу защиты южных и юго-восточных украинских земель от набегов крымчаков, т.к. польские правящие круги не обеспечивали их защиту.

В то же время, в Северо-Восточной Руси сложились внутренние предпосылки образования нового национального государства. Внешний фактор ускорил объединение земель этого региона вокруг Москвы. Главной задачей русских князей было освобождение от монголо-татарского ига. В 1380 г. на Куликовом поле русское воинство под началом Дмитрия Донского разгромило монголо-татар. В 1480 г. «стоянием на реке Угре» победа была закреплена. Великое княжество Московское стало ядром Русского централизованного государства. В 1547 г. Великий князь Московский Иван IV Грозный принял титул царя.

Перед Русским государством встала важная задача защиты своих юго-западных границ от разорительных набегов ногайцев и крымских татар. С этой целью в Подонцовье стали закладываться сторожи, в их числе Бахмутская, Айдарская, Святогорская. Возникли поселения «служило-ратных» людей, которые несли государеву службу. Задачи по охране рубежей Отечества брали на себя и казаки, селившиеся на Дону. Они были вольными людьми, по правовому положению их приравнивали к стрельцам и пушкарям [10]. Первое письменное упоминание о донских казаках содержится в грамоте ногайского хана Юсуфа царю Ивану Грозному, датируемой 1550 г. Со временем казаки России составили особое военное сословие. Значительная часть земель современных Донецкой и Луганской областей была в составе Области Войска Донского. Граница между землями запорожских и донских казаков проходила по р. Кальмиус.

Ужесточение крепостного гнета в Речи Посполитой усилило поток беглых украинских крестьян за ее пределы. Бежали туда, где была потенциальная защита и «свободные» земли – на территорию русско-украинского пограничья. Со временем за всем этим регионом закрепилось название – Слобожанщина. Много беглых крестьян появилось в этот период и в буферной зоне Подонцовья [11]. Система пограничных сторож и станиц, учрежденная Московским государством, способствовала закреплению в этих землях беглых украинцев и появлению новых поселений. На рубеже XV-XVI вв. на берегах Северского Донца возникает пещерный монастырь «Святые горы», ставший центром духовности нашего региона [12].

Защиту земель и населения от татарских набегов обеспечивали украинские и донские казаки, совместно выступая в походы, помогая друг другу. Выдающимся событием в истории совместной борьбы донцев и запорожцев против Крымского ханства и Турции было взятие Азова – турецкой крепости в устье Дона. В течение нескольких лет (1637–1642 гг.) казаки обороняли ее от врагов, не давая им опустошать русские и украинские земли. Этот исторический эпизод известен под названием «Азовское сидение».

В XVI-XVII вв. в Подонцовье возникали укрепленные пункты русской колонизации. Эти городки становились опорой проникновению в Степь русско-украинского населения. Так в процессе заселения в нашем крае встретились два переселенческих потока: один из России и второй – из украинских земель. Наиболее заинтересованной стороной в освоении Подонцовья и Северного Приазовья было Московское государство. После Переяславской Рады 1654 г. и перехода украинских земель «под руку московского царя» процесс заселения нашего региона запорожцами и служилыми русскими людьми значительно активизировался. Русским государством сооружались дополнительные укрепленные линии, одна из них – Белгородская (1677 г.), а также Изюмская засечная черта (1679 г.) [13].

С XVII в. судьба региона была неразрывно связана с историей Российского государства. С его усилением возник принципиальный вопрос о выходе к южным морям. Первая попытка решить этот вопрос была предпринята молодым царём – Петром I во время Азовских походов (1695-1696 гг.). Турецкий султан, потерпев в них поражение, вынужден был признать, что по условиям Константинопольского договора 1700 г. Азов с округой остается за Россией. Тогда же Россия закрепила за собой и новую крепость Таганрог, основанную Петром I в 1698 г., которая стала базой Азовского военно-морского флота.

Осенью 1710 г. Турция, подстрекаемая Англией, объявила войну России. Весной 1711 г. Петр I выдвинул свои войска к реке Прут, рассчитывая на поддержку томившихся под турецким гнетом болгар, сербов, молдаван. Но их помощь не пришла, русские войска окружила турецкая армия. Петр I вынужден был подписать невыгодный Прутский мирный договор 1711 г. По его условиям крепости Азов и Таганрог были разрушены, земли возвращены туркам, южная граница Российского государства была перенесена в верховье рек Миус, Лугань, Бахмутка, Торец. Наш регион вновь оказался зоной противостояния, теперь уже двух империй – старой Османской и молодой Российской.

Практически весь XVIII в. прошел в борьбе России с Турцией за выход к Черному морю. Славные победы российского оружия изменили судьбу нашего края в конце XVIII в. В 1783 г. императрица Екатерина II издала указ о присоединении Крыма к России. Подонцовье и Северное Приазовье утратили значение буферной зоны между Россией и Турцией. Тогда же были определены основные направления политики государства по хозяйственному освоению всех присоединенных земель Новороссии. Наш регион находился в контексте этой политики. Так были заложены основы будущего хозяйственно-культурного взаимодействия, ставшего достаточно успешным в условиях стабильного политического образования.

Началась активная колонизация региона представителями различных народностей, проявивших готовность служить Российскому Отечеству. Так, еще в 1753-1764 гг. на южном берегу Северского Донца были созданы военно-земледельческие поселения сербов и молдаван. Эта область получила название Славяносербии [14].

В июле 1778 г. под руководством митрополита Игнатия из Крымского ханства в Приазовье начался вывод христианского населения: греков, армян, грузин, валахов. Переселением руководил генерал-поручик А.В. Суворов. Расходы по перевозке имущества и обустройству брало на себя российское правительство. 21 мая 1779 г. императрица Екатерина II даровала грамоту переселенцам из Крыма, согласно которой они получали привилегии и свободы. В том же году был основан город Мариуполь [15]. Массовое переселение болгарского и молдавского населения в Новороссию было связано с ужесточением политики Османов, частично эти миграционные потоки докатилась и до Приазовья. В начале XIX века в нашем регионе обосновались немецкие колонисты, по преимуществу христиане-меннониты, лютеране и католики; они также получили льготы российской короны. Их административным центром стал населенный пункт Остгайм (с 1935 г. – Тельманово). В это же время на территории края появились переселенцы с Адриатического побережья – итальянцы и южные славяне. При переселении на земли Новороссии преимущество отдавалось населению христианского вероисповедания. Российское правительство попыталось поселить на земле иудеев. В 1804 г. из Белоруссии в Северное Приазовье было переселено более 300 тыс. евреев. Но еврейское население постепенно связало свою жизнь с ремеслами и торговлей [16].

Так, в XVIII – начале XIX вв. наш край вошел в состав Российской империи как неотъемлемая часть Новороссии – обширного историко-культурного региона. Его отличительной чертой было то, что заселение, инфраструктура, образ жизни здесь формировались на протяжении сравнительно короткого времени. Довольно быстрыми темпами шло его хозяйственное освоение. Новороссия стала одним из регионов Российской империи, где негативное влияние крепостничества наименее сказывалось на его экономическом развитии.

После отмены в России крепостного права в 1861 г., для развития экономики нашего края возникли новые возможности. Этому способствовал промышленный переворот 1830-1880-х годов. Богатый сырьевой потенциал нашего региона (прежде всего уголь), выгодное географическое положение привлекали частных инвесторов разного происхождения – отечественных и иностранных. Мощным стимулом стало железнодорожное строительство в Донбассе. Первые железнодорожные линии связали наш край с центральным промышленным регионом России, а также с Криворожским бассейном, богатым железной рудой. Вскоре наш регион получил надежный выход к западным сухопутным рубежам империи, а также в Азовское и Черное моря [17]. С развитием угледобывающей промышленности зарождалась черная металлургия. Ее начало связано с именем английского заводчика Джона Юза. В 1869 г. он основал металлургический завод в верховьях р. Кальмиус. Уже в 1873 г. началась регулярная плавка чугуна. При заводе возник рабочий поселок Юзовка (основа будущего г. Донецка). В конце XIX в. металл выплавлялся на 12 заводах Донбасса

из 17, существовавших на Юге империи. По темпам экономического развития Донецкий бассейн стал не только лидером тяжелой индустрии России, но и наиболее динамично развивавшимся промышленным регионом мира.

Отечественное промышленное производство нуждалось в большом количестве рабочих. Это обусловило появление в нашем крае новых переселенцев. Со всей Российской империи в Донбасс на заработки приезжали люди. Менялась социальная структура края. Еще более разнообразным стал этнический состав населения. Основную часть жителей Донбасса составил пролетариат. Эта особенность в дальнейшем определила историческую судьбу региона. Промышленная буржуазия и промышленный пролетариат Донбасса в начале XX в. сыграли важнейшую роль не только в экономической, но и в политической жизни Российской империи [18].

Пролетариат Донбасса отличался организованностью и сплоченностью, четким пониманием своих классовых задач. Он решительным образом повлиял на ход развития революции, как в регионе, так и на Украине. В феврале 1918 г. в Харькове была провозглашена Донецко-Криворожская Республика как составная часть Российской федерации. Возглавил ДКР большевик Артем (Ф.Сергеев). Однако без пролетарского Донбасса установить власть большевиков в Украине было невозможно. Вскоре по настоянию Ленина ДКР юридически вошла в состав Украинской Советской Республики. Столицей УССР стал г. Харьков. Изучением истории ДКР в 1990-е годы занимался один из лидеров Интердвижения Донбасса Д.В.Корнилов [19]. В современных условиях это яркое событие нашей истории воспринимается особенно актуально.

После гражданской войны 1918-1920 гг. трудящиеся региона, преодолевая большие трудности политического, экономического, организационного и культурного порядка в условиях новой экономической политики, провозглашенной Российской коммунистической партией, сумели к середине 1920-х годов восстановить разрушенное хозяйство края [20].

В 1930-е годы пролетарский Донбасс стал лидером новой ускоренной модернизации отечественной промышленности. Тут возникло стахановское движение, охватившее не только трудовые коллективы угольной отрасли, но и металлургии, машиностроения, железнодорожного транспорта, сельского хозяйства, и шагнувшее за пределы нашего региона [21]. В Донбассе была создана основная база индустрии Советского Союза.

В трудные годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) достижения тяжелой промышленности во многом предопределили успешное отражение гитлеровцев и завоевание Победы. Жители нашего края, как и других регионов Советского Союза, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками, в полной мере познали все «прелести» европейских завоевателей [22]. От карателей их освободили осенью 1943 г. воины Советской Армии, в рядах которой сражались представители разных народов Советского Союза. Затем поддержка союзных республик сыграла неоценимую роль в трудные послевоенные годы восстановления разрушенной экономики Донбасса [23].

В 1950-1960-е годы наш край продолжал утверждать свои позиции как высокоразвитый индустриальный регион не только Украинской ССР и Советского Союза. В 1965г. по объёму добычи угля Донбасс опережал другие угольные бассейны Европы. Успешно развивались и международные связи многих промышленных предприятий Донбасса. Важной особенностью экономики нашего края указанного периода являлось сочетание мощной промышленности с многоотраслевым сельским хозяйством и развитым транспортом. Быстрыми темпами благоустраивались города, поселки и села Донбасса. Успешно развивались культура и наука. Тут был создан региональный центр Академии Наук Украины, укреплялись научные контакты с ведущими вузами СССР. Донецкие высшие учебные заведения вошли в число ведущих вузов Украинской ССР. Эти достижения нашего края стали реальностью благодаря большому вниманию советского государства к развитию

Донбасса. В достижениях Донецкой области значителен вклад и бывшего первого секретаря областного комитета компартии Украины В.И.Дегтярева, которого рядовые жители уважали и ценили [24].

Однако нарастание кризисных явлений в экономике СССР со второй половины 1970-х годов проявилось и в Донецком бассейне. Регион оставался крупнейшим угольным районом Украины, основным поставщиком металла, продукции машиностроения и химической промышленности республики. Тем не менее, в целом ситуация в народном хозяйстве региона стала ухудшаться. Наиболее сложной она была в угольной отрасли в силу многих объективных и субъективных причин внутреннего и внешнего порядка [25]. Ухудшение условий жизни обусловило высокую общественно-политическую активность шахтеров Донбасса на последнем этапе существования Советского Союза – в годы горбачевской «перестройки» [26]. В то же время, именно они положили на алтарь борьбы с Чернобыльской катастрофой свои жизни во имя спасения жизни других.

За короткий по историческим меркам период Донбасс превратился в ведущий регион Украины. Продукция предприятий нашего края составляла пятую часть промышленного потенциала республики. Даже в годы независимой Украины, отмеченные глубоким спадом экономики, Донецкая и Луганская области обеспечивали 18% промышленного производства. Регион сохранял самый высокий удельный вес экспорта республики: в 2014 г., к началу гражданской войны, он составлял более 23%. Основными внешнеторговыми партнёрами Донбасса были: Россия (24,7%), Китай (6,9%), США (6,4%), Италия (6%) и другие государства. При этом его население составляло лишь 14% от общей численности населения республики [27]. Эти данные официальной статистики – убедительные свидетельства самоотверженного труда наших земляков. Донбасс действительно кормил западные и центральные регионы Украины.

Таким образом, утверждения некоторых недобросовестных украинских политиков о дотационности нашего края – сознательное искажение реальных фактов. Конец всем спорам по вопросу удельного веса Донбасса в экономике республики положил премьер-министр Украины А.Яценюк. На представлении программы деятельности Кабмина на 2015 год он заявил, что 20% украинской экономики сконцентрировано в Луганской и Донецкой областях. Потери республики вследствие так называемой АТО, по словам премьера, составили 20% доходов, 20% валютной выручки, 20% экономического потенциала [28].

Нежелание центральной власти Украины пересмотреть ставшую неэффективной модель экономического развития и порядок распределения бюджета в пользу местных властей, курс на строительство моноэтнического государства в сложившемся исторически полиэтничном обществе, используя при этом неофашистские вооруженные формирования, взорвало многонациональный Донбасс. Вчерашние шахтеры, металлурги, строители, военнослужащие ВСУ, учителя и студенты взяли в руки оружие, чтобы защитить своих родных, близких, свою землю, свою идентичность и противостоят новой волне коричневой чумы. Нет сомнения, что и на этот раз победа будет за нами! Жители Донбасса не сомневаются, что родной край будет восстановлен, что громкая слава его тружеников возродится.

Таким образом, история Донецкого бассейна является составной мирового исторического процесса, неразрывно связана как с историей России, так и с историей Украины. Исследовать историю нашего края без учета этого – значит сознательно отступать от важнейшего методологического принципа историзма, исказить историческую картину нашего прошлого. Извращать реальные факты в угоду сиюминутной политической конъюнктуре, замалчивать научно обоснованные данные – неблагодарное дело для исследователя. Предоставленные материалы будут полезны, на наш взгляд, при разработке лекций по обязательной гуманитарной дисциплине «История» в вузах по непрофильным специ-

альностям, а также при подготовке к занятиям по «Отечественной истории» и «Истории родного края» в средних учебных заведениях.

Ссылки и примечания:

1. Колесник А.В. Древнейшие кремнедобывающие выработки Донбасса / А.В.Колесник. – Літопис Донбасу, вип.7. – Донецьк, 1999. – С.16-20.
2. История родного края (Часть первая). Учебное пособие для 6-9 классов / Авторы: А.В.Колесник, В.А.Пирко, С.М.Нестерцова, Е.В.Щербинина. – Донецк: Изд-во «Фирма «Кардинал», 1998. – С. 14-15.
3. Моруженко А.А. Скіфський курган Передерієва Могила // Археологія. 1993. № 4. – С. 77-85.
4. Шепко Л.Г. Лечебная магия у сарматов // Медицина в художніх образах: Статті. Вип.6 / Уклад. і голов. ред. К.В.Заблоцька; Донецький мед.ун-т. – Донецьк: Норд-Прес, 2008. – С.20-28.
5. История родного края (Часть первая). – С. 51-52.
6. Донеччина. Перехрестя цивілізацій. Книга перша /М.Д.Каліущенко, О.В.Колесник, І.І.Кулага, Л.Б.Лихачова, В.О.Пірко, Н.Р.Темірова, С.В.Третьяков, С.Ф.Чорна. – Донецьк: «Діапрінт», 2007. – С.90.
7. Потемкина Т.М. Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами)// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.10. – Донецк, 2012. – С.7-36.
8. Кравченко Э.Е. Городища среднего течения Северского Донца //Хазарский альманах / Редкол.: В.К.Михеев (гл. ред), А.И.Айбабин, В.С.Аксёнов и др. – Киев – Харьков, 2004. – Т.3. – 306 с. – С. 242-276.
9. Пилипенко Д.В. Про термінологічну адекватність виразу “Дике поле” // Нові сторінки історії Донбасу. Кн. 13-14. Донецьк. 2007. - С.115-125.
10. Подов В.І. і Курило В.С. Історія Донбасу / В.І.Подов, В.С.Курило. – Луганськ: Вид-во ЛНУ імені Т.Шевченка, 2009. – С. 7; Бунтовский С. ИсторияДонбасса: научно-популярное издание / С.Ю.Бунтовский. – Донецк: «Донбасская Русь», 2015. – С.46.
11. Пірко В. Заселення Степової України в XVI-XVIIIст. / В.О.Пірко. – Донецьк: Укр. Культурологічний Центр, 1998. – С.27, 30.
12. Шкрибичко Е.А. К вопросу о формировании духовного наследия Донбасса (на примере Святогорского монастыря) // Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. Кн. 22. – Донецьк, ДонНУ, 2013. – С.87-96.
13. Пірко В. Вказана праця. – С. 36, 45.
14. Пірко В. Вказана праця. – С. 62-66.
15. Гедьо А.В. Грецькі громади Ніжина та Північного Приазов'я в актових матеріалах середини XVII-XIX ст. / А.В.Гедьо. – К., 2005. – С.21-32.
16. Гончаров В.В. Евреи Юго-Восточной Украины: на перекрестке традиций и новаций (конец XVIII - начало XX вв.) – Донецк: Изд-во Вебер (Донецкое отделение), 2008. – 292 с.
17. Подов В.І., Курило В.С. Вказана праця. – С. 220-225.
18. История рабочих Донбасса: В 2 т. / Под ред. Ю.Ю.Кондуфора. – Т.1. – К.: Наукова думка, 1981. – 326 с.
19. Корнилов Дмитрий. Отчаянная республика. Мифы и быль о ДКР // Донецкий кряж, 25 февраля – 3 марта 1999 г. – С.3; Корнилов Владимир. Забытая страна // Донецкий кряж. –19-25 февраля 1998 г. – С.3.
20. Носков В.А. Героическая летопись Из истории борьбы ... / В.А.Носков. – Донецк, 1966. – 123 с.; Никольский В.Н. Кооперация Донбасса в годы «военного коммунизма»

- и НЭПа / В.Н.Никольский. – Донецк: ЕАИ-Пресс, 1996. – 104 с.
21. Лихолобова З.Г. Вибрані праці / З.Г.Лихолобова. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2003. – С.45- 92.
 22. Омеляненко И.Я. Герои подполья / И.Я.Омеляненко. – М.: Политиздат, 1972. – 459 с.
 23. Хорошайлов Н.Ф. Возрождение Всесоюзной кочегарки / Н.Ф.Хорошайлов. – К., 1977. – 152 с.
 24. Саржан А.О. Зміни в соціально-економічній сфері Донбасу. Друга половина 40-х – кінець 80-х рр.. ХХ ст.. Дис. ...докт. іст. наук. 07. 00. 01 / Саржан А.О. – ДонНУ, 2004. – 608 с.
 25. Лихолобова З.Г. Вказана праця. – С. 184-206.
 26. Заблоцька К.В. Протиріччя технічного розвитку промисловості Донбасу (1960-1985 рр.) // Нові сторінки історії Донбасу. – Кн.7. – Донецк: ДонГУ, 1999. – С.195-203; Заблоцькая К.В. Становление гражданского общества и рабочее движение// Проблемы и перспективы формирования цивилизованного общества в Украине: Тезисы региональной конф. – Донецк, 1995. – С.183-184.
 27. Экономика Донбасса. Инфографика // Аргументы и факты. – 03/10/2014 Режим доступа : http://www.aif.ru/dontknows/infographics/economika_donbassa_infografika;
 28. Колтунович Александр. Роль Донбасса в экономике Украины. -24.06.2014 Режим доступа : <http://vybor.ua/article/economika/rol-donbassa-v-economike-ukrainy.html> ; Экономика Донбасса и Украины: в особом статусе или без?| РИА Новости Украина Режим доступа : <http://rian.com.ua/analytics/20150710/370340141.html>
 29. Дотационный Донбасс. Это был миф Украины? Режим доступа : <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1528360-dotacionnyj-donbass-eto-byl-mif-ukrainy.html>

УДК 94:616-051»1864/1914»

Н.Н. Разумная

доцент кафедры Отечественной и региональной истории Донецкого национального университета

e-mail: nadinn_r@rambler.ru

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕДИКОВ ЗЕМСТВАМИ (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1864-1914 гг.))

Аннотация

В статье исследуется материальное обеспечение земских медиков Екатеринославской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. В научный оборот введены новые источники, материалы делопроизводства земств, которые являются важными для изучения кадровой политики земств. Экономическое положение населения во второй половине XIX – начала XX вв. определяло кадровую политику земств по отношению к медицинскому персоналу. Земства самостоятельно пытались определять приоритетность приглашения и содержания медицинского персонала, что действительно повышало авторитет органов местного самоуправления.

Ключевые слова: *земства, история медицины, кадровые проблемы земских медиков.*

Summary

The article is devoted to the problem of material of support medis in Zemstvo of Yekaterinoslavskaya Province during 1864-1914. Author investigated new historical sources and other new documents. These documents are very significant for study of personal policy of Zemstvo in

this period. The economical situation of population demanded prioritizes invitation of nursing personal. Zemstvos tried to decide the problems of personal in medicine by themselves. This fact improved the authority of local governments.

Keywords: *Zemstvo, history of medicine, Zemstvo medical personnel problems.*

Изучение вопросов материального стимулирования медицинских работников земской системы здравоохранения имеет сегодня не только теоретический интерес, но и практическое значение. Земский опыт может быть учтен сегодня, при современных условиях, когда старая система здравоохранения не в состоянии обеспечить надлежащий уровень жизни своим работникам. Кроме того, опыт земств может быть интересен при решении проблем, связанных с привлечением альтернативных источников финансирования, социальных программ для медицинских работников.

Невзирая на то, что разным аспектам становления и развития земской медицины посвящен целый ряд работ, проблеме материального обеспечения надлежащего внимания не уделялось. Исследователей Игумнова С.Н., Заблудовского П.Е., Левита М.М., Мирского М.Б., Крыжную Ж.П., а также Еремяна В.В. и Федорова М.В. преимущественно тревожили такие более общие вопросы, как создание земских учреждений, развитие сети медицинских участков, количественный и качественный состав медицинских работников [1-6].

Автор данной статьи использует следующие источники: прежде всего, это материалы земского делопроизводства, а именно журналы земских губернских и уездных собраний, постановления сельских общин относительно земских врачей и фельдшеров. Сравнительный анализ круга вопросов, которые рассматривались на заседаниях губернских собраний, дал возможность автору определить наиболее актуальные проблемы, которые тревожили представителей земств, и пути их возможного решения. Земства в своей практической деятельности очень нуждались в тщательно изученном местном материале. В связи с этим, систематически осуществлялось обследование разных местностей, а их итоги печатались в статистических сборниках. Показательными в этом понимании источниками, которые используются автором, можно считать «Земские ежегодники за 1878 и 1884 гг.».

Целью статьи является определение механизма и размеров материального обеспечения медицинских работников в конце XIX – начале XX ст. органами местного самоуправления, которое в значительной степени способствовало улучшению их качественного состава и прекращению текучести кадров.

Руководствуясь 86-й статьей временных правил для земских учреждений, земства назначали врачей и фельдшеров на земскую службу согласно контрактам. Уже на первых губернских съездах врачей отмечалось шаткое и неопределенное положение их в земстве, которое говорило о неудовлетворительном материальном обеспечении медиков. В фондах государственных архивов имеется масса документов, которые свидетельствуют, что, нанимая врачей на работу, земства брали на себя ряд обязательств. В частности, они гарантировали медработникам определенный уровень заработной платы. Кроме того, в добавление к окладу в земской смете предусматривалась отдельная статья «квартирное содержание», на основании которой главным направлением деятельности земств относительно своих кадров стало обеспечение жильем с отоплением и освещением [7]. Медикам предоставлялось право брать лекарства у земского аптекаря [8]. Неоднократно встречаются доклады земских управ о ремонте квартир врачей и фельдшеров или обязательства взять на себя оплату жилья медицинского работника [9]. Земства, кроме жилища, оплачивали также и содержание лошадей, необходимых врачам для осуществления визитов к больным [10].

Земские собрания определяли плату врачам, при этом практически во всех уездах существовала прогрессивная система оплаты труда врача. Размер заработной платы зависел от многих причин: от материального состояния уездного земства, его отношения

к медицине, объема работы врача. Именно поэтому заработная плата медиков в разных уездах была неодинаковой и обычно определялась, в первую очередь, финансовыми возможностями земств и сельских общин. Например, в Бахмутском уезде в период с 1870 г. до 1904 г. зарплата фельдшера увеличилась с 150 до 360 рублей в год [11]. В Екатеринославской губернской больнице в 1862 г. старший фельдшер получал 150 руб. ежегодно, а младший – 100 руб. С 1892 г. их жалование увеличилось: младший фельдшер получал 300 руб., а старший – 500 руб. [12]. Это может свидетельствовать об осознании населением необходимости существования постоянного медицинского работника при земской больнице.

В течение первых пятнадцати лет деятельности земств прослеживается постепенная эволюция взглядов представителей местного самоуправления. В частности, вопросы здравоохранения приобретают первостепенное значение в направлении деятельности земств. Одной из преград на пути признания его приоритетности была нехватка квалифицированных медицинских кадров на начальном этапе становления земств. Выходом из этой ситуации стало то, что на базе уже существующих губернских больниц создавались фельдшерские, акушерские и повивальные школы, открывались специальные курсы для повышения квалификации. Именно эти учреждения стали ячейкой возникновения и становления среднего специального медицинского образования и значительно способствовали повышению эффективности медицинского обслуживания.

В 1884 году в Верхнеднепровское уездное собрание Екатеринославской губернии поступил доклад от управы с ходатайством увеличить жалование больничным фельдшерам. Управа, проанализировав деятельность земских фельдшеров, пришла к выводу, что труд фельдшеров, которые работают при больнице, «более плодотворен и содержателен», чем участковых и разъездных, в связи с чем сохранение одинакового уровня зарплаты тех и других было признано нецелесообразным. Управа постановила: не превышая смету расходов, предвиденных на медицинское обслуживание, увеличить содержание младших больничных фельдшеров с 250 до 285 руб., а старших – с 350 до 375 руб., но только тех, которые заслуживали [13].

С 1907 г. жалование фельдшера с Ново-Каракубское Мариупольского уезда определялось в размере 250 руб. на год. Анадольская сельская община назначила жалование своему фельдшеру в размере 300 руб. ежегодных [14]. А уже до 1914 года зарплата фельдшера в этом же Мариупольском уезде Екатеринославской губернии увеличилась до 420 – 500 руб.; к отмеченной сумме стоит прибавить и выплату за выслугу лет, размер которой колебался от 33 руб. до 145 руб. ежегодно, в зависимости от длительности службы фельдшера в данном земстве [15]. В целом, рядовой фельдшер Екатеринославской губернии в 1914 г. получал 500 руб. за год (по 42 руб. ежемесячно), а акушерка – 420 руб. [16]. Таким образом, можно подытожить: даже в пределах одной губернии размеры жалований отличались, на что влияла, в первую очередь, разная финансовая возможность сельских общин и уездных земств.

Врачи, как лица с высшим медицинским образованием, получали больше, чем фельдшеры и акушерки. Старший врач Екатеринославской губернской земской больницы в 1862 г. получал оклад в 550 руб., с 1892 года его оклад увеличился до 1550 руб. ежегодных, а оклад младшего врача вырос из 450 руб. ежегодных до 750 руб. [17]. По данным другого источника, заработная плата врача в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в период с 1867 г. колебалась от 800 руб., в 1875 г. – 1000 руб., в 1902 г. – 1200 руб. в год [18].

Зато следует заметить, что в 1890 г. русский рубль был достаточно стабильным, поэтому выше отмеченные оклады действительно обеспечивали нормальный уровень жизни медиков, а цены на продовольственном рынке были следующими: сахар стоил 6 руб. 80 коп. за пуд (16 кг), орехи – 6 руб. 80 коп., яйца свежие – 2 руб. за сотню, гуси – 90 коп. за пару, куры – 70 коп. и тому подобное [19].

Среднестатистический врач Екатеринославской губернии получал в 1914 году уже около 1800 руб. (по 150 руб. ежемесячно).

В добавление к окладу в земской смете предусматривалась отдельная статья «квартирное содержание». Оплата труда медицинского работника, в зависимости от занимаемой должности, была следующей: фельдшер имел значительно меньшую зарплату – 500 руб. на год, за выслугу лет ему назначалось лишь 33 – 34 руб. на год, тогда как врач ежемесячно получал 16 руб. дополнительно. Акушерки имели такие же квартирные, одинаковую с фельдшерами доплату, однако их зарплата была меньшей на 80 руб. (см. табл. 3.).

Таблица 3 [20].

Распределение кредита медицинскому персоналу
в Мариупольском уезде за 1914 год

Должность	Ежегодный оклад (руб.)	Ежег. квар. содержание (руб.)	Доплата за выслугу лет (руб.)	Всего за год (руб.)
Врач	1800	300	16 (ежемесячно)	2300
Фельдшер	500	120	33,34 (ежемесячно)	от 650 до 715
Акушерка	420	120	33,34	от 540 до 740

Кое-где сельские общества пытались сэкономить, отказываясь выделять средства на содержание врачей и оставляя работать лишь фельдшеров. Среди документов сохранились жалобы к управам от медработников о нарушениях со стороны сельских управ, о неуплате обещанных денег, об отказе в дотации на жилище [21]. Земство при таких обстоятельствах обычно становилось на защиту врача или фельдшера, призывало сельское общество выполнять свои обязательства, предупреждая, что в противном случае фельдшерский пункт будет переведен в другое село [22].

Таким образом, на основании материалов делопроизводства земских управ, периодических изданий, автор пришел к выводам, что приведенные данные о содержании земствами фельдшеров и врачей доказывают существование отдельной проблемы – фельдшеризма. Отсутствие достаточного количества врачей, скудость земского бюджета и желание как можно быстрее предоставить населению хотя бы какую-либо медицинскую помощь подталкивали земства к созданию самостоятельных фельдшерских пунктов. Возникая значительно раньше врачебных участков, фельдшерские пункты, в течение всей истории существования земской медицины, в 2-3 раза превышали их количество. Экономическое положение населения не давало возможности для содержания врачей, поэтому средний медицинский персонал, а особенно фельдшера, должны были иметь необходимую профессиональную подготовку. Земства самостоятельно должны были решать вопрос создания необходимого количества фельдшерских школ. Постоянный интерес, который проявляли земства к проблемам материального обеспечения медицинских работников, способствовал не только решению кадровых проблем в медицинской отрасли, уменьшению текучести кадров, но и повышал авторитет органов местного самоуправления среди населения.

Ссылки и примечания:

1. Игумнов С.Н. Очерк развития земской медицины в губерниях вошедших в состав СССР. – К.: Киевский медицинский институт, 1940. – 155 с.
2. Заблудовский П. Е. История отечественной медицины / П. Е.Заблудовский. – М.: Медицина, 1960. – С. 352.
3. Левит М. М. Становление общественной медицины в России / М. М. Левит. – М.: Ме-

- дицина, 1974. – С. 164, 170-171.
4. Мирский М. Б. Медицина России XVI – XIX вв. / М. Б. Мирский М. Б. – М.: Российская политехническая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 321.
 5. Крыжная Ж.П. Медицина в Бахмутском уезде в конце XIX – начале XX вв. // Летопись Донбасса. – Донецк: 1997. – С. 33-37.
 6. Еремян В.В., Федоров М. В. Местное самоуправление в России (XII – начало XX вв.). / В.В. Еремян, М. В. Федоров. – М.: Новый Юрист, 1998. – С. 147-148.
 7. Журналы Мариупольского уездного земского собрания 46-й очередной сессии 1914 г. – Мариуполь, 1914. – С. 690 – 700.
 8. Энциклопедический словарь. /Изд-ли: Ф.А.Брокгауз, И.Е.Ефрон. – Т. 12а. – СПб., 1894. – С. 483, 485 – 486.
 9. Земский ежегодник за 1878 час. – С-Петербург, 1879. – С. 251.
 10. Журналы и доклады Славяносербского уездного земского собрания 46-й сессии 1911 г. и экстренных заседаний с приложениями. – Луганск, 1912. – С. 374.
 11. Отчет Бахмутской уездной управы за 1912 г. – Бахмут, 1913. – С. 18.
 12. Бутаков И.А. Исторический обзор Екатеринославской губернской больницы с 1867 г. по 1893 г. – Екатеринослав, 1894. – С. 30-45.
 13. Земский ежегодник за 1884 год /Свод постановлен и др. данных из журналов земских собраний сессии 1884 г., отчетов управ и прочих/ Под редакцией Ходского Л. В. – СПб., 1887. – С. 273, 246.
 14. Гос. архив Донецкой области. – Ф. 110, оп. 1, д. 59. Приговоры сельских сходов о земских врачах и фельдшерах. – Л. 3, 4, 8.
 15. Гос. архив Донецкой области. – Ф. 110, оп. 1, д.100. Журналы заседаний Мариупольской уездной управы. – Л.7, 8, 10, 11.
 16. Журналы Мариупольского уездного земского собрания 46-й очередной сессии 1914 г. – Мариуполь, 1914. – С. 690-697.
 17. Бутаков И.А. Исторический обзор Екатеринославской губернской больницы с 1867 г. по 1893 г. – Екатеринослав, 1894. – С.30-45.
 18. Крыжная Ж.П. Медицина в Бахмутском уезде в конце XIX – начале XX вв. // Летопись Донбасса. – Донецк: 1997. – С. 33-37.
 19. Советская молодежь. – 1990. – 11 октября. – С. 3.
 20. Журналы Мариупольского уездного земского собрания 46-й очередной сессии 1914 г. – Мариуполь, 1914. – С. 690-700.
 21. Гос. архив Донецкой области. – Ф. 110, оп. 1, д. 59. Приговоры сельских сходов о земских врачах и фельдшерах. – Л.10 – 11.
 22. Гос. архив Донецкой области. – Ф. 110, оп. 1, д.100. Журналы заседаний Мариупольской уездной управы. – Арк.4.

УДК 94:331.522.4(477)(091) «1920/1930»

А.В. Чеботарева

аспирантка кафедры Отечественной и региональной истории Донецкого национально-го университета

e-mail: abc5071@mail.ru

ВЫДВИЖЕНЧЕСТВО КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ УССР В 1920 – 1930-х гг.

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы формирования кадров в УССР (1920-1930-е гг.). Проанализировано одно из главных направлений большевистской кадровой политики – выдвиженчество. Охарактеризованы основные методы подбора и подготовки кадров.

Ключевые слова: *кадровая политика, выдвиженцы, номенклатура, государственное управление.*

Summary

The article deals with the formation of personnel in the USSR (1920s-1930s) and state personnel policy such as appointment to senior positions natives of workers and peasants. It outlined the main methods of personnel selection and training.

Keywords: *manpower policy, promoted workers, nomenclature, governance.*

В современных условиях опыт государственного управления приобретает особое значение и привлекает внимание исследователей. Важной частью указанной проблематики является изучение путей формирования кадров органами власти и управления в советское время. Актуальность работы заключается в исследовании механизмов становления управленческих кадров из выдвиженцев в период становления нового политического и социально – экономического строя общества.

Проблема выдвижения рабочих и крестьян на руководящие и ответственные должности в партийно-государственном и административно-хозяйственном аппаратах получила свое отражение в работах значительного количества исследователей, среди которых можно назвать советских историков – Г.П.Андренюка [1], В.А.Божанова [2], В.С.Волкова [3], М.С.Восленского [4], В.С.Дробижеву [5]; современных ученых – В.М.Даниленко, Г.В.Касьянова [6], С.В.Кульчицкого [7], М.С.Дорошко [8-9], Т.П.Коржихину, Ю.Ю.Фигатнера [10], Е. Г.Гимпельсона [11], Т.И.Новосельцеву [12]. Проанализировав историографию проблематики, можно сделать вывод, что исследователями рассмотрены различные направления политики выдвиженчества. Однако отсутствуют обобщающие работы по данной тематике, не создан обобщенный социально-политический портрет этой группы работников. Указанные обстоятельства делают целесообразным дальнейшее изучение истории выдвиженчества.

Целью данной работы является комплексное исследование процесса выдвиженчества как составляющей части советской кадровой политики в Украине в 1920 – 1930-х годах.

Установление советской власти привело к необходимости реформирования всей структуры управления в стране. Перед новообразованным государством встала проблема дефицита кадров партийно-государственного и хозяйственного аппаратов. Из-за недостатка собственных квалифицированных кадров советская власть до самого конца 1920-х годов была вынуждена мириться с преобладанием в государственном аппарате старой интеллигенции. Для преодоления дефицита образованных, компетентных спе-

циалистов – управленцев в государственных структурах, на первых этапах, к работе в органы местного самоуправления привлекались военачальники низшего и среднего звена рабоче-крестьянской Красной армии. Они, собственно, и составили кадровый костяк власти на местах [13].

Для обеспечения управленческой верхушки новыми кадрами было организовано выдвижение передовых рабочих и крестьян на руководящую работу в государственный, хозяйственный, кооперативный, профсоюзный и прочие аппараты.

Задача привлечения трудящихся в управление государством была поставлена В. И. Лениным накануне Октябрьской революции и конкретизирована в решениях IX-го, X-го, XI-го и XII-го партсъездов [14].

Разработка путей решения кадровой проблемы заняла ведущее место и в работе IX съезда КП(б)У (декабрь 1925 г.). В документах съезда говорилось о том, что партийные организации республики должны систематически выдвигать способных рабочих «на ответственную и руководящую работу». Это означало, что со временем выдвиженчество должно было превратиться в основной источник формирования руководящего состава промышленности [15]. Выдвиженцев, с одной стороны, рассматривали как альтернативу старым специалистам и управленцам, а с другой – они должны были осуществлять идею привлечения к управлению государством лучших рабочих и крестьян.

В середине 20-х годов XX ст. выдвиженчество получило широкий и планомерный характер. Так, в постановлении ЦК ВКП(б) от 7 марта 1927 г. отмечено: «Выдвижение рабочих и крестьян в государственный аппарат – одно из важнейших источников пополнения отряда руководящих кадров... Центральный Комитет партии поставил задачу – перейти в этом деле от методов ударных кампаний к систематической работе по подготовке кадров из среды передовых рабочих и наиболее близких к советской власти крестьян... Задачу настоящего улучшения и приближения ко всей системе управления... можно решить в первую очередь из-за выдвижения на постоянную руководящую работу...» [16].

Руководителей оценивали преимущественно на основе личных данных, изучение их деловых и моральных качеств было на втором плане. Однако, не все выдвиженцы оказывались способными выполнять управленческие функции, что приводило к неэффективному управлению. Постоянная сменяемость чиновников вела к распространению в их среде безответственности. Об этом, в частности, писал в 1928 г. управляющий трестом «Донуголь» Г. Ломов, который отмечал, что «в результате частого перемещения руководящих работников мы фактически снимаем с них ответственность за порученное им дело» [17].

Следует отметить, что часть работников добровольно отказывалась от выдвижения и возвращалась к прежним должностям. Причинами такого отношения рабочих были: волокита самой процедуры выдвиженчества, сложности новой работы, а также чисто психологические, вызванные потерей своей бывшей групповой принадлежности, без предварительного приспособления к новой социальной группе. Рабочие – выдвиженцы становились жертвами двойного сознания, которое с одной стороны диктовалась предыдущим жизненным опытом, а с другой – навязывалась новым руководящим положением.

В 1927 – 1931 гг. длился процесс формирования, укрепления и дальнейшего расширения социальной группы управленцев-выдвиженцев. С закреплением у власти большевиков все тщательнее и подробнее выписывались должностные обязанности того или иного управленца, выстраивалась новая иерархия должностей. Наркомат рабоче-крестьянской инспекции СССР в 1930 г. издал книгу «Номенклатура и характеристики должностей служащих госорганов СССР», с перечнем всех должностей и должностных обязанностей. В объяснении к этому изданию были «определены круг должностных обязанностей, объем работы и ответственность по каждой должности, а также служебная квалификация. Всего в «номенклатуру» попало 404 должности [18].

С принятием в 1932 году Постановления Политбюро ЦК КП(б)У «Об улучшении материально – бытовых условий руководящих районных работников», были утверждены нормы индивидуального обеспечения и общественного питания для районных руководящих работников [19]. Созданная в СССР сеть закрытых распределителей в начале 1930-х годов была усовершенствована, уровень доступа к которым определялся должностями. По утверждению исследователя Т. Кондратьевой, даже когда «в конце 1922 года бесплатные пайки и натуральная заработная плата были отменены, то продукты и вещи по заниженным ценам, а то и бесплатно продолжали распределяться благодаря заново созданному Кремлевскому кооперативу через номенклатурные столовые и магазины» [20].

Наличие выдвиженцев в управленческом аппарате на местах, а также их размещение внутри него компактными группами позволило властям установить над ними строгий политический контроль. Так, Постановление Политбюро ЦК КП(б)У от 26 февраля 1935 г. «О выдвижении украинских кадров» обязывало районные исполкомы и отделы окружных исполкомов вести персональный учет и управлять работой выдвиженцев через оформление личных дел, характеристик, отчетов о работе и т.п. [21]. Особенно сложно было обеспечить рабочими многочисленное звено местной власти – волостные исполкомы и сельские Советы.

Компартийным руководством Украины в течение 1935 г. была развернута активная деятельность по выдвижению украинских кадров на руководящие должности в государственные органы власти. Постановлением «О выдвижении украинских кадров», предлагалось «отделам руководящих парторганов вместе с обкомами подать в Секретариат не менее 120-150 украинцев для выдвижения на должности секретарей РПК и 120 человек на выдвижение председателей РВК» [22]. Кроме этого, отмечалась необходимость отбора из украинских представителей РПК и РИК кандидатов на областную и центральную партийную и советскую работу. Для этого предлагалось искать украинские кадры среди слушателей Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы и университета им. Артема. Не менее 300 украинцев из числа «наиболее грамотной, политически проверенной и способной молодежи» планировалось привлечь из высших учебных заведений УССР. Такие же указания получил ЦК ЛКСМУ [23].

В резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК КП(б)У 1933 года говорилось о том, что «нужно провести отбор и выдвижение лучших колхозных работников – украинцев, партийных и беспартийных, на советскую работу в республиканском, областном и районном масштабе». В ней также говорилось о необходимости «усилить подготовку большевистских украинских кадров партийных работников», для чего в Харькове были созданы курсы марксизма-ленинизма при ЦК КП(б)У на 150 человек с сроком обучения полтора года [24].

Отдельным направлением процесса выдвиженчества стало привлечение женщин в управленческий аппарат. Для того чтобы женщины-делегаты могли получить практический опыт управления, властью еще в начале 1920-х гг. была сделана попытка внедрить на местах систему «практикантства». Активистки прикреплялись с правом совещательного голоса в секции городских и районных Советов, правлений профсоюзов, президиумы местных исполнительных комитетов [25].

Согласно партийным директивам, женщины-выдвиженцы должны быть членами или кандидатами в члены ВКП(б), принимать активное участие в общественной работе, обладать определенным практическим опытом в принятии решений. Несмотря на поставленные задачи, в Постановлении ЦК ВКП(б) от 7 марта 1927 г. «О задачах в деле выдвижения рабочих и крестьян в госаппарат» отмечалось, что «выдвижение работниц и крестьянок еще шло главным образом лишь по линии народного образования, здравоохранения и совбеса, надо принять меры по выдвижению их и в других сферах деятельности (хозяйственной,

кооперативной и т.п.)» [26], однако эти женщины-выдвиженцы не заняли важных мест в управленческой иерархии, выполняя второстепенные, обслуживающие функции. Активистки постоянно встречали недоверие со стороны руководства.

Начиная с середины 1930-х годов, процент женщин-выдвиженцев в советских органах значительно вырос по сравнению с первыми годами существования советской власти. Например, если удельный вес женщин в составе руководящих кадров и специалистов управленческого аппарата в 1930 г. составил 5,5%, то уже в 1933 г. – 9,4%. Более подробные данные о количестве женщин среди управленческого персонала в УССР дает перепись 1939 г. Так, среди руководящего состава партийных, государственных, кооперативных и общественных организаций республиканского уровня 12,9% составляли женщины, среди районных и городских – 12,3%, председателей и заместителей председателей сельсоветов процент женщин был значительно меньше – 5,7% [27].

С выдвижением в управленческий аппарат значительного количества рабочих и крестьян особенно остро встал вопрос об их специальной подготовки. Созданию системы подготовки выдвиженческих кадров способствовали определенные представления о роли, задаче и потенциальных возможностях новых сотрудников в управленческом аппарате. Считалось, что рабочие «от станка» и крестьяне «от сохи» были носителями специфической пролетарской психологии. Им приписывались такие качества, как честность, порядочность, наличие здравого смысла, классового сознания и политической интуиции, которые помогут разобраться во всех тонкостях управления [28].

Ключевым моментом в деле организации обучения выдвиженцев стал объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), 6-11 апреля 1928 года, который указал на недостаточное внимание к специальному обучению выдвиженческих кадров [29]. С этого времени активизировалось формирование системы подготовки выдвинутых работников. В целом, оно завершилось на рубеже 1920 – 1930-х годов.

Формы подготовки выдвиженцев к работе были разными. Их «прикрепляли» к руководителям и квалифицированным сотрудникам учреждений. В этом случае успех обучения зависел от взаимоотношений, которые устанавливались между ними. Своеобразной формой предоставления подготовительной помощи выдвиженцам были специальные совещания, которые созывались для обсуждения вопросов об их успехах, трудностях, неудачах.

Для подготовки служащих на местах с 1920 года начали работу краткосрочные партийные курсы, курсы инструкторов и волостных секретарей. В 1924 г. ряды советских служащих пополнили выпускники советских партийных школ. Базой для них становились вечерние курсы и специальные краткосрочные курсы по переподготовке и учебные заведения, которые входили в сеть партийного просвещения и вечернего рабочего образования. Для выдвиженцев организовывались консультации, лекции при соответствующих учебных заведениях, разрабатывались специальные учебные планы [30].

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) апреля 1928 года постановил о необходимости «обеспечить выдвиженцам возможность обучения по всем специальностям на специальных курсах, в техникумах и др. Увеличить и упорядочить направления за границу отдельных групп квалифицированных рабочих для спецподготовки» [31].

Особенность системы подготовки выдвиженческих кадров в 1930-е годы состояла в том, что она сочеталась с системой повышения квалификации работников различных отраслей производства. В этот период распространялась также практика направления выдвиженцев, которые достигли определенных высот в управленческой деятельности, в ВУЗы с дневной формой обучения [32].

В связи с тем, что к началу 1930 г. только 32,8% директоров из среды выдвиженцев закончили технические курсы, а остальные их коллеги не имели даже начальной профессиональной подготовки, 14 февраля 1930 г. в Харькове на базе курсов красных директоров

был открыт Украинский филиал Всесоюзной Промакадемии, первыми слушателями которого стали 130 рабочих. К концу 1930 г. в филиале обучалось около 250 ответственных работников, 45 % которых представляли высшее хозяйственное руководство, 24 % – среднее звено, еще 31 % слушателей занимали ответственные должности в партийном и профсоюзном аппаратах. В 1931 г. в СССР было создано 13 самостоятельных Промакадемий, в том числе украинская с вечерними отделениями в Харькове, Киеве, Днепропетровске, Сталино и Одессе [33].

Слушатели факультетов, курсов переподготовки получали определенные социальные льготы: сокращенный рабочий день, во время учебы государство предоставляло бесплатное жилье, питание, проезд к месту обучения, учебную литературу. Среди высокопоставленных выдвиженцев практиковались индивидуальные формы обучения. Таким образом власти поддерживали новых советских управленцев, создавая им условия для получения знаний и повышения квалификации и открывая перспективы дальнейшего продвижения по службе.

В 1932 – 1936 годах происходила постепенная смена содержания выдвиженческой деятельности. Выдвижение на руководящие и ответственные должности рабочих и крестьян без специальной подготовки вытеснялось назначением на эти должности работников рабоче-крестьянского происхождения, имеющих специальное образование.

В отличие от кампании выдвиженчества, методы назначения оказались более эффективными. Это было связано с тем, что назначение было ориентировано на повышение по должностной лестнице личности, уже получившей определенную квалификацию работника и доказавшей свою профессиональную способность.

Итак, процесс выдвиженчества был сложный и длительный, он проходил путем привлечения новых кадров из представителей рабочего класса и крестьянства. Если, рассматривать выдвиженчество с точки зрения классового подхода, то оно, безусловно, было прогрессивным явлением, однако с точки зрения культурно-технической перспективы выдвиженчество порождало много проблем и впоследствии стало тормозом развития.

Ограниченность выдвиженчества как средства решения кадровой проблемы была очевидной, как отмечал В. И. Ленин, «надо быть компетентным, нужно полностью и в совершенстве знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь определенное научное образование» [34]. Действующая система подготовки кадров была малоэффективной и не гарантировала надлежащего уровня знаний, умений и навыков руководителей. Низкий профессионализм, недостаточное умение анализировать формировали привычку действовать по циркулярам. Не случайно основную массу выдвиженцев формировали как такую, которая выполняет директивы и распоряжения сверху.

О перспективах дальнейших исследований в данном направлении отметим, что научного решения требует вопрос участия выдвиженцев в формировании управленческой верхушки общественных организаций – кооперативных и профсоюзных аппаратов УССР в период 1920 – 1930 гг.

Ссылки и примечания:

1. Андренюк Г. П. Выдвиженчество и его роль в формировании интеллигенции (1921–1932 гг.) / Г. П. Андренюк // Из истории советской интеллигенции. М., 1966. С. 5–39.
2. Божанов В. А. Восхождение к абсолютной власти: большевики и советское государство в 20-е годы / В. А. Божанов. – Минск.: Тесей, 2004. – 272 с.
3. Волков В. С. Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР. 1928 – 1937 гг. / В. С. Волков. – Л.: Ленингр. гос. пед. институт, 1975. – 168 с.

4. Восленський М. С. Номенклатура / М. С. Вослевський. – М.: Захаров, 2005. – 640 с.
5. Дробижев В. З. Роль рабочего класса СССР в формировании командных кадров социалистической промышленности (1917-1936 гг.) / В. З. Дробижев // История СССР. – 1961. – № 4. – С.55-75.
6. Даниленко В. М., Касьянов Г. В., Кульчицкий С. В. Сталінізм на Україні: 20 – 30-ті роки / В. М. Данилевський, Г. В. Касьянов, С. В. Кульчицкий. – К.:Либідь, 1991. – 344 с.
7. Кульчицкий С. В. Партиїно – Освітньо-фахова підготовка та виховання партійно-радянської номенклатури УСРР в 1920-ті – на початку 1930-х років державний апарат у системі влади / С. В. Кульчицкий // Український історичний журнал. – 1994. – № 6. – С.3-15.
8. Дорошко М. С. Компартиїно-державна номенклатура УСРР у 20-30-ті роки ХХ століття: соціоісторичний аналіз/ М. С. Дорошко. – К.:Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2004. – 154 с.
9. Дорошко М.С. Освітньо – фахова підготовка та виховання партійно-радянської номенклатури УРСР в 1920 -ті – на початку 1930 –х років / М. С. Дорошко // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. – №14. – С.166-173.
10. Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия / Т. П. Коржихина, Ю. Ю. Фигатнер // Вопросы истории.- 1993. – № 7. – С.25-38.
11. Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. / Е. Г. Гимпельсон. – М., 1998.
12. Новосельцева Т. И. Выдвиженчество в кадровой политике Советского государства в 1920-1930-е годы: (на материалах Смоленской области): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.02) / Т. И. Новосельцева. – Брянск, 2004. – 22 с.
13. Делія О. В. Окремі аспекти державного управління кадровим забезпеченням органів місцевого самоврядування в СРСР (1917-1930 рр.) [Електронний ресурс] / О. В. Делія // Державнеуправління: удосконалення та розвиток – 2014. – №3. – Режим доступу:<http://www.dy.nauka.com.ua/?op=1&z=686>
14. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т.4. 1926-1929. – 9-е изд., доп. и испр. / Под ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – М.: Политиздат, 1983. – С.247, 319-419, 478-573.
15. Дорошко М.С. Освітньо-фахова підготовка та виховання партійно-радянської номенклатури УРСР в 1920 –ті – на початку 1930 –х років / М. С. Дорошко // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. – №14. – С.168.
16. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т.4. 1926-1929. – 9-е изд., доп. и испр. / Под ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – М.: Политиздат, 1984. –С.157.
17. Дорошко М.С. Освітньо – фахова підготовка та виховання партійно-радянської номенклатури УРСР в 1920 –ті – на початку 1930 –х років / М. С. Дорошко // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. – №14. – С.170.
18. Історія державної служби в Україні : у 5 т. / відп. ред. Т. В. Мотренко, В. А. Смолій ; редкол.: С. В. Кульчицкий (кер. авт. кол.) та ін.; Голов.упр. держ. служби України; Ін-т історії НАН України. – К.: Ніка-Центр, 2009. – Т. 2. –С.270.
19. Історія державної служби в Україні : у 5 т. / відп. ред. Т. В. Мотренко, В. А. Смолій;

- редкол.: С. В. Кульчицкий та ін.; упоряд.: Г. В. Боряк (кер. кол.упоряд.), Л. Я. Демченко, Р. Б. Воробей. Голов. упр. держ. служби України; Ін-т історії НАН України. – К.: Ніка-Центр, 2009. – Т. 5 :Документи і матеріали. Книга 1. 1914–1991. – С.278-282.
20. Кондратьева Т. Кормить и править: О власти в России XVI – XX вв. / Т. Кондратьева; Пер. с фр. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С.87.
21. Історія державної служби в Україні : у 5 т. / відп. ред. Т. В. Мотренко, В. А. Смолій ; редкол.: С. В. Кульчицкий та ін.; упоряд.: Г. В. Боряк (кер. кол.упоряд.), Л. Я. Демченко, Р. Б. Воробей. Голов. упр. держ. служби України; Ін-т історії НАН України. – К.: Ніка-Центр, 2009. – Т. 5 :Документи і матеріали. Книга 1. 1914–1991. – С.291-292.
22. Історія державної служби в Україні : у 5 т. / відп. ред. Т. В. Мотренко, В. А. Смолій ; редкол.: С. В. Кульчицкий та ін.; упоряд.: Г. В. Боряк (кер. кол.упоряд.), Л. Я. Демченко, Р. Б. Воробей. Голов. упр. держ. служби України; Ін-т історії НАН України. – К.: Ніка-Центр, 2009. – Т. 5 :Документи і матеріали. Книга 1. 1914–1991. – С.291.
23. Історія державної служби в Україні : у 5 т. / відп. ред. Т. В. Мотренко, В. А. Смолій; редкол.: С. В. Кульчицкий та ін.; упоряд.: Г. В. Боряк (кер. кол.упоряд.), Л. Я. Демченко, Р. Б. Воробей. Голов. упр. держ. служби України; Ін-т історії НАН України. – К.: Ніка-Центр, 2009. – Т. 5 :Документи і матеріали. Книга 1. 1914–1991. – С.291-292.
24. Історія державної служби в Україні: у 5 т. / відп. ред. Т. В. Мотренко, В. А. Смолій; редкол.: С. В. Кульчицкий (кер. авт. кол.) та ін.; Голов. упр. держ. служби України; Ін-т історії НАН України. – К.: Ніка-Центр, 2009. – Т. 2. –С.275.
25. Коваленко С. В. Женское общественное лидерство и гендерные стереотипы (уроки 20-30-х годов XX века) / С. В. Коваленко // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. История. Исторические науки, 2008, №3(67). – С.92.
26. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т.4. 1926-1929. – 9-е изд., доп. и испр. / Под ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – М.: Политиздат, 1984. –С.159.
27. Історія державної служби в Україні: у 5 т. / відп. ред. Т. В. Мотренко, В. А. Смолій; редкол.: С. В. Кульчицкий (кер. авт. кол.) та ін.; Голов. упр. держ. служби України; Ін-т історії НАН України. – К.: Ніка-Центр, 2009. – Т. 2. –С.279.
28. Новосельцева Т. И. Выдвиженчество в кадровой политике Советского государства в 1920-1930-е годы: (на материалах Смоленской области): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.02) / Т. И. Новосельцева. – Брянск, 2004. – С.18-19.
29. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т.4. 1926-1929. – 9-е изд., доп. и испр. / Под ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – М.: Политиздат, 1984. –С.330.
30. Новосельцева Т. И. Выдвиженчество в кадровой политике Советского государства в 1920-1930-е годы: (на материалах Смоленской области): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.02) / Т. И. Новосельцева. – Брянск, 2004. – С.16.
31. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т.4. 1926-1929. – 9-е изд., доп. и испр. / Под ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – М.: Политиздат, 1984. –С.330
32. Новосельцева Т. И. Выдвиженчество в кадровой политике Советского государства в 1920-1930-е годы: (на материалах Смоленской области): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.02) / Т. И. Новосельцева. – Брянск, 2004. – С.17.
33. Дорошко М.С. Освітньо-фахова підготовка та виховання партійно-радянської номенклатури УРСР в 1920 -ті – на початку 1930 -х років / М. С. Дорошко // Пробле-

ми історії України: факти, судження, пошуки. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. – №14. – С.169.

34. Дорошко М. С. Освітньо – фахова підготовка та виховання партійно-радянської номенклатури УРСР в 1920 –ті – на початку 1930 –х років/М. С. Дорошко // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. – №14. – С.170.

УДК 94 (477):27 «1943/1943»

В.Н. Никольский

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной и региональной истории Донецкого национального университета
e-mail: nvn2015@rambler.ru

ВЫПОЛНЯЯ ПАСТЫРСКИЙ ДОЛГ: ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯЩЕННИКИ ДОНЕТЧИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

В статье рассматриваются реальные случаи организации православными священниками Донбасса помощи пленным советским военнослужащим на территории временно оккупированной немецкими войсками в 1941-1943 гг. Приводятся новые архивные данные о сборе средств в помощь Красной армии, семьям погибших солдат и офицеров, нуждающимся детям в период после освобождения региона.

Ключевые слова: *Православные священники, патриотический долг, помощь пленным, сбор средств для Красной армии.*

Summary

The real cases of the organization by orthodox priests of Donbas of the help to the captured Soviet military personnel in the territory of temporarily occupied by the German troops in 1941-1943 are considered in the article. We present new historical data on the collection of funds in aid of the Red Army, the families of dead soldiers and officers who are in need of assistance to children in the aftermath of the liberation of the region.

Keywords: *Orthodox priests, a patriotic duty, fund raising for Red army*

Отпор нападенію нацистської Німеччини на Радянський Союз з перших же днів став для народів нашої країни Великої Вітчизняної війни.

Местоблюстителю патріаршого престолу митрополит Московський і Коломенський Сергій, узнав про початок фашистської агресії, після Літургії в московському Богоявленському соборі вернувся в свою резиденцію і на пишущій машинці напечатал документ «Пастырям і пасомым Христовой православной церкви»:

«В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны, но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить наш народ на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами

любви к своему Отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамям же их славного имени и мы - православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства. Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали (о них иные подумают, что они искали славы). Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника. Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг. Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больше сея любви никто же имать, разве кто душу свою положит за други своя». Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради родины. Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда Отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его не касательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно «ради Иисуса, а не ради хлеба куса», как выражался святитель Дмитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей. Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины. Господь нам дарует победу» [1].

Конечной целью нацистской Германии было уничтожение всякого сопротивления и полное порабощение славянских и других неарийских народов.

Нападая на Советский Союз, идеологи немецкого нацизма прикрывались именем Бога, называя это войну крестовым походом. Адольф Гитлер прямо заявлял: «Мы должны избегать, чтобы одна церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту. Если некоторые деревни в результате захотят практиковать черную магию, как это делают негры и индейцы, мы не должны ничего делать, чтобы воспрепятствовать им. Коротко говоря, наша политика на широких просторах должна заключаться в поощрении любой и каждой формы разъединения и раскола» [2].

Понимая свой пастырский долг, как помощь Родине, православные священники откликнулись на этот патриотический призыв не только молебнами, но и сбором средств для создания танковой колонны и эскадрильи боевых самолетов.

Но Красная армия все дальше отступала на восток...

В октябре 1941 г. территория Сталинской области была захвачена немецкими войсками и воинскими частями сателлитов Германии.

Оккупанты разрешили на захваченных землях открывать церкви и молельные дома.

В Артемовском районе благочинный Иван Ксенофонтович Крещановский создал «попечительный комитет» по организации церквей. Он проводил службу в кладбищенской церкви и, за короткий промежуток времени, смог, с помощью священников и верующих, восстановить и открыть одиннадцать храмов – в Артемовске, Часов-Яре, Попасной, в поселке соляного рудника, в селах Покровское, Зайцево, Кодино, Белокузьминовка, Васильевка, Николаевка, назначил в них священников и руководил проведением служб и читал проповеди [3].

В ноябре 1941 Красноармейском районе священник Драгожинский Прокофий Тимофеевич был назначен настоятелем Николаевского храма, как благочинный района, он открыл одиннадцать храмов (в городах Красноармейск и Константиновка, селах Гришино, Сергеевка, Гродовка, Ново-Экономическое, Ново-Подгородное, Чаплино, Криворожье, в поселках шахты №5/6 им. Г.Димитрова и станции Удачная) и обеспечил проведение в них церковной службы [4].

Многие красноармейцы, раненые и больные оказались в плену – в больших и малых концлагерях. Им угрожала голодная смерть.

На помощь пришли священнослужители, выполняя свое пастырское предназначение. Они организовывали группы верующих, которые собирали продукты, денежные средства для помощи воинам, находившимся за решеткой, поддерживали морально.

Документы свидетельствуют:

Ткаченко П.С., 1871 г.р.: «Помню случай, что Крещановский с церковной кафедры обратился к верующим – помочь нашим. При этом слушатели помогали, кто чем мог и собранные продукты я сама носила в госпиталь, где были советские раненые военнопленные, и был случай, когда Крещановский сам дал костюм по моей просьбе для раненого советского летчика» [5].

Деомидова Ефросинья Григорьевна, 1887 г.р.: «Весь период временной оккупации Сталинской области я проживала в г. Артемовск, нигде не работала. Я, как еврейка, скрывалась и боялась наказания со стороны немецких властей, дважды подвергалась арестам. Первый раз была арестована со своим мужем – полицией, но была освобождена, так как немецкие карательные органы не изобличили меня, как еврейку по национальности. Это было в 1942 г. в октябре месяце 8-го числа. Второй раз была арестована также в октябре месяце жандармерией, где просидела два дня, была освобождена и отпущена домой. Со слов мужа Деомидова мне известно, что выручил меня Крещановский Иван Ксенофонтович, который по просьбе моего мужа ходил к коменданту или в жандармерию, где доказывал немцам, что я являюсь украинкой...» [6].

В 1943 г., после освобождения, создается Артемовская городская комиссия по установлению зверств, чинимых немецко-фашистскими захватчиками. Одним из ее членов становится священник Крещановский И.Г.

21 августа 1945 г. Епископ Донецкий и Ворошиловградский Никон своим Указом за №485 утвердил Иоанна Крещановского настоятелем Всехсвятской церкви в г. Артемовске [7].

После изгнания оккупантов отец И.Крещановский сообщил органам госбезопасности: «... дважды вызывался в гестапо офицером (фамилии не помню), который требовал, чтобы начал проводить богослужение на украинском языке, восхвалять Гитлера, германскую власть; я сказал, что знаю только русский язык и вести богослужение на украинском не могу, допускаю, что возможно немцы хотели показать народу о том, что они делают для последнего блага, разрешая оказывать материальную помощь раненым бойцам Красной Армии, поднимая авторитет церкви, в том числе и меня, как священника» [8].

После изгнания оккупантов, православные священники стали активными организаторами сбора среди верующих средств для нужд армии и помощи нуждающимся.

В архиве нами найдена копия телеграммы: «Духовенству и верующим Сталинской области дополнительно собравшим шесть миллионов триста пятьдесят девять тысяч рублей Фонд обороны страны Союза ССР мой привет и благодарность Красной армии И.Сталин» [9].

В фонде Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по Сталинской области Государственного архива Донецкой области сохранились несколько документов, свидетельствующих о сборах среди клира и паствы средств на оборону страны. В сведениях за период с 22 июня 1941 г. по 1 июня 1944 г. приведены такие данные:

1) Собрано духовенством и верующими на постройку самолетов, танков и вообще в фонд обороны – 2.611.816 руб. наличными деньгами и драгоценными предметами (золото, серебро и драгоценные камни), 4 червонца десятирублевого достоинства.

2) Собрано на подарки в армию наличными деньгами – 280.895 руб., и различными продуктами и предметами на сумму 75.200 руб.

3) Собрано на оказание помощи больным и раненым, находящимся в госпиталях – 725.485 рублей наличными деньгами и продуктами и предметами на общую сумму 754.933 руб.

4) Собрано на оказание помощи инвалидам Отечественной войны наличными – 210.608 руб., и продуктами и предметами на сумму 31.975 руб.,

5) Собрано на оказание помощи детям и детским учреждениям наличными – 16.800 руб. и продуктами и предметами на сумму 16.296 руб.

6) Собрано на оказание помощи семьям военнослужащих наличными деньгами 229.990 руб., продуктами и предметами на сумму 52.469 руб.

7) Собрано на другие патриотические цели деньгами 420.004 руб., товарами на сумму 26.260 руб.

Общая сумма собранных православным духовенством и верующими области средств составила 5.225.262 руб. и по государственным займам 1.033.199 руб. [10].

И в дальнейшем подобная работа продолжалась. В июле 1944 г. собрали 336.074 руб., в августе – 329.281 руб., в сентябре – 245.216 руб., в октябре – декабре (по неполным данным, поскольку обобщенные сведения за 4-й квартал по шести благочиниям не поступили) – 2.154.813 руб., а позднее – еще 556.286 руб. [11].

В архивных документах, в частности, зафиксировано, что священник Крещановский в своих проповедях призывал победить врага, имея в виду германскую армию, и что он в 1942 году был немцами снят с благочинного, т.к. не был на стороне немцев...» [12].

Священник Прокофий Тимофеевич Драгожинский, 1879 года рождения, о котором уже шла речь ранее, уроженец села Дмитриевка Павлоградского района Днепропетровской области, образование среднее, беспартийный, настоятель Николаевской церкви в городе Красноармейске, исполнял службу в городе с 1905 года.

В его личном деле записано: «... В 1921 г. в г. Бахмуте по постановлению Киевского поместного собора епископом Иоаникием был возведен в духовный сан протоиерея... В 1925 г. в г. Харькове принимал участие в работе украинского поместного собора как делегат от Донецкой епархии, на этом соборе был избран членом украинского священного синода и состоял до 1932 г. В 1928 г. вторично участвовал в работе украинского поместного собора и вторично избран членом украинского священного синода. В 1928 г. принимал участие в работе Московского поместного собора, как член Украинского священного синода. В 1909 г. епископом был назначен благочинным 2-го округа Бахмутского уезда, а в 1917 г. на должность был избран благочинным съездом духовенства и мирян, в этой должности до

1938 г. Имел 4 награды украинского священного синода: «Палици» - крест с украшением, «Митра» и сан прото-пресвитера. Церковь помогала пленным, собирала для них средства, готовили горячую пищу, и носили пленным красноармейцам в лагерь. Охрана для пленных принимала и раздавала в присутствии лиц, приносивших пищу. При вступлении Красной Армии им в церкви организован сбор средств в фонд обороны, за что от товарища Сталина имеет две благодарности. По инициативе Драгожинского было собрано денежных средств в 86 тысяч рублей, из которых непосредственно сдано в отделение Госбанка в г. Красноармейске 26 тысяч рублей, а остальные внесены через Епархиальное управление русской православной церкви, что подтверждается справкой Госбанка и двумя телеграммам» [13].

В практике деятельности органов госбезопасности было расследование деятельности граждан, которые в период немецкой оккупации предположительно сотрудничали с оккупантами. Вот лишь некоторые свидетельства граждан, допрошенных по делу священника Драгожинского.

Соколова Мария Сергеевна, 1909 г., домохозяйка: «Мой муж был в армии, член ВКП(б). При оккупации Драгожинский помогал мне хлебом и деньгами, выручил моего брата от немецкой каторги. Знаю то, что помогал пленным. Носила пленным обеды одна служанка церкви она убита и еще одна женщина носила горячие продукты из его дома. Я сама видела, как носили ведрами борщ и другие продукты... У меня пять детей и я не работала, находилась в плохом материальном состоянии. Мне Драгожинский с моей просьбы помогал, чем только мог» [14].

Верещагина Фекла Ивановна, 1902 г. р., домохозяйка: «Могу пояснить, что в феврале 1942 г. мы собирали пищу в лагерь военнопленных. Помогал нам в этом Драгожинский, но не только своими личными средствами, также средствами церковными, а еще и посылали собирать средства с населения. До февраля носили я и служанка церкви горячую пищу и продукты в лагерь военнопленных, носили приблизительно по 10 ведер борща, а после февраля месяца нас организовалось несколько человек. Меня побудило этим делом заняться то, что немцы расстреляли моего мужа и сыновья были в Красной Армии. Драгожинский всем говорил, чтобы помогали военнопленным красноармейцам. Я лично носила в лагерь, который помещался в 4-й школе» [15].

Стружкова Дарья Васильевна, 1902 г.р., домохозяйка: «Драгожинский помогал раненым военнопленным красноармейцам, также сиротам. Меня приглашали готовить пищу для военнопленных... Дату 20 февраля 1942 г. запомнила потому, что в этот день расстреляли моего сына и я пошла помогать нашим военнопленным красноармейцам, и стала принимать активное участие в помощи военнопленным... Помощь со стороны церкви была и после изгнания немцев, уже при советской власти было собрано около 35 тысяч руб. в фонд помощи Красной Армии. ...» [16].

Болонская Ксения Даниловна, 67 лет: «Знакома с Драгожинским лет 40. Знаю, что он хороший человек, умный, помогал бедным семьям, красноармейцам. Все его хвалили как человека. В 1905 г. Драгожинский отстоял от виселицы Лунева. Знаю, что военнопленным собирали с населения помощь и варили пищу в доме Драгожинского и разносили военнопленным. В феврале 1942 г. у меня на квартире варили пищу... Драгожинский молился за наших сыновей. Мне лично помогал. Я просила его, чтобы помолился за моих сынов, которые служат в Красной Армии и он молился. За это с меня не взял ни копейки» [17].

Протопопова Раиса Львовна, 1879 г.: «Просила Драгожинского скрыться во время ухода немцев, а он ответил, что он от своего народа не уйдет. Сбор был в помощь раненым со стороны церкви. Я работала в ревизионной комиссии при церкви... Всего ценностей в церкви собрали на сумму 12 тысяч рублей» [18].

Приведенные нами архивные документы – о деятельности двух священников Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны. Думаю, что они не требуют

подробных комментариев. А перед исследователями стоит задача поиска новых материалов для более полного воссоздания общей картины участия православного духовенства в патриотической деятельности в годы Великой Отечественной войны.

Ссылки и примечания:

1. Интернет ресурс http://www.klaipeda.mid.ru/doc/ce_19.doc. См. также: Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война.- М, 1942, л.3-4.
2. Цит. по: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви.- М., 1996, с. 510; См. доклад протоиерея Владислава Цыпина «Русская Православная церковь в Великой Отечественной войне (интернет ресурс <http://www.pobeda.ru/content/view/1935>)
3. Архив временного хранения документов УСБУ в Донецкой области, архивно-следственное дело (асд) 35652-пф, л.32-32 об.
4. Там же, асд 19050-2ф, л.37.
5. Там же, асд 35652-2ф, л.82 об.
6. Там же, л.56-56 об.
7. Там же, л. б/н.
8. Там же, л.18-18 об.
9. Там же, л.64.
10. Государственный архив Донецкой области. Ф.Р-4022, оп.1, д.1, л.2-3.
11. Там же, л.34.
12. Архив временного хранения документов УСБУ в Донецкой области, асд 35652-2ф, л. б/н.
13. Там же, асд 19050-2ф, л.164-175.
14. Там же, л.348 об.
15. Там же, л.349.
16. Там же, л.350.
17. Там же.
18. Там же.

УДК 351.743

Ю.Н. Краснонос

кандидат исторических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории Донецкого национального университета
e-mail: ur.kr@yandex.ua

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ДОБРОВОЛЬНЫХ НАРОДНЫХ ДРУЖИН В ДОНБАССЕ (КОНЕЦ 50-х – 60-е гг. XX ст.)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности развития добровольных народных дружин как важной формы сотрудничества общественности с органами правопорядка в конце 50-х- 60-е гг. XX ст. в Донбассе, определяются историко-правовые основы и особенности данного социального явления советской истории.

Ключевые слова: *сотрудничество, общественность, милиция, правопорядок, добровольные народные дружины*

Summary

The features of development of voluntary public teams as important form of interaction between the public and the Soviet militia on law and order protection in the late 1950s-60s in Donbas are considered in the article. The organizational and legal basis and peculiarities of this social phenomenon of the Soviet history have been determined.

Keywords: *collaboration, public, militia, law and order, voluntary public team*

Одним из ведущих направлений формирования демократического общества является расширение общественного контроля за социальными и государственными институтами, создание механизма привлечения населения к решению актуальных проблем развития страны. Векторы этого контроля разнообразны и динамичны, они охватывают практически все сферы общественной жизни, в том числе и такую специфическую как правоохранительная деятельность.

История органов внутренних дел Донбасса является историей постоянного развития и совершенствования различных форм взаимодействия с населением в охране общественного порядка, в противостоянии преступности, объективно отражая организационно-правовые особенности и традиции, факторы и последствия данного социального процесса. Обращение к историко-правовому опыту сотрудничества органов милиции с общественностью для организации совместной борьбы с преступностью позволит воссоздать объективную картину социально-политического бытия в прошлом, а также определить тенденции и перспективы развития указанного социально-правового взаимодействия в будущем.

История развертывания движения добровольных народных дружин как формы сотрудничества с милицейскими подразделениями достаточно широко была освещена в трудах ученых советской эпохи, среди которых следует упомянуть А.П. Закалюка, Н.И. Еропкина, Г.Л. Кригера, Л.М. Розина, В.Т. Томина, И.И. Шостенко [1-6]. Несмотря на определенный идеологический характер, пропагандистские подходы, представленные работы содержат значительный информационный материал относительно организационно-правовых основ данного взаимодействия населения с милицией в советские времена, теоретические обоснования и рекомендации в контексте развития форм и направлений указанного социально-правового сотрудничества.

В постсоветский период в Донбассе начинается процесс обновления законодательства, складываются новые реалии политической и социально-экономической жизни, повлиявшие на дальнейшее развитие взаимоотношений общественности с правоохранительными органами. Новые подходы к изучаемой проблеме нашли освещение в исследованиях А.М. Бандурки, В.А. Соболева, В.И.Московца, Ю.Ф.Кравченко, А.Н. Ярмышы [7-9] и других ученых, которые с новых позиций продолжили изучение истории развития механизма взаимодействия населения с органами правопорядка. В то же время, представленный историко-правовой анализ исследуемой проблемы не является исчерпывающим, завершенным и поэтому нуждается в дальнейшей разработке с учетом выявления новейших источников, взглядов и подходов.

Целью статьи является исследование историко-правовых условий, принципов, направлений возникновения и развития добровольных народных дружин как важной формы сотрудничества общественности с органами правопорядка в конце 50-х – 60-х гг. XX ст. в Донбассе.

В 50-е гг. XX ст. на территории Донецкого индустриального региона продолжал функционировать механизм социально-правового взаимодействия органов милиции с общественностью, который был создан еще в межвоенный период. Так, на рубеже 20-30-х гг. по инициативе трудовых коллективов в промышленных регионах Советского Союза начинается процесс формирования обществ содействия органам милиции и уголовного

розыска, которые в дальнейшем были реорганизованы в бригады содействия милиции (бригадмилы), ставшие основной формой приобщения советских граждан к борьбе с преступностью, профилактики и охраны общественного порядка [10].

Данная форма социально-правового сотрудничества населения и органов правопорядка обладала ярко выраженным идеологическим, классовым характером, обеспечивая политико-воспитательный контроль советского руководства над правоохранительной системой, охватывая значительную часть сознательных трудящихся на основе принципов публичности и социальной ответственности. Бригадмилловцы помогали сотрудникам милиции проводить административные и оперативно-розыскные мероприятия, осуществляли совместное патрулирование на улицах, в местах массового скопления людей, обеспечивали охрану общественного порядка во время демонстраций, празднований.

Бригадмилловское движение быстро распространилось во всех регионах, пользуясь поддержкой не только сверху, со стороны властных структур, но и приобретало определенный авторитет среди трудящихся масс на местах, особенно рабочей молодежи. Например, в 1937 г., по данным общесоюзной статистики, бригады содействия милиции насчитывали в своих рядах более 350 тысяч граждан [11]. Следует отметить, что функции указанных общественных объединений взаимодействия с органами милиции носили второстепенный, подчиненный характер, ограничивались выполнением косвенных задач оказания помощи правоохранителям. Эти формирования строились на классовой основе, под контролем партийных и комсомольских организаций и были своеобразным придатком правоохранительных структур в деле осуществления охранно-профилактических функций.

Новые реалии общественно-политической жизни в СССР в период хрущевской «оттепели», связанные с попытками обновления советской правоохранительной системы, обусловили изменение форм, методов, организационно-правовых основ взаимодействия населения с милицией по обеспечению общественного порядка и активизации борьбы с преступностью. Наиболее важным шагом в организационно-правовой перестройке механизма партнерского взаимодействия органов правопорядка и советских граждан становится движение добровольных народных дружин (ДНД), которое приобретает общесоюзный и массовый характер на рубеже 50-60-х гг.

Инициаторами создания движения добровольных народных дружин в 1958 г. выступили ленинградские рабочие, совместно с милицией приступившие к обеспечению охраны правопорядка и законности в общественных местах города. Почин ленинградцев был подхвачен во всех уголках необъятного СССР. За короткое время только в РСФСР в ДНД вступили свыше миллиона трудящихся. В 1962 году в стране насчитывалось уже 130000 дружин, объединивших в своих рядах более 4 миллионов человек [12].

Первые отряды дружинников в Донбассе формируются в конце 1958 г. на базе трудовых коллективов крупных промышленных предприятий Енакиево и Горловки. 10 декабря 1958 г. в нарядной шахты 1-2 «Красный Октябрь» (Енакиево) состоялось собрание трудового коллектива, на котором горняки, обсудив материалы XXI съезда КПСС, приняли решение о создании добровольной народной дружины из «сознательных представителей рабочих и служащих шахты с целью обеспечения охраны общественного порядка на прилегающей к предприятию поселковой территории». В течение нескольких дней в состав дружины было подано свыше 300 заявлений и создано руководство местной ДНД. В это же время дружины создаются и на других шахтах объединения «Орджоникидзеуголь» (Енакиево): им. Карла Маркса, «Красный Профинтерн», «Хацапетовская-Западная». В итоге уже в 1959 г. промышленные предприятия Енакиево делегировали в ряды ДНД свыше 7 тыс. сотрудников.

В Горловке первые добровольные народные дружины были созданы 12 декабря 1958 г. на общих трудовых собраниях рабочих машиностроительного завода им. Кирова, шахты «Кочегарка» и коксохимического завода. Общественный почин енакиевцев и горловчан

активно пропагандируется советскими партийными и комсомольскими организациями и ускоренно распространяется по территории всей Украинской Советской Социалистической Республики (УССР). Так, в начале 1959 г. к движению ДНД по охране общественного порядка присоединяются трудовые коллективы Сталино, Жданова, Луганска, Ворошиловска (Коммунарска), Кадиевки (Стаханова), Днепропетровска, Запорожья, Харькова, других городов и населенных пунктов республики. Следует отметить, что организационно-правовой процесс развития ДНД в урбанизированном, индустриальном Донецком крае приобретает комплексный и массовый характер, трансформируясь в важный фактор механизма профилактики и противодействия преступности [13].

Советское руководство поддержало общественный почин по развертыванию движения добровольных народных дружин не только на идеологическом, но и на законодательном уровне. Так, 2 марта 1959 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимают Постановление № 218 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране», в котором отмечался факт роста общественной активности и сознательности трудящихся как результат дальнейшей демократизации советского общества и определялась новая задача – осуществление борьбы с преступностью не только силами административных органов, но и с помощью привлечения широких слоев населения. Постановление утвердило Примерное положение о добровольных народных дружинах и стало основным документом политико-идеологического и юридического характера, закрепив полномочия, направления и формы функционирования ДНД вплоть до середины 70-х гг. Указанный нормативный акт заложил принципиально новую форму сотрудничества милиции и трудовых коллективов по охране общественного порядка, исходя из конкретных направлений совместной правоохранительной деятельности [14].

С этого времени милиция осуществляла возложенные на нее задачи по охране общественного порядка в тесном контакте с самостоятельно действующими общественными формированиями-ДНД, деятельность которых носила постоянно действующий, легитимный характер. Ежедневно к охране общественного порядка и проведению профилактических мероприятий привлекались сотни тысяч дружинников, которые организовывались на началах добровольности, по производственно-территориальному принципу на предприятиях, стройках, транспортных организациях, в колхозах, совхозах, учебных заведениях и т.д. Руководство добровольными народными дружинами было возложено на штабы, состоявшие из представителей партийных и советских органов, профсоюзных и комсомольских организаций. ЦК КПСС и Совет Министров СССР рекомендовали органам внутренних дел, прокуратуры и судам усилить борьбу с правонарушениями путем оказания всесторонней помощи народным дружинам [15].

Процесс организации движения ДНД в Донбассе с учетом местной региональной специфики также регламентировался постановлением ЦК КПУ и Совета Министров республики от 8 июня 1961 г. «Положение о добровольных народных дружинах для охраны общественного порядка в Украинской ССР», которое также стало дополнительной правовой основой организации и деятельности данного общественного движения. Данный нормативный документ предписывал создавать ДНД из передовых рабочих, служащих, колхозников, студентов и пенсионеров, совместно с сотрудниками милиции осуществлять охрану общественного порядка непосредственно на территории населенных пунктов, жилых массивов, улицах, местах отдыха, а также заниматься профилактической и разъяснительной работой по предупреждению правонарушений среди населения.

В течение 60-х гг. движение ДНД принимает массовый характер и постепенно трансформируется в наиболее эффективную форму взаимодействия с органами милиции, претерпевая ряд структурно-организационных изменений. Так, в это время дружинники начинают подразделяться по функциональным признакам на территориальные и специ-

ализированные. Первые комплектовались из представителей коллективов предприятий или учреждений. При этом основной формой их деятельности стало осуществление охраны общественного порядка на определенной территории путем совместного патрулирования с милиционерами. Вторые проводили борьбу с преступностью главным образом с отдельными видами правонарушений, соответственно специализируясь, например, по линии Государственной автомобильной инспекции (ГАИ), уголовного розыска и т.д. К специализированным дружинам относились также оперативные и комсомольские оперативные отряды [16].

Так, по состоянию на 1 января 1965 г. в Донецкой области действовало 2296 народных дружин, в составе которых насчитывалось 314815 дружинников. Так, в отчетах обкома партии отмечалась эффективная работа ДНД в Калининском районе г. Донецка, в городах Горловка, Торез, Краматорск (в частности, Ново-Краматорского машиностроительного завода им. Ленина, Станкозавода), Снежное (шахты № 18, 22, 10), на территории Марьинского района. За пять месяцев 1965 г. дружинниками Донецкой области за нарушение общественного порядка и другие проступки было задержано 18363 лиц, из которых 9702 были предупреждены и освобождены после проведенных с ними бесед, на 4896 были направлены сообщения по месту работы, поведение 3200 лиц было обсуждено на собраниях трудящихся, 2421 лицо привлечено к административной и 486 к уголовной ответственности [17].

Аналогичное движение добровольных дружин активно развивалось и на территории Луганской области. По состоянию на 1 января 1967 г. в области действовало 1412 добровольных народных дружин, в которых принимали участие 102890 чел., а уже в 1968 г. в области функционировало 1664 дружины, в которых принимали участие 106519 лиц [18]. Вообще, по разным подсчетам в конце 60-х гг. в СССР насчитывалось около 173 тыс. дружин, объединявших около 7 миллионов человек, оказывавших значительную поддержку сотрудникам внутренних дел в сфере правоохранительной деятельности.

Действуя в условиях советской централизованной системы и опираясь на методы принуждения и пропаганды, добровольные народные дружины в указанный исторический период сыграли свою положительную роль, обеспечили массовое, хотя и «добровольно-организованное» участие граждан в охране правопорядка. Многие дружинники действительно активно и неформально участвовали в борьбе с правонарушениями, активно помогали правоохранительным органам, значительное количество наиболее отличившихся дружинников были в то время удостоены государственных наград.

Практика взаимодействия общественных организаций и трудовых коллективов с органами внутренних дел в Донбассе в конце 50-х – 60-е гг. XX ст. выявила не только важное социально-политическое, но и практическое, профилактическое и профориентационное значение движения, мобилизуя значительные кадровые ресурсы для обеспечения охраны общественного порядка и противодействия преступности. Среди указанных форм и направлений сотрудничества особая роль принадлежала именно ДНД – особому инструменту социального взаимодействия и контроля, продемонстрировавшему свою эффективность и устойчивость в сфере обеспечения правопорядка и законности в Советском государстве.

Ссылки и примечания:

1. Еропкин М.И. Развитие органов милиции в Советском государстве. – М., 1967.
2. Закалюк А.П., Сушук З.І. Народні дружини. — К., 1966.
3. Кригер Г.Л. Народные дружины в борьбе с преступностью. – М., 1976.
4. Розин Л.М. Организация взаимодействия службы охраны общественного порядка с государственными органами и общественными организациями. – М., 1978.

5. Томин В.Т. Население – сфера функционирования и объект управления органов внутренних дел . – М.,1978.
6. Шостенко И.И. Организационно-правовые формы участия трудящихся в деятельности советской милиции в период построения социализма в СССР.1917-1936 гг.(по материалам Украинской ССР).//Автореферат дис... канд. юрид. наук. – К., 1985.
7. Бандурка А.М., Соболев В.А., Московец В.И. Партнерские взаимоотношения между населением и милицией.- Харьков, 2003.
8. Кравченко Ю.Ф. Милиция Украины. – Харьков, 2000.
9. Взаимодействие милиции и общественности в Украине (с использованием опыта деятельности полиции Великобритании / Под. ред. А. Дж. Бека, Ярмыш А.Н. Учебное пособие.- Харьков, 2001.
10. Советская милиция: история и современность (1917-1987) / Под ред. А.В. Власова.- М.,1987. – С.95.
11. Из истории милиции советской Украины / По ред. проф. П.П. Михайленко.- К., 1965. – С.48.
12. Михайленко П.П., Кондратьев Я.Ю. Історія міліції України: в документах і матеріалах: В 3-х т. – К., 2000.-Т.3:1946-1990. – С.204
13. Абдуллин А.А., Ситник О.О. Досвід боротьби зі злочинністю на Донбасі в 1953-1964 роках. – Донецьк, 2005. – С. 168.
14. Советская милиция: история и современность (1917-1987) / Под ред. А.В.Власова.- М.,1987. – С.168.
15. Михайленко П.П., Кондратьев Я.Ю. Історія міліції України: в документах і матеріалах: В 3-х т. – К., 2000.-Т.3:1946-1990. – С.342.
16. Из истории милиции советской Украины / По ред. проф. П.П.Михайленко.- К., 1965. – С.42.
17. Государственный архив Донецкой области.- Ф.326 «Донецкий областной комитет Коммунистической партии Украины. Особый сектор. Секретная часть» – Оп.15.- Д.146 «Информации обкома Коммунистической партии Украины в ЦК Коммунистической партии Украины по вопросам работы административных органов».-30 л.-Л.9.
18. Центральный государственный архив общественных объединений Украины.- Ф.1 «Центральный комитет Компартии Украины».- Оп. 25.- Д. 60 «Копия информации в ЦК КПСС, информации обкомов партии, Верховного суда УССР и других организаций о ходе выполнения постановления ЦК КПУ и СМ УССР «О мерах по усилению борьбы с преступностью».-304 л. – Л. 69-72

УДК 622.333

А.А. Саржан

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и права Донецкого национального технического университета
e-mail: ist@mine.dgtu.donetsk.ua

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УКРАИНЫ В 1991–1996 гг.: ПЛАНЫ И РЕАЛИИ

Аннотация

В статье рассматривается процесс становления государственной политики Украины в отношении угольной промышленности в первые годы (1991–1996 гг.) формирования рыночной экономики. Проанализированы причины кризисного состояния этой базовой

отрасли хозяйственного комплекса страны, выявлены приоритетные направления развития угольной промышленности. Особое внимание уделено анализу комплексной целевой программы развития отрасли и причинам ее не выполнения.

Ключевые слова: экономика, угольная промышленность, политика, целевые программы, приоритеты, кризис.

Summary

The article deals with the process of formation of state policy in respect of the coal industry in the early years (1991-1996) of formation of a market economy. The causes of the crisis in this basic sector of economic complex of the country are analyzed and priorities for the development of the coal industry are identified. Particular attention is paid to the analysis of complex target program of industry development and to reasons for which it was not fulfilled.

Keywords: economy, coal industry, politics, targeted programs, priorities, crisis.

Одной из наиболее важных задач, стоявших перед Украиной в первые годы после провозглашения независимости, было формирование рыночной экономики. Однако переход от плановой, административной модели развития хозяйственного комплекса к рыночной оказался чрезвычайно сложным и противоречивым. Особенно болезненно эти процессы проходили в угольной промышленности. В начале рыночных преобразований в Украине не существовало теоретически осмысленных и одновременно адаптированных к конкретным условиям моделей реформирования угольной отрасли, что обусловило существенные просчеты, а иногда и ошибочные подходы к решению существующих проблем. Поэтому всестороннее изучение опыта разработки государственной экономической политики в переходной период является сегодня одной из актуальных задач научного сообщества.

Проблемам эволюции плановой, административной модели развития экономики в рыночную посвящены многочисленные научные публикации. В них анализируются различные аспекты разработки и реализации в целом государственной экономической политики [1]. Однако остаются недостаточно исследованными и требуют углубленного изучения вопросы разработки политики развития отдельных отраслей экономики Украины.

Цель данной статьи – определить приоритеты государственной политики реформирования угольной промышленности Украины на начальном этапе рыночных преобразований.

Процесс трансформации угольной промышленности происходил довольно сложно, что было обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. Во-первых, угольная отрасль, как и в целом экономика СССР, находилась в глубоком кризисе. Негативные тенденции в развитии угольной промышленности Украины проявились уже в середине 1970-х годов, когда произошла переориентация на добычу более дешевых углей в восточных регионах страны. В этих условиях значительно сократилось финансирование угледобывающих предприятий. К 1990-м годам производственный потенциал, социальная инфраструктура отрасли оказались в крайне тяжелом состоянии. Изношенность основных промышленно-производственных фондов достигла 45%, выбытие производственных мощностей опережало их введение почти на 40 млн. т. Такое положение обусловило уменьшение добычи угля с 215,7 млн. т в 1975 г. до 164,8 млн. т в 1990 г. Для удовлетворения потребностей народного хозяйства, населения и коммунально-бытовых потребителей в Украине необходимо было поставлять из-за рубежа более 35 млн. т угля [2].

Длительное время не решались социальные проблемы. В очереди на получение жилья в начале 1990-х годов находилось более 140 тыс. семей шахтеров. Не хватало больниц, поликлиник, школ, детских садов, санаториев, баз отдыха и других объектов социальной сферы.

В связи с отсутствием эффективного механизма ценообразования действующие цены на угольную продукцию не соответствовали уровню общественно необходимых затрат на

ее производство. В начале 1990-х годов дотации в угольную промышленность составили около 40 млрд. руб., что ложилось тяжелым бременем на государственный бюджет [3].

Во-вторых, экономика Украины была очень тесно «вмонтирована» в общесоюзный народнохозяйственный комплекс. Распад единой страны, формирование самостоятельных независимых государств привело к разрыву многих кооперационных производственных связей, что также усугубляло экономический коллапс.

В-третьих, от плановой хозяйственной системы была унаследована структурно деформированная экономика Украины, в которой доминировали затратные, ресурсо- и энергоемкие и экологически вредные предприятия, отсталые технологии, модернизация которых требовала значительных инвестиций.

Сложность экономических преобразований усиливалась отсутствием необходимых квалифицированных как управленческих, так и производственных специалистов разных уровней, которые бы имели опыт работы в новых условиях, владели навыками хозяйствования в рыночной системе. Нужно учитывать и сложившуюся за годы советской власти антирыночную ментальность людей, их надежду на патернализм государства.

В первые годы независимости Украины органами государственной власти было принято немало решений по формированию рыночной среды в экономике, в том числе и в угольной промышленности. Уже в октябре 1991 г. Верховная Рада Украины одобрила программу реформирования экономической системы страны – «Основные направления экономической политики Украины в условиях независимости» [3].

Коренная структурная перестройка народного хозяйства, кардинальные изменения в инвестиционной деятельности рассматривались как важнейшие приоритеты развития экономики для придания ей большей динамичности и социальной направленности. Решать сложные проблемы в угольной промышленности предполагалось, прежде всего, за счет наращивания объемов ввода в действие новых и реконструкции действующих предприятий, повышение уровня добычи угля, приоритетного обеспечения отрасли материально-техническими ресурсами, совершенствования механизма ценообразования, введения прогрессивной системы оплаты труда.

Принципиально важно то, что в этом документе впервые подчеркивалась необходимость реформирования отношений собственности в угольной промышленности, в том числе и формирования частной собственности. В то же время, совершенно справедливо отмечалось, что учитывая специфику отрасли, изменение форм собственности будет осуществляться постепенно путем передачи предприятий в аренду, продажи, создания акционерных структур. По мнению законодателя, подобная политика будет способствовать улучшению морально-психологического климата в шахтерской среде, повышению жизненного уровня шахтеров и получению стабильных результатов в производстве [4].

В целом эта программа свидетельствует, что в ней были сформулированы достаточно четкие и правильные стратегические ориентиры реформирования экономики. Однако, к сожалению, без взвешенных тактических шагов по реализации конкретных задач эта стратегия осталась лишь невыполнимой в реальной жизни декларацией того, куда в конечном итоге хотели привести угольную отрасль разработчики этой стратегии. В частности, масштабная перестройка угольной промышленности, как в целом хозяйственного комплекса, нуждалась, прежде всего, в проведении эффективной инвестиционной политики, определении приоритетов финансирования отрасли, а главное – увеличении объемов финансирования. Однако эта программа, наоборот, предусматривала сокращение в следующем году (1992) почти на 25% объем государственных централизованных капитальных инвестиций. Производственное строительство должно было осуществляться в основном за счет собственных средств предприятий и организаций или путем привлечения их из других источников. Безвозвратное бюджетное финансирование прекращалось. К тому же не учитывалось и

то, что уже в начале 1990-х годов у большинства предприятий, особенно в угольной промышленности, существовал значительный недостаток оборотных средств. Конечно, при таких условиях выполнение программных задач было весьма проблематично. И опыт последующих месяцев показал, что социально-экономическая ситуация в угольной отрасли, как и в целом в стране, не только не стабилизировалась, но продолжала обостряться.

Углубление кризиса в экономике требовало более решительных, а главное оперативных мероприятий, которые были бы обеспечены финансовыми, материально-техническими и кадровыми ресурсами. Учитывая важность и сложность реформирования реального сектора экономики, 11 марта 1992 г. было принято распоряжение Президента Украины Л. М. Кравчука «О развитии базовых отраслей промышленности Украины», которым предусматривалось разработать целевые комплексные программы модернизации и развития топливно-энергетического комплекса, в частности, угольной промышленности и других базовых отраслей экономики. Главная задача этих программ – обеспечить «решение вопросов приватизации и перехода к рыночным отношениям базовых отраслей промышленности» [5].

Однако, несмотря на крайне сложное положение угольной отрасли, которое к тому же стремительно ухудшалось, Госкомитет по угольной промышленности Украины совместно с Министерством экономики и Академией наук Украины не торопились с выполнением этой задачи. Временной промежуток, необходимый для сбора информации, ее анализа и принятия решения, оказался слишком продолжительным: эти государственные структуры более двух лет разрабатывали программу выхода угольной отрасли из кризиса. И только в марте 1994 г. Кабинетом Министров Украины была утверждена «Программа развития угольной промышленности и социальной сферы шахтерских регионов на период до 2005 г. (Программа «Уголь «)» [6].

Конечно, разработка государственной комплексной программы дело довольно сложное, требующее кропотливой работы специалистов многих научных, управленческих, хозяйственных и других структур и, разумеется, определенного времени. Впрочем, известно, что именно длительный временной лаг в разработке экономической стратегии (в данном случае речь идет о так называемом внутреннем лаге, то есть промежутке времени от момента возникновения серьезных проблем в экономике до принятия соответствующих мер по их решению), безусловно, замедляет воздействие экономической политики на состояние экономики [7].

Подобная ситуация сложилась уже в начале реформирования угольной отрасли. Соответствующие государственные учреждения по разным причинам не смогли достаточно оперативно среагировать на серьезные вызовы в угольной промышленности, своевременно предложить четкую стратегию ее развития, что не способствовало быстрому формированию новой эффективной институциональной среды в этой важной составляющей хозяйственного комплекса страны, и, по сути, во многом закладывало основы ее будущих проблем.

Впрочем, хотя с некоторым опозданием, принятие Программы было определенным шагом на пути решения острых проблем отрасли. В ней впервые были определены приоритетные направления развития угольной промышленности на десятилетнюю перспективу. Прежде всего, планировалось в течение двух лет (1994-1995 гг.) стабилизировать работу отрасли. С этой целью предполагалось: ввести в действие новые мощности по добыче угля общим объемом 2600 тыс. т; повысить среднесуточную добычу из очистного забоя до 315-325 т, к тому же 75-77% добычи угля должны были обеспечить комплексно-механизированные лавы; обеспечить шахты необходимыми материалами и сырьем.

Предполагалось также увеличить объемы угледобычи и переработки угля. Если в 1993 г. был добыто 115,7 млн. т, то к 2005 г. объем добычи планировалось довести до 155-158 млн. т. С этой целью необходимо было реконструировать 46 действующих шахт, заложить

и начать строительство 20 шахт и одного разреза. Предусматривалось к 2000 г. обеспечить полную переработку добываемого угля на обогатительных и брикетных фабриках (назначалось реконструировать 4 действующие обогатительные и брикетные фабрики, а также построить и ввести в действие 6 новых обогатительных фабрик) [8].

Как свидетельствуют эти прогнозы, основной стержень дальнейшего развития отрасли виделся в наращивании производственных мощностей. То есть разработчики возлагали надежду на привычный в советское время экстенсивный подход. Конечно, акцентирование внимания, прежде всего, на количественных показателях было обусловлено стереотипами, сформированными в условиях плановой экономики, административного управления хозяйством, когда эти показатели были главным в оценке результатов деятельности предприятий.

В Программе также указывалось на необходимость оздоровления финансового состояния отрасли и перехода к рыночным отношениям. Однако меры, которые предлагались для решения этих проблем, по сути, были половинчатыми, и не могли интенсифицировать реформационные процессы. В частности, предполагалось закрытие убыточных, неперспективных шахт и разрезов, устаревших обогатительных фабрик; выделение бюджетных средств на новое строительство и реконструкцию, финансовую поддержку шахт, закрытие которых невозможно по социальным мотивам; переход от оптовых к договорным ценам на угольную продукцию.

Впервые была отмечена необходимость осуществления мероприятий по корпоратизации и приватизации предприятий угольной промышленности. При этом стоит отметить, что к приватизации и корпоратизации предлагались преимущественно прибыльные шахты. Старые, неперспективные шахты предполагалось передать в муниципальную собственность бесплатно или в коллективную собственность за приватизационные бумаги. Конечно, подобное решение по изменению формы собственности государственных угольных предприятий было не самым лучшим. Ведь государство, теряя контроль над своими наиболее эффективно работающими шахтами, существенно сокращало базу налоговых поступлений в государственный бюджет. В то же время, неперспективные шахты со своими многочисленными экономическими, финансовыми, социальными и другими проблемами, которые должны были остаться в муниципальной или коллективной собственности, требовали значительных государственных дотаций.

Важным приоритетом развития отрасли было признано снижение негативного воздействия деятельности предприятий угольной промышленности на окружающую природную среду. Среди мероприятий, направленных на достижение этой цели: прекращение сброса неочищенной шахтной воды; бактериологическая очистка и освоение технологии деминерализации шахтной воды; уменьшение выбросов в атмосферу; тушение всех горящих породных отвалов (56 отвалов) и др.

Большое значение придавалось развитию социальной инфраструктуры шахтерских регионов, повышению уровня социальной защиты работников угольной промышленности. Планировалось строительство и ввод в действие почти 19 млн. кв.м жилья, больниц на 9,6 тыс. коек, поликлиник на 20,8 посещений в смену, клубов и домов культуры на 7,5 тыс. мест, детских дошкольных учреждений почти на 35 тыс. мест и многих других социально-культурных и бытовых объектов.

Выполнение предусмотренных программой «Уголь» мероприятий, конечно, требовало значительных финансовых и материально-технических ресурсов. Всего для выполнения этого проекта потребовалось более 15398 млрд. руб. капитальных вложений, в том числе почти 2586 млрд. руб. на строительные-монтажные работы (в ценах по состоянию на 1 июля 1993 г.) [9].

Однако, как показал опыт последующих лет, большинство из запланированных мероприятий так и остались на бумаге. Одной из главных причин было неудовлетворительное

финансирование отрасли. Если в 1990 г. инвестиции в угольную отрасль в сопоставимых ценах составили 2682 млн. грн., то в 1995 г. они уменьшились до 1179 млн. грн., то есть почти в 2,3 раза [10]. В то же время значительно сократилась государственная поддержка угледобывающих предприятий. Выполнение программы «Уголь» уже к середине 1990-х г. было сорвано, а кризис угольной отрасли с каждым годом углублялся. Все это свидетельствовало о необходимости внесения существенных корректив в государственную политику развития угольной промышленности.

Таким образом, анализ ситуации, сложившейся в угольной промышленности Украины в первые годы реформирования экономики, свидетельствует, что власть предпринимала меры по выходу отрасли из кризиса. Но все они были паллиативными, неэффективными и не способствовали решению накопившихся проблем. По сути, существовала парадоксальная ситуация: принимались многочисленные нормативно-законодательные акты, предусматривались различные мероприятия по улучшению работы угольной отрасли, однако в реальной жизни из-за неадекватного финансирования они не выполнялись, и отрасль погружалась во все более глубокий кризис.

Проблема становления государственной политики трансформации угольной отрасли Украины на начальном этапе рыночных преобразований требует дальнейших исследований. В частности, необходимо более глубоко проанализировать роль местных органов власти угледобывающих областей, отраслевых институтов в выработке и реализации приоритетов развития угольной промышленности.

Ссылки и примечания:

1. Беляев О. О. Держава і перехідна економіка: механізм взаємодії / О. О. Беляев, А. С. Бебело, О. М. Комяков. – К.: КНЕУ, 2003. – 261 с.; Економічна політика : навч. посіб. / О. О. Беляев, А. С. Бебело, М. І. Діба та ін. – К.: КНЕУ, 2007. – 254 с.; Лагутін В. Д. Економічна політика держави: сутність, етапи, механізми [Електронний ресурс] / В. Д. Лагутін. – Режим доступу: http://www.ief.org.ua/Arxiv_ET/Lagutin_406.pdf.
2. Статистичний щорічник України за 2001 рік / За ред. О. Г. Осауленко. – К.: «Техніка», 2002. – С. 121.
3. Основні напрями економічної політики України в умовах незалежності. Постанова Верховної Ради України від 25 жовтня 1991 р. №1688. [Електронний ресурс] Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/las/show/1698%D0%B012/page>
4. Там же.
5. Про розвиток базових галузей промисловості України. Розпорядження Президента України від 11 березня 1992 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua>
6. Програма розвитку вугільної промисловості та соціальної сфери шахтарських регіонів на період до 2005 р. (Програма «Вугілля») [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://kabinetminstriv.xrtmp.com/document>
7. Панчишин С. Макроекономіка: Навчальний посібник / С. Панчишин. – К., 2001. – С. 526.
8. Програма розвитку вугільної промисловості та соціальної сфери шахтарських регіонів на період до 2005 р. (Програма «Вугілля») [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://kabinetminstriv.xrtmp.com/document>
9. Там же.
10. Статистичний щорічник України за 2001 рік / За ред. О. Г. Осауленко. – К.: «Техніка», 2002. – С. 219.

Международные отношения

УДК 94 (430 + 47) “19”

Е.В. Рочняк

*кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и истории
Горловского института иностранных языков
e-mail: lero181@yandex.ru*

А.В. Рочняк

аспирант Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко

ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ РАПАЛЬСКОГО СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ КАК ФАКТОР ПОСЛЕДУЮЩЕГО КРУШЕНИЯ ПЛАНА «БАРБАРОССА»

Аннотация

В статье рассматривается одна из самых неоднозначных страниц отечественной истории – военное сотрудничество между Германией и Советским союзом в рамках Рапальского соглашения 1922 года. Доказывается, что именно после него в 20-30-е годы специалистами Германии и СССР совместно создавалась новая для того времени система ведения войны. Предполагается, что данный факт во многом поспособствовал крушению мифа о непобедимости вермахта.

Ключевые слова: *Рапальское соглашение, военное сотрудничество, план «Барбаросса», секретные переговоры, новая стратегия войны.*

Summary

One of the most ambiguous problems of the native history, i.e. the military cooperation between Germany and USSR according to the Rappalo agreement in 1922, is considered in the article. The authors tried to prove that in 1920-30s specialists from Germany and USSR together created a new system of warfare. This fact well promoted collapsing the myth of invulnerability of Wehrmacht.

Keywords: *Rappalo agreement, military cooperation, the “Barbarossa” plan, secret negotiations, new system of warfare.*

Сейчас история Второй Мировой войны все чаще и чаще становится предметом пристального внимания историков всего мира, и прежде всего тех, кто занимается научной деятельностью в пределах постсоветского пространства. Это внимание обусловлено большей частью естественными потребностями общества новейшего времени, когда не только тоталитарно-социалистическая система прекратила свое существование, но постепенно отходят в небытие и элементы переходной системы, основывающейся на бездумном негативизме ко всему, что было связано с советским прошлым. Приходит благоприятное время для истинного понимания сущности происходивших событий, так как для нынешнего поколения как советские установки, так и установки «ревностных демократов и борцов с тоталитаризмом» уже не представляют аксиом, их элементы можно предавать сомнению и сравнивать с фактографией происходившего.

Вторая мировая война, особенно театр советско-германского противостояния, – это не только грандиозный переворот в истории человечества, но еще и благоприятнейшая

почва для существования стереотипов и откровенных мифов, поддерживаемых кругами, которым они выгодны.

Победа Советского Союза в войне такого масштаба, как Великая Отечественная, содействовала созданию героических мифов, инспирированных советской правящей элитой, которые, с одной стороны, прочно вошли в сознание населения, а с другой стороны, самим фактом своего существования поспособствовали созданию новых, «разоблачительных» мифов, выгодных уже политической элите следующей историко-социальной генерации.

История, построенная на существовании противоречащих друг другу точек зрения, не имеющих к тому же абсолютных доказательств, дает, вместо возможности трезвого анализа произошедших событий, лишь довольно туманную картину, мозаику, состоящую из множества достаточно субъективных и заангажированных мнений.

Военное сотрудничество между Германией и Советским союзом в рамках Рапалльского соглашения не может вызывать однозначных оценок. Особенно сложно достигнуть определенного консенсуса между противоположными взглядами, если рассматривать его через призму дальнейших событий мировой истории.

Советская историография всячески избегала концентрации внимания на событиях, происходивших после подписания договора от 16 апреля 1922 года в городке Рапалло, произошедшего во время Генуэзской конференции. Такое отношение можно расценить лишь как попытку всемерно откреститься от всяких связей с будущим нацистским агрессором, уменьшить собственный вклад в восстановление военных сил Германии после поражения в 1918 г.

Германия, по условиям Версальского мира, была практически лишена всех прав на собственные вооруженные силы и, главное, возможности их восстановления в будущем. Так, уже к 31 марта 1920 г. германская армия не должна была превышать 100 тыс. человек, а ее офицерский корпус – насчитывать более 4 тыс. офицеров. Германский генеральный штаб ликвидировался, и его восстановление запрещалось. Воинская повинность отменялась. Германии запрещалось проводить какую бы то ни было военную подготовку в учебных заведениях, стрелковых, спортивных и туристских организациях. Германии запрещалось иметь тяжелую артиллерию, танки, подводные лодки, дирижабли, военную авиацию, а в будущем силы ВМФ не должны были превышать 15 тыс. человек, 6 броненосцев, 6 легких крейсеров и 12 контрминоносцев. Для того чтобы не пережить полного государственного упадка, необходима была хитрость, которая бы позволила избежать и нарушения, и беспрекословного исполнения губительных статей Версальского мирного договора. Фактически Германия становилась страной-изгоем, и нет ничего удивительного в том, что становился вполне логичным союз с другим изгоем из «международного сообщества» того времени – большевистской Россией, тем более что бывшие страны Антанты не могли (да и не желали, учитывая неудачный опыт интервенции) эффективно контролировать происходящее на советских территориях.

Карл Радек едко заметил в своей статье: «Если Германия не в состоянии противостоять союзникам, – а что она не в состоянии это сделать, понимают все, – то все же каждый германский политический деятель должен соображать, что чем сильнее, чем прочнее будет позиция Германии по отношению к России, тем больше союзникам придется считаться с Германией. Германия стоит перед этой задачей со времени своего поражения и решает ее так, что можно подумать, что хотя всех коров вывезли во Францию, все ослы остались в германском министерстве иностранных дел [2, С. 60]».

Возможности для сближения назревали давно, еще исходя из глубоких связей большевиков с влиятельными кругами Германии, всегда видевшими в них средство, направленное против западных держав-конкурентов. Практически неоспорим тот факт, что приход большевиков к власти в 1917 году с последующим заключением Брестского мира был на

руку Германии и позволял решить многие стратегические проблемы, связанные с ведением войны на два фронта. Финансовая помощь Германии большевикам также практически является доказанным фактом. В дальнейшем отношения складывались сложнее, так как большевики с удовольствием использовали момент ослабления своего бывшего союзника для возвращения утраченного в рамках кабального мирного договора в Бресте. Немцы же считали, что миссия большевиков выполнена, и начали поддерживать других участников разгоравшейся на территории бывшей Российской империи Гражданской войны.

После поражения Германии в Первой мировой, концепция двустороннего военного сотрудничества была намечена в результате серии секретных двусторонних переговоров в Москве и Берлине в 1920-1923 гг., Рапальское соглашение стало только кульминационным эпизодом разворачивавшегося процесса. Его необходимость со стороны большевиков понимали все участники разворачивавшейся тогда в Советской России яростной дискуссии между сторонниками Л.Д. Троцкого и М.В. Фрунзе о будущей советской военной доктрине. Одним из ее главных побудительных моментов послужило поражение в войне с Польшей.

В течение 1921 г. попеременно в Москве и Берлине шли интенсивные строго секретные переговоры, в ходе которых, как писал уполномоченный правительства Советской России В.Л. Копп в своем донесении Председателю РВС Республики Л.Д. Троцкому от 7 апреля 1921 г., речь шла о возможной кооперации «в деле восстановления нашей военной промышленности и именно в следующих трех направлениях: постройка воздушного флота, подводного флота, выделка оружия [2, С. 54]».

Точка зрения же тех, кто разоблачал сотрудничество, зачастую однобока – рассматривается лишь тот факт, что Советский Союз предоставил Германии возможность построения действительно современной на тот момент армии. Обратный эффект, а именно, концептуальная модернизация Красной армии, которая стала возможна благодаря подобному сотрудничеству, практически не рассматривается. Известен факт, что подписавшийся под текстом соглашения министр иностранных дел Германии Вальтера Ратенау всего через три месяца, а именно 24 июня того же года, был убит националистически настроенными террористами. Версии о том, что убийцами были просто фанатики, могут быть не вполне достоверными, а в таком случае возникает мысль, что в действительности, скорее всего, у влиятельных антикоммунистически настроенных кругов Германии возникало опасение, что сотрудничество сделает сильной именно Красную Армию, а не вермахт. И эти опасения были более чем оправданными.

Данная работа не ставит своей целью установление совершенной истины и полный анализ происходивших событий, так как это, в достаточной мере, невозможно даже для целых научно-исследовательских институций при многолетней работе. Цель данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть частный аспект парадоксального, на первый взгляд, крушения плана «Барбаросса», рассмотреть его как последствие сотрудничества Германии и Советского Союза за полтора десятилетия до развернувшихся событий.

На полигонах обеих стран в период с 1922 по 1933 разрабатывались образцы вооружения, тактические приемы и стратегические схемы, которые сделали вермахт и Красную Армию двумя действительно современными на тот момент армиями мира. И именно Германия забыла об этом, развязывая свою восточную кампанию, что было её роковой ошибкой.

Красная Армия и вермахт, их командующие кадры, тактико-оперативные теории и учения, на основе которых они действовали, исходили из единого источника. И именно этот факт, а вовсе не сугубо природные условия или сверхчеловеческие качества советских солдат, стал основой для крушения первоначальных планов Германии, а впоследствии – крушения всей системы нацистского государства.

Возможно, авторами теорий глубокого взаимодействия различных родов войск на узких участках фронта, всемерного увеличения подвижности вводимых в наступление

подразделений и действия в оперативной глубине обороны противника были некоторые гитлеровские военные теоретики, но, прежде всего, стоит подчеркнуть, что такие советские военные теоретики, как М.А. Тухачевский, прошедший обучение в Берлине, смогли развить и усовершенствовать эти теории, и подобные взгляды были для кадров советских вооруженных сил отнюдь не новинкой.

Если же учесть, что опыт маневренных боевых действий гражданской войны, в принципе, был гораздо ближе к специфике Второй мировой войны, чем фронтовое противостояние Первой, то шансы противостоять немецкой военной машине у Красной Армии действительно были выше, чем это мог предвидеть ОКВ, поддерживая решение Гитлера о наступлении на Восток.

На массированное и слаженное наступление моторизованных и танковых частей (при поддержке армейской авиации), которое абсолютно безотказно действовало против других армий, советская сторона смогла ответить необычной, осуществляемой вне стандартных правил военного мастерства концепцией обороны. Такую концепцию можно осуществить лишь будучи хорошо знакомым с особенностями новых правил военной тактики, что была у вермахта. И только имея подобные же воззрения.

Дальнейшие операции, когда уже советская армия была в наступлении, практически очень похожи на операции немецких армейских групп в первой фазе восточной кампании, а так как внедрение опыта происходит не так быстро, подобное сходство можно объяснить

Если судить по образцам советской историографии, то получается, что многочисленных жертв и провалов не было, был лишь постоянный триумф советского оружия и постоянное доказательство преимуществ социалистической системы над капиталистической. Конечно, становится сразу понятным, что такое мнение априори не может быть действительно объективным.

С другой стороны, прислушиваясь к мнению принципиальных критиков советской историографии, можно прийти к выводам, что необычная концепция – это не более чем следствие необученности, плохого управления советскими вооруженными силами в начальный период восточной кампании вермахта и его союзников, и что по сути никакой концепции и не было, а тот хаос и дезорганизация, которые царили в этот момент – это главная причина высоких потерь и начальных неудач Советского Союза во Второй мировой войне. Однако подобный взгляд довольно поверхностен, и не в полной мере соответствует действительности. Если опираться на него, тогда становится совершенно загадочным конечный итог противостояния, в результате которого страны Оси потерпели поражение, и наиболее тяжелое – именно на Восточном фронте.

Исторический опыт и естественная логика подсказывают нам, что не было и никогда не может быть такого, чтобы более организованная и более многочисленная армия была разбита менее организованной и менее многочисленной. Побеждает всегда тот, кто располагает более передовой концепцией ведения боевых действий, и это закономерно. Поэтому, следует разобраться в данном вопросе.

Говорить о бесконечных людских ресурсах Советского Союза и многочисленности его армии – это грешить против истины. Ни одна страна не начала бы крупномасштабного наступления, если бы не обладала хотя бы на основных направлениях численным превосходством. Следовательно, вермахт обладал им. Кроме того, официальные данные также свидетельствуют о численном превосходстве армии Германии и её сателлитов над советскими вооруженными силами. Численного превосходства в той степени, которое позволило бы в полной мере компенсировать организационное отставание, не было, и быть не могло.

Если мы обратим внимание на легкие победы гитлеровских войск в противоборстве с армиями европейских государств, то мы не можем не отметить того факта, что в 1940

году объединенное франко-британское командование обладало также некоторым численным превосходством над вермахтом, и, имея налаженную систему управления, могло бы добиться пусть не победы, но хотя бы более или менее сносного для себя хода боевых действий. Однако в реальности они потерпели молниеносное и катастрофическое поражение, надолго выведшее их из активной игры.

И все же, если мы взглянем внимательнее на происходившее в 1940 году, становится понятным, почему план «Барбаросса» был обречен на провал. Осуществляя приготовления к войне за мировое господство, немецкое военное командование своим противником видело, прежде всего, объединенную франко-британскую армию, как это было во времена первой мировой войны. Соответственно создавалась и новая для того времени система ведения войны, наиболее соответствующая изменившимся условиям: появлению средств для взлома классически построенной фронтовой обороны, неприступной во времена противостояния 1914-1918 годов в Европе.

Согласно классических правил, военачальник, возглавляющий оборону, должен был стремиться к построению прочного фронта, на котором было бы сосредоточено максимальное из возможного количество огневых средств. Однако подобные правила не могут действовать в условиях применения на узком участке массированных средств наступления со стороны противника, так как любой прорыв линии фронта с выходом пусть и незначительных средств в тыл обороняющимся войскам приводит к полному коллапсу последних: обрываются линии снабжения, происходит дезорганизация и потеря управления, лишены маневра, войска становятся крайне уязвимы для расчленения и поэтапного уничтожения. Ситуация окружения для военачальника, воспитанного в классических традициях, означает практически неминуемое поражение.

Однако обратим внимание на то, что ситуация, сложившаяся при наступлении немецких войск на востоке, была совершенно иной, нежели до этого на западе. Советские военные кадры были уже в определенной мере знакомы с современными на тот момент правилами войны, диктуемыми военно-техническим прогрессом. Этому немало поспособствовал опыт, приобретенный отдельными военными специалистами во время гражданской войны в Испании, конфликтов на Халхин-Голе и озере Хасан, непопулярной советско-финской войны. Поэтому они смотрели на происходившее несколько иначе, нежели их коллеги во французской, британской, польской и иных армиях, разгромленных до этого Германией. Более того, в результате тайного сотрудничества между Германией и СССР после знаменитой «встречи в пижамах» в 1922 году в Рапалло, стратегические концепции новой войны изучались специалистами Германии и СССР совместно, происходил тесный обмен идеями и знаниями, что не могло не иметь далеко идущих последствий.

Советское командование, во всяком случае, наиболее прогрессивная его часть, ясно осознавало, что сам факт окружения не является неминуемым поражением, а линейная оборона не может более сдерживать наступление: прорывы танковых и механизированных частей на открытой местности так или иначе неизбежны, и вместо линейной обороны следует применить нечто другое. Наступательная доктрина, которая культивировалась в рядах советских вооруженных сил в период предвоенной подготовки, базировалась по своей сути на тех же пунктах, что служили установкой для вермахта, и из нее логически вытекала та модель обороны, которая была применена позже.

В отличие от времен разгрома европейских армий, во время реализации плана «Барбаросса» немецкие и союзные им войска имели перед собой противника, не уступающего им в современной на то время тактике. Мощь немецкого наступления имела ошеломительный эффект лишь покуда на их стороне был эффект внезапного удара и наличие боевого опыта, обретенного в первоначальный период войны (с 1939 по 1941 годы). Но еще более ошеломительный эффект на этих уверенных в собственном превосходстве европейцев-

победителей оказал факт того, что образцы новой военной техники и методы боя у противной стороны не просто не уступают или соответствуют их собственным, но во многих случаях намного превосходят их (достаточно вспомнить ставшие легендарными Т-34 или ракетные минометы «катюша»).

Да, в первоначальный период немалую роль сыграло техническое отставание и недоукомплектация боеспособных частей советских вооруженных сил, находившихся на стадии реформирования. Но стратегически уже с момента начала восточной кампании для вермахта наступили времена обреченности на поражение.

Любая победа может базироваться лишь на умелом использовании собственных преимуществ, и во время европейской кампании у вермахта было преимущество в двух основных пунктах: в обладании более современным видением тактики и стратегии боевых действий, а также в технических характеристиках вооружений. Однако во время восточной кампании все это имелось в наличии и у его противника, двигавшегося по пути, который задавался прогрессивными военными специалистами еще задолго до разворачивания боевых действий Второй мировой войны, а именно в период сотрудничества в рамках Рапалльского соглашения и секретных переговоров, предшествующих и последующих ему.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что военное и военно-техническое сотрудничество, которое происходило между Советской Россией и Германией начиная с 1921 года, и особенно в рамках секретных проектов после заключения Рапалльского соглашения, во многом предопределили не только начало Второй мировой войны (что, безусловно, верно, так как сотрудничество стало немаловажным фактором быстрого восстановления и безостановочной модернизации и развития немецких вооруженных сил, их подготовки к ведению новой войны после проигранной первой), но и ее течение, а также исход, неблагоприятный для немецкой стороны.

Крушение вермахта, начавшееся с крушения мифа о его непобедимости, произошло, главным образом, в результате успешного действия советских вооруженных сил. Оно же в немалой степени объясняется знакомством советской военной школы с теоретическими разработками, обусловившими первоначальные успехи вермахта в войне.

Ссылки и примечания:

1. Ахтамзян А. А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922-1932 гг. // А. А. Ахтамзян – М.: Международные отношения, 1974. – 304с.
2. Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920-1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия). – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 352 с.
3. Рапалльский договор (16 апреля 1922 г.). [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: <http://www.diphis.ru/index.php?option=content&task=view&id=122#15>
4. Рапалльский договор. Оригинальный текст [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

УДК 94:339.9:303.44.6

Р.Н. Морозов

доцент кафедры международных отношений и внешней политики Донецкого национального университета

e-mail : rusl.morozow@yandex.ru

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ БЕЛАРУСИ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Аннотация

В статье рассматриваются первые итоги участия Беларуси в Евразийской интеграции – Таможенном союзе и едином экономическом пространстве России, Беларуси и Казахстана, анализируются общие результаты для национальной экономики, а также политического развития республики.

Ключевые слова: *евразийская интеграция, Беларусь, последствия, единое экономическое пространство.*

Summary

The article deals with the first results of Belarus participation in the Eurasian integration – the Customs Union and Common Economic Space of Russia, Belarus and Kazakhstan, analyzed the overall results for the national economy and political development of the country.

Keywords: *Eurasian integration, Belarus, consequences, a single economic space.*

Тенденция к единению и интеграции народов и государств носит поистине планетарный характер и насчитывает не один десяток лет. Предпосылки к подобной консолидации стали проявляться в мире вскоре после окончания Второй мировой войны. Интеграция выгодна, так как способствует повышению уровня жизни людей, предоставляя странам-участницам многочисленные экономические и политические преимущества. Популярность идей евразийской интеграции обусловлена целым рядом объективных исторических, социально-экономических и общественно-политических причин. Плюсы евразийской интеграции связаны в первую очередь с эксклюзивными отношениями Беларуси с Россией, которая поддерживала и поддерживает белорусскую экономику посредством всевозможных инструментов. В первую очередь, Беларусь получает дешевый газ, государственные заказы, доступ к российскому рынку, все это благодаря тому, что она согласилась участвовать в интеграционных проектах под эгидой России. Мнения экспертов по поводу природы Единого экономического пространства и Евразийского союза разделяются. Одни считают, что это, прежде всего, политические проекты, которые должны продемонстрировать привлекательность России и ее способность собирать вокруг себя бывшие советские республики. Другие, напротив, видят в интеграционном взаимодействии чисто экономические преференции, без которых невозможно существовать на бывшем постсоветском пространстве. Все большее число субъектов экономической деятельности стало убеждаться в том, что только развитие внутренних рынков поможет им выстоять в конкурентной борьбе с компаниями из других регионов мира, серьезную роль стал играть и исторический фактор. Действительно, после распада СССР прошло уже достаточно времени для того, чтобы со всей определенностью сказать, что осмысление национальных концепций развития показывает, что ни одна из стран СНГ, развиваясь в одиночку, не имеет стратегических перспектив выживания. Вопрос заключается в другом – с кем быть: с Евросоюзом или с Евразийским экономическим сообществом. Опыт Беларуси весьма показателен в данной ситуации. Проанализировав основные макро и микроэкономические характеристики, внешнеполитические реалии и

ситуацию в самой республике, можно подвести некоторые итоги интеграции Беларуси в экономическое пространство России и Казахстана. Россия, как и всякая великая держава, будет поддерживать экономически Беларусь до той поры, пока она движется в русле российской международной политики, и пока в самой России будет достаточно средств, чтобы субсидировать другие страны. На практике в настоящее время первые результаты вступления Беларуси в Таможенный союз весьма скромны: отрицательное сальдо торговли с Россией выросло более чем на 3 миллиарда долларов, а рост положительного сальдо с Казахстаном объясняется всего лишь резким падением импорта из этой страны [1]. Значительного расширения рынка сбыта для белорусских товаров за счет участия в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве не наблюдается. Рост экспорта происходит за счет демпинга, девальвации белорусского рубля и дешевых энергоносителей. К тому же серьезную угрозу конкурентоспособности белорусских товаров на рынках ЕЭП несет присоединение России к Всемирной торговой организации, а также планы по вступлению в эту организацию Казахстана и самой Беларуси.

В таком ракурсе плюсы евразийской интеграции являются в основном краткосрочными и связанными, в первую очередь, с дешевыми российскими энергоносителями, а не с новыми возможностями для торговли и сотрудничества. Однако есть и обратная сторона белорусской интеграции. Вхождение в Евразийский экономический союз дало огромный импульс нефтепереработке Беларуси, развязало ситуацию с ценами на газ в среднесрочной перспективе, что дало серьезную передышку тому же бюджету. Но главное – позволило сохранить присутствие на российском рынке белорусских товаров. Все это позволяет не только привлечь больше денег в государственную казну, но, прежде всего, вкладывать деньги в перевооружение предприятий, что рано или поздно скажется и на уровне доходов рядовых белорусов, работающих на этих предприятиях и дальше по всей цепи [2]. Нельзя забывать и о психологическом факторе. Белорусы вновь почувствовали узы братства, того, что они не одиноки и что могут решать самые сложные проблемы своего развития – как социально-экономические, так и общественно-политические. По сути, вхождение в Таможенный союз и в Единое экономическое пространство означало для республики серьезный внешнеполитический и экономический прорыв, т.к. означало открытие рынков России и Казахстана для белорусской промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг на долгосрочную перспективу. Уже сегодня создание ЕЭП привело к серьезному увеличению загрузки транспортных кампаний, росту товарооборота не только в рамках ЕЭП, но и с другими мировыми торговыми и индустриальными центрами, в первую очередь, с Европой.

Однако, в отличие от евразийской интеграции, сближение Беларуси с Европейским союзом обещает трудности в краткосрочной и среднесрочной перспективе, и принесет ли выгоды в более отдаленном будущем – вопрос остается открытым. Единственное положительное, что в случае европейской интеграции можно забыть о постоянных нефтегазовых, молочных и прочих войнах. В то же время участие Беларуси в новой волне интеграционных процессов, безусловно, увеличивает степень зависимости от восточной соседки.

Несмотря на стремление официального Минска сохранить всю полноту власти на своей территории и хорошие переговорные позиции в отношении с Востоком и Западом, происходит постепенное сужение пространства для геополитического маневра. Это не фатальная зависимость, однако, она может иметь серьезные последствия для возможности реализации стратегии «геополитического маятника» в будущем. Постепенное ограничение геополитической маневренности Беларуси обуславливается, как минимум, тремя факторами:

- 1) увеличением кредитной зависимости от России;
- 2) медленной, но символической потерей контроля над активами – на волне возобновления интеграционной риторики Беларусь рассталась с остававшейся в руках государства 50% долей «Белтрансгаза»;

3) затягивание проблемы реформирования белорусской экономики.

На фоне возврата российских субсидий у руководства Беларуси вновь исчезает мотивация проводить хотя бы частичные реформы и техническую модернизацию производств. А это значит, будет сохраняться энергоемкость белорусской экономики, а вместе с ней и существующий уровень зависимости от российских энергоресурсов [3]. Также весьма важен и политический фактор при анализе интеграционного взаимодействия. Беларусь, Казахстан и Россия по-прежнему являются государствами со сложной политической структурой. Данные государства не предрасположены политически к тому, чтобы резко объединяться в полноценные союзы с эффективно функционирующими надгосударственными институтами. Сама логика властной вертикали в Беларуси исключает возможность делегирования существенной части полномочий. А значит, технократическая (неполитическая) Евроазиатская экономическая комиссия (ЕЭК) с мандатом на принятие решений прямого действия в полном объеме неприемлема ни для одного из трех государств.

Несет ли в себе новая интеграционная волна не экономический, а именно политический, геополитический характер, сказать пока трудно. Несомненно, что если бы основным мотивом интеграционной темы были экономические соображения, то у Москвы не было бы никакого резона даже упоминать возможность политического союза в будущем. Формат Таможенного союза или Единого экономического пространства был бы более чем достаточен. Апелляция же к политической интеграции в будущем лишь создает дополнительные проблемы для экономической интеграции сегодня. Она сразу же «оголяет» несовместимые геополитические интересы государств. Никуда не исчезает проблема крайне низкого уровня исполнения уставных документов и проблема с правоприменительной практикой на постсоветском пространстве в целом и в интеграционной «тройке» в частности.

Задача преодоления этих проблем в ближайшие годы вызывает определенные трудности даже при наличии у всех сторон соответствующей воли. В отличие от процесса европейской интеграции, которая на протяжении более 60 лет развивалась по принципу эволюционного перехода от менее амбициозных целей к более амбициозным, в постсоветской интеграции традиционно действует другая логика. Здесь вначале декларируется какая-то амбициозная политическая мегацель (в нашем случае – создание Евразийского экономического союза 1.01.2015 г., с чем можно поздравить народы России, Казахстана и Беларуси), а уже потом под нее стараются «подогнать» решения, соглашения и институты. Очень хочется надеяться, чтобы в итоге вся интеграция не осталась лишь на бумаге. Однако опыт – «сын ошибок трудных». Поэтому расценивать европейский формат применительно к бывшим постсоветским странам как единственно приемлемый не является верной доминантой. Слишком велики различия в историческом, политическом и культурном развитии. И этот факт нельзя не учитывать. Не секрет, что интеграция Беларуси в Евразийский союз вызвала ожесточенную информационную кампанию давления со стороны США и ЕС, которым явно не по душе тот факт, что наконец-то интеграция на постсоветском пространстве сдвинулась с мертвой точки и стала довольно активно осуществляться.

Эксперты, ориентированные на западную интеграцию, постоянно твердят о некой угрозе потери национального суверенитета Беларуси при реализации интеграционного союза трех стран. При этом до сих пор не приведено ни одного примера подобного рода. Интеграция в политические и экономические структуры Евросоюза почему-то считается однозначным благом, и ни о какой-то потере суверенитета речь почему-то не идет. Правильный подход в этой связи находится, прежде всего, в экономической плоскости – сначала Беларусь должна поднять уровень конкурентоспособности своих предприятий на внутреннем рынке ЕЭП, а потом можно будет бороться и на мировом рынке. Экономический кризис в белорусской экономике 2011 г., последствия которого ощущаются и сегодня (высокие процентные ставки по кредитам, высокая инфляция), оказал негативное

влияние на темпы и перспективы наращивания присутствия белорусских предприятий на едином рынке трех государств. При этом в ряде отраслей экономики белорусским компаниям становится все труднее эффективно конкурировать на рынках Казахстана и России не только с их национальными, но и с широко представленными там иностранными фирмами. Данный факт является вызовом евразийской интеграции для белорусских предприятий. В сложившейся ситуации именно конкурентоспособность белорусских компаний (в том числе и представителей частного малого и среднего бизнеса) становится, по всей видимости, главным индикатором готовности Беларуси к продолжению и углублению интеграции в рамках Таможенного союза, Единого экономического пространства и сформированного с 2015 г. Евразийского экономического союза.

Ссылки и примечания:

1. Национальный банк Республики Беларусь. Данные о внешней торговле товарами и услугами Республики Беларусь за январь-август 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.nbrb.by/>
2. Белоусов С.Н. Единое экономическое пространство. Свободное движение: о соглашениях короткой строкой // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 9. С. 201.
3. Об основных социально-экономических показателях государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства в январе 2013 года. [Электронный ресурс]. – 2013. Режим доступа <http://www.tsouz.ru/>
4. Скриба А. Белорусские МСП и Евразийская интеграция. Дискуссионный материал Исследовательского центра ИПМ, 2013.
5. Предприниматели – за выход Беларуси из Таможенного союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://naviny.by/rubrics/economic>
6. Турлай И. Инвестиционные рейтинги и позиции в них Республики Беларусь // Экономика. Управление. Право. 2012. № 2, часть 1. С. 18–23.

УДК 94:327.5(477.7)

Л.Ю. Медовкина

*кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и внешней политики Донецкого национального университета
E-mail: MedovkinaL@gmail.com*

О.А. Проданова

*студентка 3 курса специальности «Международные отношения», исторического факультета Донецкого национального университета
E-mail: lesapr18@gmail.com*

КАСПИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН КАК ЗОНА СТОЛКНОВЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация

Статья посвящена анализу возрастания геополитического веса и экономической привлекательности каспийско-черноморского региона, а также воздействия этих процессов на стабильность и безопасность современных международных отношений. Не менее важными являются объективная оценка складывающейся ситуации в регионе и

определение на этой основе возможных политических, экономических и других рисков и угроз. Особое внимание уделяется вопросам сотрудничества и создания взаимовыгодных проектов, как способа укрепления безопасности прибрежных государств, так и региональной безопасности в целом.

Ключевые слова: *Каспийско-Черноморский регион, геополитический вес, национальная и международная безопасность, энергетическая ценность, трансграничные проблемы, прибрежные государства.*

Summary

This article analyzes the geopolitical weight and the increase of economic attractiveness of the Caspian-Black Sea region, as well as the impact of these processes on the stability and security of modern international relations. Equally important are the objective assessment of the current situation in the region and possible political, economic and other risks and threats. Particular attention is paid to cooperation and the establishment of mutually beneficial projects, as a way of strengthening the security of the coastal states and regional security as a whole.

Keywords: *Caspian-Black Sea region, geopolitical weight, national and international security, energy value, cross-border issues, the coastal state.*

В настоящее время проблемы безопасности выходят на первый план проблематики международных отношений. Это, прежде всего, связано с тенденцией обострения существующих международных конфликтов, распространением международного терроризма, существованием проблемы незаконной торговли оружием, контрабандой наркотических средств и проблемой торговли людьми. Каспийско-Черноморский (далее ЧКР) регион представляет собой обширную экономическую зону, которая развивается стремительными темпами. Сюда вкладываются инвестиции многих прибрежных стран, но один вопрос до сих пор остается нерешенным, а именно – кто же будет обеспечивать безопасность в регионе, и насколько эффективной она может быть. Давно известно, что безопасность выходит за рамки морских границ прибрежных государств, а каспийско-черноморский регион – это огромная акватория с не менее обширной полосой нейтральных вод. Но до сих пор эта акватория не получила нормативного признания из-за противоречий в вопросе о морских границах. Именно этот факт представляет каспийско-черноморский регион как зону столкновения геополитических интересов не только прибрежных держав, но и других основных актеров современных международных отношений.

Каспийско-Черноморский регион как зона столкновения геополитических интересов государств актуален, т.к. Каспий за последнее десятилетие превратился в один из узловых регионов глобальной политики, в котором пересекаются геополитические, экономические, геостратегические интересы многих ведущих государств мира, региональных государств, транснациональных компаний, различных национальных, политических и религиозных движений. И именно здесь наглядно проявляются черты, характерные для набирающего темпы процесса глобализации. Соответственно, возникают новые формы вызовов и угроз глобальной безопасности в современной мировой политике, что представляет собой особую актуальность данной проблемы.

В настоящее время при изучении проблемы геополитики Каспийско-Черноморского региона активно проводятся исследования междисциплинарного характера с использованием системного анализа, широко применяются разнообразные методологические подходы и принципы исследования.

Проблемы динамики геополитических изменений в регионе рассматриваются в работах: Арина О.А., Гаджиева К.С., Задохина А.Т., Малышевой Д.Б., Ушкова А.М., Цыганкова П.А. В них проведен анализ отдельных современных проблем развития Каспий-

ско - Черноморского региона, однако не достаёт целостности и комплексности в анализе разворачивающихся на Каспии современных событий [1]. Анализ подходов зарубежных исследований по вопросам геополитики и геополитического развития Каспия был проведен на основе работ таких зарубежных авторов как: Бжезинский З. [2], Киссинджер Г. [3]. Вопросы нефтяного фактора в Каспийском регионе, его влияния на сотрудничество прикаспийских стран, экономическое развитие каждого из них получили свое освещение в работах: Алиева Г. [4] и Назарбаева Н. [5].

Кроме того, по данной проблеме предметом внимания и использования являются книги, разделы и статьи историков и классиков западноевропейской геополитики: «Географическая ось истории» Макиндера Х. [6], «О геополитике» Хаусхофера К. [7], «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире» Валлерстейна И. [8] и «Столкновение цивилизаций» Хантингтона С. [9].

Следует отметить, что понятие «Каспийский регион», которое активно и прочно вошло в оборот после распада СССР в 1991 году, до сих пор не имеет четкого определения, которое давало бы исчерпывающую характеристику данной территории. Сразу после обретения независимости бывшие советские республики, в том числе и расположенные на Каспии, попали в разряд стран ближнего зарубежья. В то же время, интерес к региону определяется сложной геополитической ситуацией, поскольку Каспий вошел в зону жизненных интересов многих стран мира, стал ареной геополитической борьбы и соперничества. Кроме того, данный интерес к нему определяется наличием значительных запасов углеводородных ресурсов, пересечением транспортных путей, биоресурсами [10].

Употребляемое понятие «Каспийско-Черноморский регион», которое активно используется в периодической печати и научной литературе, в большей степени основано на интуитивном понимании, нежели на четком определении, в основе которого лежали бы определенные характеристики, до сих пор трактуется неоднозначно, а порой и противоречиво.

Ряд ученых рассматривают понятие Каспийского региона через систему концентрических кругов-поясов, в центре которой - Каспий, его потенциал и проблемы, возможности и вызовы. Согласно этому подходу «ядро» Каспийско-Черноморского региона образуют пять прибрежных государств: Россия, Азербайджан, Иран, Казахстан, Туркменистан. Эти государства непосредственно «завязаны» на Каспии как с точки зрения использования его потенциала и возможностей, так и в плане неизбежности принятия на себя его проблем. Для этих государств характерны внешне схожие политические, экономические процессы, близки подходы к выработке стратегии своего развития. Однако их «близость» выявилась лишь десятилетие назад, с изменением геополитической ситуации.

Следует заметить, что в программе, разработанной правительствами Прикаспийских стран совместно со Всемирным банком, Программой развития ООН (ПРООН), Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП), а также дополненной программой технической помощи Европейского Союза Содружеству Независимых Государств (ЕС/ТАСИС), под термином «Каспийский регион» понимается не только территория прибрежных стран, но и территории стран в части европейского континента, по которым проходит или будет проходить транспортировка углеводородного сырья [11]. В результате создается основание для включения в число участников КЧР очень широкого круга стран, которые в реальности не имеют никаких прав на природные ресурсы Каспийского и Черного морей и, соответственно, на принятие тех или иных решений по их использованию.

Известно, что геополитика имеет дело не только и даже не столько с территорией как таковой, а с более сложной реальностью - с политически-организованным пространством. Не важно, каким именно: «малым» или «большим», хорошо интегрированным или типа «мягкого кластера». А это значит, что в поле ее зрения находятся, прежде всего, соответствующие внутри- и межпространственные взаимодействия актеров, точнее говоря, много-

образные комбинации такого рода взаимодействий, которые выстраиваются по матрице политически значимых территорий, акваторий или даже азроторий. В зависимости же от того что является на этих территориях / акваториях предметом интереса «местных» и особенно внерегиональных актеров, как себя позиционируют эти державы, какие они совершают при этом действия в отношении друг друга и т.д., можно говорить о роли конкретного геополитического региона как сегмента мирового геополитического пространства [12].

Применительно к современной ситуации в ЧКР можно говорить о целом ряде моментов, которые определяют геополитические особенности этой зоны мира, указывают на ее геополитические свойства. Однако стоит выделить лишь две особенности, которые делают ЧКР привлекательной «площадкой» для геополитики и геостратегии великих держав и иных актеров глобального уровня, а также ряда крупных региональных «игроков».

Одна из аксиом геополитики гласит: если возникает ситуация, когда контроль некогда всесильной державы над каким-то «Большим политическим пространством» или значимым его сегментом слабеет, а то и вовсе прекращается (например, в результате «имперского перенапряжения» какой-либо великой державы), т. е. когда в этой зоне возникает своеобразный «силовой вакуум», то моментально к ней возникает интерес других держав, которые обладают необходимым потенциалом и возможностями для того, чтобы установить здесь свой контроль или, по крайней мере, попытаться это сделать. Поэтому первой причиной возрастания геополитического веса КЧР является серьезный сдвиг силовых полей, повлекший за собой возникновение в ряде зон Евразии «мягких кластеров» (выражение Збигнева Бжезинского), т. е. регионов «без Хозяина» с распадом СССР [13]. И в зависимости от этого очень быстро оказалось, что на этих территориях, которые до недавнего времени находились под тотальным политическим контролем Москвы, есть что делить, на что претендовать и по поводу чего соперничать. Это территории или акватории с континентальными шельфами, это контроль над стратегически важными сегментами пространства и коммуникациями, это доступ к жизненно важным ресурсам и возможность их неограниченного потребления, это влияние в определенных зонах мира, это обеспечение престижа и т. д.

Второй причиной возрастания геополитической значимости КЧР сегодня является беспрецедентное усиление роли энергетического фактора в вопросах «Большой политики» и перестройка генеральных направлений транспортных коммуникаций [14]. Дело в том, что мир стоит на пороге острого энергетического кризиса из-за истощения запасов основных энергоносителей - нефти и газа. Поэтому стремительно нарастает борьба за контроль над нефтегазовыми провинциями. Учитывая то, что везде, кроме Персидского залива и Каспийского бассейна, добыча нефти сокращается (и это при огромной зависимости стран Запада от дешевой нефти, быстрый отказ от которой просто невозможен), проблема каспийской нефти и, соответственно, вопросы «нефтяной дипломатии» на Каспии выходят на первый план. Но важен не только энергетический фактор, во многом задающий тон в геополитической динамике КЧР. Важен и вопрос транзитных территорий/акваторий в Причерноморье и на Южном Кавказе. Ведь уже очевидно, что главные события ближайшего будущего развернутся на пространстве между Западной Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Поэтому можно утверждать, что в Евразии резко возрастет роль трансконтинентальных коммуникаций, особенно грузоперевозок. Все это делает КЧР весьма значимым сегментом мирового геополитического пространства, на котором начинают вести активные «игры», «торг», совершать «маневры» различные внерегиональные актёры, прежде всего, естественно, великие державы.

Анализируя КЧР, следует обратить внимание на интересы к этому региону таких государств, как Россия, Турция, Иран и США, а так же интереса Европейского Союза.

Каспийский регион из-за своего географического положения имеет весьма важное стратегическое значение для долгосрочных российских интересов. Поэтому одним из основ-

ных стратегических интересов России на Каспии является сохранение мира и стабильности в регионе, укрепление экономического и политического сотрудничества. Поэтому, прежде всего, основная позиция РФ основана на поиске консенсуса при условии справедливого раздела углеводородных ресурсов Каспия и Черноморья, и сохранения в общем пользовании водного пространства, включая обеспечение свободы судоходства, согласованных норм рыболовства и защиты окружающей среды. Все это обусловлено тем, что стремительно развивающиеся глобализационные процессы в мире выделяют экономический фактор доминирующим над военной силой. И чем обширнее и стабильнее экономическая сфера державы, тем больше шансов у нее гарантировать безопасность своих границ [15].

На политику Турции в рамках КЧР влияют энергетический и политический факторы. Прежде всего, Турция заинтересована в обеспечении доступа для своих компаний к богатой ресурсной базе региона, а также в прокладке через свою территорию основных маршрутов трубопроводов для транспортировки каспийских энергетических ресурсов на мировые рынки. В то же время Турция сохраняет большой экономический интерес к наращиванию поставок российского газа, от которого она зависит, и к прокладке дополнительных маршрутов его транспортировки, так как сталкивается с проблемами, возникающими из-за несанкционированного отбора российского газа Украиной. Касаясь политических интересов Турции, следует отметить важность экономического доминиона как основного инструмента в укреплении турецкого влияния в Азербайджане, Казахстане, Туркменистане и, соответственно, реализации идей пантюркизма.

Интересы Ирана в отношении КЧР в меньшей степени определяются «нефтегазовым» фактором. Это связано с тем, что основные запасы страны расположены в пределах ее суверенной территории, а каспийские запасы нефти и газа вблизи иранских берегов незначительны. В то же время участие в разделе каспийских углеводородов и их транспортировке способствует преодолению международной изоляции Ирана, усилению его геополитического влияния в важном для его внешнеполитических и внешнеэкономических интересов регионе. Страна заинтересована в использовании туркменистанского газа на северной части своей территории. Иран стремится быть вовлеченным во все политические проблемы и энергетические проекты в Центральной Азии и в Каспийско-Черноморском регионе, что предоставляет широкие возможности в создании ядерного потенциала государства.

Повышенный интерес США к Каспийскому региону объясняется не только необходимостью защиты интересов американских нефтяных и других компаний, принимающих основное участие в разработке углеводородных ресурсов КЧР и развитии его трубопроводных и иных коммуникаций. Более веским основанием является то, что США, укрепившись здесь в политическом, экономическом и военном отношении, смогут оказывать сильное направляющее воздействие на страны этого геополитически важного региона и даже диктовать свои условия «неудобным», стремящимся проводить независимую политику государствам - Ирану, Ираку и в первую очередь - России. Вашингтон не без основания рассматривает Каспийско-Черноморский регион и Кавказ как одну из основных «опорных точек», с помощью которых Россия может вновь возродиться как великая держава. А это противоречит долгосрочным интересам США. В целом можно с достаточной уверенностью утверждать, что в каспийско-черноморской политике США главенствующую роль играют политические имперские интересы, а экономика часто выступает как инструмент для достижения политических целей [16].

Учитывая стремительную динамику политических и экономических изменений на берегах Черного и Каспийского морей, а также ситуацию вокруг Ирана, ЕС все же делает попытки влияния на новую геополитическую архитектуру в регионе. В первую очередь, объединенных европейцев интересует противодействие деструктивным тенденциям формирования вокруг Черноморско-Каспийского ареала линий противостояния, в частности,

геополитических альянсов Россия – Армения – Иран (Север-Юг) и Центральная Азия – Азербайджан – Турция – Украина (Восток – Запад) [17]. В целом, интересы ЕС в Черноморско-Каспийском регионе основываются на стремлении создать благоприятный климат для развития разных форм регионального сотрудничества. В первую очередь, это объясняется желанием руководства ЕС создать зону стабильности на новых восточных границах. В то же время Евросоюз ограничивается преимущественно двусторонним диалогом с каждой страной региона, четко обозначив ее позицию относительно Брюсселя. В результате не создаются необходимые основания для формирования комплексного видения Черноморско-Каспийского региона у руководства ЕС. Это, в конечном итоге, препятствует процессу формирования целостной стратегии Евросоюза по отношению к государствам, расположенным в районе Черного и Каспийского морей. Получается замкнутый круг, дающий почву для обвинений в геополитической бесхребетности Брюсселя. Чем дольше эта ситуация будет сохраняться, тем больше стран региона будет разочаровываться в преимуществах интеграции в ЕС. Очередь желающих влиться в «единую европейскую семью» может быстро сократиться [18].

На основе анализа приведенных фактов, следует отметить, что территория Каспийско-Черноморского региона достаточно богата в экономическом плане и является приоритетной областью для развития в ней промышленного и политического потенциала не только прибрежных стран, но и других актеров международных отношений, выступающих на первый план в современной мировой политике. Но наряду с богатой экономической базой региона существует ряд нерешенных вопросов, связанных с безопасностью. К таким вопросам можно отнести проблемы внутреннего невмешательства государств, возможности возникновения межэтнических вооруженных конфликтов и разнообразие транснациональных преступлений. К наиболее актуальным проблемам безопасности Каспийско-Черноморского региона на современном этапе относят: морскую контрабанду, вопрос военного присутствия и правовой статус региона.

Анализируя приведенные проблемы, следует отметить, что одной из таких глобальных проблем является морская контрабанда. Значительное распространение среди транснациональных преступлений данного региона получает контрабанда оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Интенсивные международные перевозки, торговля и возможность контрабандного транзита привлекают в этот регион криминально ориентированных лиц, стремящихся взять под контроль доходы от контрабанды [19]. Ежегодно на таможенных границах региона изымаются сотни единиц контрабандного оружия зарубежного производства. Неустойчивость внутривосточной обстановки во многих государствах (как пример – Молдова), вооруженные конфликты на Северном Кавказе, в Афганистане и постоянный спрос на оружие в преступной среде поддерживают тенденции к увеличению его незаконного оборота в регионе и за его пределами, что существенно угрожает концепции коллективной безопасности Европы и мира.

Еще одной важной проблемой в отношении безопасности Каспийско-Черноморского региона является вопрос о военном присутствии. В первую очередь, это, как всем известно, проблема Черноморского бассейна, а именно – статус Крымского полуострова и расположения военных баз России. В силу внутренних политических процессов и коррумпированности чиновнического аппарата Украины, происходили постоянные некорректные демарши в отношении присутствия Черноморского флота РФ в Крыму. А после государственного переворота зимой 2014 в Украине для России стало принципиально важным не допустить присутствия инфраструктуры НАТО в бассейне Черного моря, что привело бы к эскалации противоборствующих отношений сторон и тем самым поставило под угрозу безопасность всего региона.

Третьей проблемой безопасности региона сегодня выступает правовой статус Каспийского моря, поскольку период неопределенности способствует возрастанию напряженности

в отношениях между прикаспийскими государствами и возможности возникновения вооруженных конфликтов. На сегодняшний день положение таково, что де-факто сложилось и действует секторальное деление моря, а де-юре продолжают оставаться в силе советско-иранские договора по Каспию 1921 и 1940 гг., которые устанавливают свободный режим судоходства для всех прикаспийских государств и общего пользования биоресурсами моря. Хотя все прикаспийские государства признают необходимость определения правового статуса Каспийского моря только на основе консенсуса, добиться его будет непросто [20].

На основе проведенного анализа Каспийско-Черноморского региона как зоны столкновения геополитических интересов государств, следует сделать вывод, что КЧР представляет собой богатые перспективы для прибрежных государств. Однако обеспечение его безопасности – это сложный политический процесс, связанный с огромным количеством вызовов и угроз, среди которых есть как трансграничные, так и региональные проблемы. Будущее безопасности Каспийско – Черноморского региона зависит, прежде всего, от стремления прибрежных стран к диалогу и компромиссу. Сегодняшние политические процессы говорят о начале такого диалога, но его характер и методы до сих пор не закреплены нормативно. В дальнейшем перспективными вопросами для исследования должны стать вопросы диалогов и компромиссов в сфере безопасности Каспийско – Черноморского региона.

Ссылки и примечания:

1. Алексеева И.В., Зеленев Е.И., Якунин В.И. Геополитика в России. Между Востоком и Западом СПб., 2001. - С. 19-41.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его стратегические императивы — М.: Межд. отношения, 1999. – 256 с.
3. Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. В.В. Львова/ М., Ладомир, 1997. -717 с.
4. Алиев Н. Нефть и нефтяной фактор в экономике Азербайджана в XXI веке. - Letterpress, Баку, 2010. - С. 84.
5. Назарбаев Н. Ю. Каспий: вопросы международного права. // Европа и Россия: проблемы южного направления: Сб. статей /Отв. Ред. Шаболин И.А. -М.: Интердиалект+, 1999. - С. 18.
6. Маккиндер Х. О геополитике.— М.: Межд. отношения, 1999. – 256 с.
7. Хаусхофер К. Континентальный блок: Берлин-Москва-Токио // Элементы (Евразийское обозрение). 1996. №7. - С. 32-36.
8. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П.М. Кудкжина. Под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого -СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка // Pro et Contra (весна 1997). -С. 114-154.
10. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П.М. Кудкжина. Под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого -СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 191.
11. Грозин А., Зиядуллаев Н., Хлюпин В. Каспийская нефть: «Война трубопроводов» и интересы России. Институт диаспоры и интеграции. М. 1997. – С.36.
12. Геополитика. Как развязать каспийские узлы? // Астраханские ведомости. 05.10. 2000.- С.17.
13. Лебедева М.М. Мировая политика: Учебник для ВУЗов М.: Аспект Пресс, 2003. – С. 275.
14. Трешневиков А.Н. Каспий в сетях браконьеров М.: Рыбинское подворье, 2001. – С 88.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка // Pro

- et Contra (весна 1997). - С.154.
16. Там же. – С. 217.
17. Хаусхофер К. Континентальный блок: Берлин-Москва-Токио // Элементы (Евразийское обозрение). 1996. №7. - С. 32-36.
18. Шафраник Ю. Нефтяная экспансия в СНГ // Мировая энергетическая политика. 2002. №5-6. - С. 56-62.
19. Caspian Oil And Gas Summit. Centre For Global Energy Studies. Merchant Taylors. London, 1998. – p.47.
20. Central Asia: its strategic importance and future prospects /ed. by H. Malik. Martin's Press. 1993. - p. 337.

УДК:94:339.9(44+73)«19»

О.А. Леонтьева

*аспирантка исторического факультета Донецкого Национального университета
e-mail: olga.leontieva.donnu@gmail.com*

ФРАНКО-АМЕРИКАНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В 1960-е гг.

Аннотация

В данной статье рассмотрены аспекты франко-американских политических отношений в контексте развития и реализации политико-идеологических течений, которые и сыграли определяющую роль в стратегии Франции и Соединенных Штатов в период 60-х годов XX столетия.

Ключевые слова: *Франко-американские отношения, внешняя политика, военно-политическая стратегия, национальная безопасность.*

Summary

Aspects of the Franco-American political relations in the context of development and realization of political and ideological trends, which played the critical role in strategy of France and the United States during the 1960s, are considered in the article.

Keywords: *Franco-American relations, foreign policy, military-political strategy, national security.*

США и Франция, в исследуемый период, выступают как государства, влияние и возможности которых позволяют им оказывать воздействие на глобальные тенденции мирового развития, поэтому изучение их взаимоотношений в политическом и стратегическом аспектах является актуальной темой для исследования, и имеет большое как научное, так и практическое значение.

Недостаточная разработанность данной темы объясняется тем, что на фоне Холодной войны противостояние между Францией и США относилось в большей степени к «деликатным вопросам», и их анализ не был предметом всеобщих исследований.

Целью данной работы является изучение франко-американских стратегических отношений параллельно с формированием внешнеполитических доктрин обоих государств.

Исторически отношения между Францией и США развивались достаточно неординарно. Известно, что первая помогла Штатам в их борьбе за независимость, но позже, в период Пятой Французской республики, взаимоотношения между двумя странами значительно ухудшились из-за экономической конкуренции и военно-стратегических разногласий. Несмотря на долгую историю, Франция всегда двойственно относилась к США.

Исследователи Ф. Бозо, Ж. ле Вогер, Ш. Коган отмечают, что конфликты, происходившие между Францией и США в сфере внешней политики, по окончании Второй мировой войны возникали, прежде всего, из-за огромного количества спорных вопросов [1].

Среди французских ученых, занимающихся данной проблематикой на разных этапах XX века, такие как: С. Берштейн, Ф. Бозо, Б. Бурльяге, Д. Дешен, Ж. ле Вогер, Ж.-А. Суту. В России франко-американские отношения изучались следующими исследователями: Нарочинской В.А., Михеевым В. С., Новиковым Г.Н, Коломийцевым В. Ф, Уткиным А. И, Воронцовой С. Б.

В данной работе использованы сразу несколько групп источников. Официальные документы, такие как договоры, декларации и соглашения, фиксируют отношения между странами, поэтому имеют большую ценность. Например, Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года. Также немаловажное значение имеют такие источники как пресс-конференции, публичные выступления официальных лиц государств. Среди таких можно отметить выступление Эйзенхауэра «Атом для мира» от 8 декабря 1953 года, пресс-конференцию де Голля от 4 февраля 1964 года и пресс-конференции Дж. Кеннеди. Множество речей и выступлений официальных лиц доступно на официальном сайте президента Франции (www.elysee.fr). И еще одна группа источников, состоящая из мемуаров и писем личного происхождения, является ценной для исследования, она представлена мемуарами де Голля и мемуарами Эйзенхауэра.

Как считает Шнеер Коган, антиамериканизм, характерный для французской элиты, занимал лишь второстепенную роль во франко-американских разногласиях. Это относится к личностным расхождениям во мнениях президентов, пребывающих у власти в обоих государствах [2].

С тех пор, как в СССР начали разрабатывать свое ядерное оружие, американская стратегия «сдерживания коммунизма» перестала удовлетворять потребности США. В январе 1953 года госсекретарем США Дж. Ф. Даллесом была предложена стратегическая доктрина «освобождения», которая была направлена на более радикальную борьбу с коммунизмом. Одновременно с разработкой доктрины начала разрабатываться стратегия внешней политики, именуемая «стратегией массированного ответного ядерного удара», которая предполагала более широкое использование США ядерного оружия в любое время в любой точке Мира. Президент Дж. Эйзенхауэр, в период первого срока своего президентства, придерживался политики «балансирования на грани войны», создателем и теоретиком которой был Даллес (февраль 1956 года). Целью данной политики было достижение внешнеполитических преимуществ перед СССР, опираясь на единство и организованность союзников по НАТО, среди них была и Франция. Заключение и ратификация 30 декабря 1954 года Парижских соглашений стало поводом к окончательному разрыву с Советским Союзом [3].

С тех пор, как Франция вернулась в круг влиятельных мировых держав, военно-политическое и экономическое давление США возобновилось. В послевоенный период Франция была одним из инициаторов и участников европейской интеграции. Правительство П. Мендес-Франса заявляло: «Наша цель – сделать Францию сильной и процветающей державой». Необходимость преобразований внутри государства и стало основой голлизма.

Политике де Голля было присуще стремление преобразовать Францию в особый тип государства, в котором сочетались бы элементы республики с некоторыми монархическими аспектами. Главными идеями философии голлизма стали национальный фактор и военный потенциал. Голлистская идея характеризует нацию как единую систему, «Нация выступает в тысячелетнем прошлом и в будущем, соединяющимися в абстрактном единстве мистической веры в особый образ Франции...» [4].

Характерной чертой голлизма в контексте международных отношений была концепция преимущества национальных интересов над политическими, идеологическими, экономическими и др. Лозунгом голлизма стал призыв к восстановлению «национального величия». Внешнеполитическая стратегия Франции была направлена на достижение статуса великой державы с «мировой ответственностью». Голлистская доктрина была направлена на усиление финансово-экономической мощи Франции благодаря проведению активной и взвешенной внешней политики путем лавирования на международной арене [5].

Однако тот факт, что во Франции отсутствовало ядерное оружие, а также ядерная монополия США, как считали голлисты, был самой главной причиной зависимо от Штатов статуса Франции. В данных условиях французское правительство воспринимало факт владения ядерным оружием как гарантию национальной независимости и как фактор, обеспечивающий свободное проведение внешней политики государством. Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что независимость и безопасность Франции определялась двумя главными факторами – владением ядерным потенциалом для обеспечения обороны государства и полной самостоятельностью в использовании этого оружия. Французское правительство постоянно подчеркивало, что тактическое ядерное оружие – это средства последнего предостережения врагу перед тем, как задать ему массированный ядерный удар баллистическими ракетами [6].

Один из пунктов французской ядерной стратегии гласил об абсолютной самостоятельности в принятии каких-либо решений об использовании данного оружия – то есть, весь ядерный потенциал Франции был совершенно независим. Это обстоятельство не только гарантировало самостоятельную внешнюю политику Франции, но и создавало конфликтную ситуацию, так как данная стратегия не отвечала и совсем не накладывалась на американскую ядерную стратегию «сдерживания». Данная стратегия использовалась для гармонизации соотношения между внешнеполитическим национализмом, европейским и атлантическим направлениями во внешней политике Франции [7].

Голлизм как модель национальной безопасности и феномен государственной стратегии был вполне закономерным явлением в условиях биполярного мира как альтернативный центр силы. Выход Франции из военных структур НАТО обусловил пересмотр подходов стран Западной Европы к евроатлантическому сотрудничеству и формированию понятия европейской опоры Североатлантического альянса. Для США главной задачей в пределах атлантизма стала адаптация голлизма к системе атлантической взаимодействия с целью избежать развития противоречий, разрушительных для этой системы.

Соединенные Штаты отрицательно отнеслись к французскому новому вектору внешней политики. В середине 1960-х гг. возобновилось напряженное состояние между США и Францией, а окончательным итогом разногласий стал выход последней из НАТО. В 1966 году генерал де Голль не только вывел все свои силы из альянса, но и в категорической форме заявил о необходимости удаления военных баз и штабов НАТО с территории страны. Членам Североатлантического альянса были переданы нота и график эвакуации 29 пунктов и 33 тысяч солдат до 1 апреля 1967 года. Тогда же штаб-квартира НАТО была в экстренном порядке перевезена в Брюссель.

Но, со временем, когда де Голль ушел в отставку, внешнеполитическая ситуация во Франции изменилась. Взаимоотношения между Францией и Соединенными Штатами постепенно улучшались, но дело не продвигалось к какому-либо военно-стратегическому сотрудничеству.

С начала 1960-х гг. во внешней политике США наблюдается заметное сближение с европейскими странами, которые были их единственными союзниками в период большой напряженности между СССР и США, но, в свою очередь, стремились к консолидации в пределах своего континента. Новый подход к концепции атлантизма привел к изменению

евроатлантической стратегии. Сторонники данной концепции считали, что, при своей экономической мощи и военной силе, Франция все-таки должна играть роль великой державы, но, несмотря на это, позиция французов укрепилась, благодаря их стремлению к отстаиванию собственных интересов. Большинство стран Западной Европы ориентировались преимущественно на внешнеполитическую тактику Франции, стоявшую на защите от гегемонических посягательств США [8].

Таким образом, можно заключить, что осуществление Францией курса, направленного на повышение уровня безопасности и независимости, очень тесно связано с традиционной тактикой проведения внешней политики балансирования среди мощных стран в условиях биполярного мира. На несколько будущих десятилетий поиск стабильного равновесия на международной арене стал основным приоритетом французской внешней политики. Во времена президентства Жоржа Помпиду (1969-1974 гг.) и Валери Жискар д'Эстэна (1974-1981 гг.) характерной чертой франко-американских отношений оставалось уже заметно снизившееся влияние США. Можно смело утверждать, что взаимоотношения Франции с Соединенными Штатами в период Холодной войны оказывали большое влияние на их двусторонние отношения в последующие несколько десятилетий.

Ссылки и примечания:

1. Кефели, И.Ф. Социальная природа глобализма. Перспективы человека в глобализирующемся мире/ И.Ф. Кефели / Под ред. Парцвания В.В. -СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 88-147;
2. Шилов В.С. Политические партии и внешняя политика Франции (1958-1969). - М: Наука, 1977.- С. 78;
3. Молчанов Н.Н. Внешняя политика Франции (Пятая республика). - М., 1961. – С.36 ;
4. Арбатов А. Г. Военно-стратегический паритет и политика США. -М., 1984. – С.25;
5. Нарочницкая Е.А.Франция в блоковой системе Европы. 1960-1980-е годы. - МгНаука, 1993 . – С. 91;
6. Новиков Г.Н. Голлизм после де Голля. Идеиная и социально-политическая эволюция. М., 1984. – С242-250.;
7. Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. М., 1980. Яковлев А.Н. От Трумена до Рейгана: доктрины и реальности ядерного века. - М., 1984. – С. 25
8. Манжола В.А. Ядерное оружие Франции и вопросы европейской безопасности. Киев., 1989. - С. 112-18.

УДК 327.8

М.М. Кухтин

*кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики Донецкого национального университета
e-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru*

ВЛИЯНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НА СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация

В статье российско-немецкие отношения рассматриваются в контексте внешней политики США. Вашингтон стремится изолировать Москву на международной арене и уменьшить политическую самостоятельность Объединенной Европы. ФРГ должна от-

вернуть логику конфронтации, которую ей навязывают США, и пойти на сближение с Россией, полностью отвечающее российским и немецким национальным интересам.

Ключевые слова: украинский кризис, Россия, ФРГ, США, внешняя политика, двусторонние отношения.

Summary

Russian-German relations are examined in the article in the context of the foreign policy of the USA. Washington is striving to isolate Moscow in the international arena and diminish the political independence of the United Europe. The FRG should reject the confrontational logic imposed on it by the USA, and bring about a rapprochement with Russia, which fully corresponds to Russian and German national interests.

Keywords: the Ukrainian crisis, Russia, the FRG, the USA, foreign policy, bilateral relations.

Заявленная тема исследования представляется весьма актуальной. Не желая отказываться от претензий на единоличное глобальное лидерство, Вашингтон хочет предотвратить консолидацию многополярной системы международных отношений. Для этого ему нужно ослабить своих потенциальных и реальных конкурентов и не допустить их объединения. Нормализация российско-немецких отношений вопреки неблагоприятным обстоятельствам была бы достойным ответом на американское давление. Над решением данной насущной задачи должны работать как политики, так и ученые.

Влияние американской дипломатии на современные российско-немецкие отношения изучено недостаточно, и восполнить существующие пробелы нелегко. Украинский кризис все еще далек от завершения, поэтому необходимо помнить об аберрации близости, воздерживаться от поспешных выводов и обобщений, а также от суждений, продиктованных эмоциями.

Исследование во многом опирается на информационно-аналитические материалы ведущих российских и зарубежных СМИ. Однако есть возможность восполнить нехватку специальной литературы, рассмотрев заявленную тему через призму геополитики. Географические реалии намного меньше подвержены изменениям, чем политические, экономические и культурные. Следовательно, многие выводы о географической обусловленности международных отношений, сделанные годы и даже десятилетия назад, сохраняют свою актуальность и сегодня. Изложенные соображения позволили использовать при написании статьи работы Х. Макиндера и З. Бжезинского, в которых рассматриваются взаимоотношения англосаксонского мира, континентальной Европы и России.

Цель исследования – рассмотреть влияние американской дипломатии на современные российско-немецкие отношения, опираясь на новейшие источники и геополитическую методологию.

Объектом исследования являются современные российско-немецкие отношения, предметом – влияние, которое на них оказывает американская дипломатия. Географические рамки работы охватывают Россию, страны ЕС и США, хронологические – 2008-2015 гг. В исследовании применяются исторический, хронологический и эмпирический методы.

Украинский кризис 2013-2015 гг. стал серьезным испытанием для российско-немецких отношений. Сейчас Берлин стоит перед непростым выбором. Он может либо сделать шаг навстречу Москве, либо и дальше следовать конфронтационной логике, которую США навязывают своим европейским союзникам. Трудно предсказать как будут развиваться события. Намного легче выяснить, почему немецкая внешняя политика зашла в тупик и что мешает ей выйти из него.

Сохраняющаяся зависимость Германии от Белого Дома порой заставляет ее руководство принимать решения, идущие вразрез с ее национальными интересами. Одна из целей американской внешней политики – помешать сближению России с ведущими европейскими странами. Белый Дом хочет изолировать страну на международной арене и уменьшить политическую самостоятельность Европы, сделать ее более зависимой от США.

Еще британский геополитик Х. Дж. Маккиндер говорил, что морским державам следует опасаться союза двух сухопутных держав – Германии и России [1]. Чтобы исключить возникновение мощного континентального блока, необходимо создать в Центральной Европе буферные государства, дружественные англосаксонскому миру [2].

Если сегодня удастся построить единую Европу «от Атлантики до Урала», опирающуюся на стратегический альянс Москвы и Берлина, международное влияние США снизится. Американский политолог З. Бжезинский напоминает, что НАТО и ЕС не так монолитны, как хотелось бы Вашингтону. В будущем Италия или Германия, руководствуясь, в первую очередь, экономическими соображениями, могут установить особые отношения с Россией. Встревоженные этим, Великобритания и Франция сблизятся, чтобы совместно защищать свои интересы безопасности. В результате Запад будет ослаблен новым политическим расколом [3].

Бразильский журналист П. Эскобар частично подтверждает прогноз Бжезинского. Если США, поглощенные войной против ИГИЛ, не помешают созданию российско-китайско-немецкого альянса, в конечном итоге их, возможно, вытеснят из Евразии. Современная Германия заинтересована в укреплении экономического сотрудничества со странами БРИКС, а ее отношения с США ухудшились во время украинского кризиса. Положение немецких атлантистов уже не так прочно, как раньше. По-видимому, в среднесрочной перспективе американская гегемония обречена [4].

Чтобы сохранить ускользающее влияние, Вашингтон искусственно создает на границах России военно-политические кризисы, вынуждающие ее к активным действиям. Дождавшись ее реакции, Белый Дом принудительно мобилизует своих союзников на борьбу с мифической «русской угрозой».

Так было в августе 2008 г., когда Запад, вопреки очевидным фактам, возложил на Кремль вину за российско-грузинский конфликт. Тогда российско-немецким отношениям не был нанесен непоправимый ущерб, поскольку Берлин так полностью и не принял американскую трактовку кризиса [5] и в итоге выработал компромиссную позицию.

Не добившись успеха на Кавказе в 2008 г., США решили еще раз дестабилизировать современный миропорядок, следуя древнему изречению «разделяй и властвуй». Теперь их целью стала Украина. Отношение администрации Б. Обамы к украинскому кризису можно убедительно объяснить в рамках излагаемой теории. Демонизация России в западных СМИ, «война санкций», напрямую вредящая Москве и Брюсселю, но не Вашингтону, обострение конфликтов из-за энергоресурсов имеют очевидную геополитическую подоплеку.

В таких условиях новое российско-немецкое сближение возможно, но маловероятно, поскольку российская позиция в украинском кризисе продолжает вызывать резкое неприятие Германии. Посмотрим, как отношения двух стран развивались в последние месяцы.

Берлин настаивает на реформе Петербургского диалога – форума, объединяющего видных представителей российского и немецкого гражданского общества. Преобразования якобы обеспечат лучшие условия для критического обсуждения российской внешней политики. Аналитики уже отметили, что реформа снизит влияние немецкого политика М. Платцека. Он недавно призвал международное сообщество принять воссоединение Крыма с Россией как свершившийся факт, что навлекло на него неудовольствие А. Меркель [6]. 7 декабря 2014 г. она дала газете «Die Welt» интервью, в котором сделала несколько жестких заявлений о России. Она обвинила Кремль в нарушении территориальной целостности и

суверенитета Украины и высказалась за продление антироссийских санкций. Федеральный канцлер энергично защищает идею Соглашения о свободной торговле между США и ЕС, не ожидая от заокеанских партнеров никаких уступок [7]. С другой стороны, предлагая углубление экономического сотрудничества России, Германия непременным условием ставит «комплексное мирное разрешение» украинского кризиса [8]. Таким образом, немецкое руководство фактически делает развитие российско-немецких экономических отношений предметом торга, что отрицательно сказывается на них.

С января по ноябрь 2014 г. немецкий экспорт в Россию сократился на 18 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Это заставило ее отчасти переориентироваться на других торговых партнеров – некоторые азиатские и латиноамериканские страны [9]. «Война санкций» причинила ущерб не только России, но и государствам-членам ЕС, в частности – Австрии, Чехии и Греции. Когда Москва ввела ответные санкции, многие европейские компании потеряли доступ к российскому потребителю. Теперь им приходится продавать свою продукцию на внутреннем рынке по сниженным ценам. Президент Чехии М. Земан резко раскритиковал российскую политику ЕС, сказав, что международные экономические санкции неэффективны в принципе [10]. Жесткая линия Брюсселя вызывает растущее недовольство европейского бизнеса и простых людей, которым не нужна конфронтация с Россией. В последние годы многие европейцы перешли на позиции антиамериканизма, поскольку именно Вашингтон диктует своим союзникам по НАТО решения, идущие им во вред.

Согласно опросу общественного мнения, 17 % немцев считают США главной угрозой миру во всем мире. По данным другого исследования, только 45 % немцев полагают, что ФРГ должна оставаться частью Запада. 49 % хотят, чтобы она заняла промежуточное положение между Западом и Россией [11].

Скандал с прослушиванием телефона канцлера А. Меркель дополнительно подлил масла в огонь. Когда же в БНД разоблачили американского шпиона, Германия была вынуждена отреагировать жестко. Резидент ЦРУ был выслан из страны [12]. Однако упомянутые события не заставили Берлин кардинально пересмотреть свои отношения с Вашингтоном [13].

Разумеется, распространенные в Германии антиамериканские настроения обусловлены не только действиями самих США. Немцы привыкли к американскому «зонтику безопасности», к тому, что некоторые их проблемы решает иностранное государство. Сейчас они восстают против гегемонии «единственной сверхдержавы», не вполне понимая, какой будет цена самостоятельности [14]. С другой стороны, Германия не сможет вечно идти в фарватере американской внешней политики, жертвуя своими национальными интересами в угоду заокеанским партнерам.

Именно Вашингтон создал очаг нестабильности на границах ЕС, поддержав Евромайдан, и вынудил европейские страны пойти на конфронтацию с Россией после крымских событий и начала войны в Донбассе. Пока официальный Берлин не сделал выводов из данных фактов и не пересмотрел свой внешнеполитический курс, не стоит рассчитывать на значительное улучшение российско-немецких отношений. Впрочем, некоторые немецкие оппозиционеры уже сейчас призывают включить Россию в европейскую архитектуру безопасности [15]. Остается надежда, что их голос будет услышан.

В изучении заявленной темы есть ряд пробелов. Необходимо подробно рассмотреть современные российско-немецкие отношения в контексте американской «большой стратегии», основанной на концепциях однополярного мира и управляемого хаоса. Видя в господстве над Евразией ключ к мировой гегемонии, Вашингтон стремится разобщить и ослабить ведущие государства континента. Существует обширная литература, посвященная геополитическим интересам России и США, при этом ощущается нехватка аналогичных

работ о Германии и Украине. Наконец, необходимо помнить о незавершенности исследуемых процессов, о том, что дальнейшее развитие событий выявит ошибочность многих современных оценок, прогнозов и рекомендаций.

Ссылки и примечания:

1. Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History / H. J. Mackinder // Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23. – № 4. – P. 421-437. – P. 436.
2. Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality / H. J. Mackinder. – New York: Holt, 1919. – 266 P. – P. 191-206.
3. Brzezinski Z. Balancing the East, Upgrading the West / Z. Brzezinski // Foreign Affairs. – January 2012. – P. 97-104.
4. СМИ: альянс России, Китая и Германии в Азии станет роковым для США. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20141007/1027260910.html#ixzz3QPldkKI4>. Дата обращения: 31.01.2015.
5. Медведев и Меркель разошлись во мнениях: Германия считает, что Россия применила силу в ЮО «непропорционально» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.newsru.com/russia/15aug2008/med_merk1.html. Дата обращения: 31.01.2015.
6. Bund für Wechsel an der Spitze des Petersburger Dialogs. <<http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/europa/deutsch-russische-beziehungen-bund-fuer-wechsel-an-der-spitze-des-petersburger-dialogs-13280726.html>>. Stand: 29.01.2015.
7. Alexander R. Würden Sie Krieg mit Russland führen, Frau Merkel? / R. Alexander, B. Balzli. <<http://www.welt.de/politik/deutschland/article135110372/Wuerden-Sie-Krieg-mit-Russland-fuehren-Frau-Merkel.html>>. Stand: 29.01.2015.
8. Exporte nach Russland brechen drastisch ein. <<http://www.welt.de/wirtschaft/article136685503/Exporte-nach-Russland-brechen-drastisch-ein.html>>. Stand: 30.01.2015.
9. Ibid.
10. Was die Gegen-Sanktionen von Russland für die EU bedeuten... <http://wirtschaftsblatt.at/home/nachrichten/europa_cee/3851192/Was-die-GegenSanktionen-von-Russland-fur-die-EU-bedeuten>. Stand: 30.01.2015.
11. Fischer S. Deutsche Sicht auf Russland. In der antiamerikanischen Nische / S. Fischer. <<http://www.spiegel.de/forum/politik/deutsche-sicht-auf-russland-der-anti-amerikanischen-nische-thread-124161-1.html>>. Stand: 30.01.2015.
12. Власти Германии решили выдворить из страны резидента ЦРУ. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/385142>. Дата обращения: 31.01.2015.
13. Und Mutti schweigt noch immer: US-Doppelagent enttarnte 3.500 BND-Spione. <<http://www.rtdeutsch.com/9487/inland/us-doppelagent-enttarnte-3500-bnd-spione/>>. Stand: 30.01.2015.
14. Fischer S. Deutsche Sicht auf Russland. In der antiamerikanischen Nische / S. Fischer. <<http://www.spiegel.de/forum/politik/deutsche-sicht-auf-russland-der-anti-amerikanischen-nische-thread-124161-1.html>>. Stand: 30.01.2015.
15. Neue Liberale für Wertegemeinschaft mit Russland. <<http://www.welt.de/politik/deutschland/article136337123/Neue-Liberale-fuer-Wertegemeinschaft-mit-Russland.html>>. Stand: 31.01.2015.

Политология

УДК 325.4

И.И. Крыжановская

Ст. преподаватель кафедры «Политология» Донецкого национального университета

e-mail: kaf-polit@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕАЛИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Аннотация

В статье рассматриваются условия формирования американского общества и его идеалистических традиций в период основания мигрантами первых колоний на Североамериканском континенте.

Ключевые слова: *идеалистические традиции; корпоративные, владельческие (собственнические) колонии; библейские принципы и догматы; Старый Свет; Новая Англия.*

Summary

The terms of forming of the American society and its idealistic traditions in the period of founding the first colonies on the North-American continent are examined in the article.

Keywords: *the idealistic traditions; the corporate and possessory (proprietary) colonies; The Principles of Bible and dogmas; the old World; The New England.*

Формирование американского общества происходило одновременно с основанием колоний на Североамериканском континенте. Осваивались новые земли в несколько этапов за счет мигрантов из Старого Света, которые заложили в социуме первые идеалистические представления о своей уникальности. Пилигримы, подстегиваемые религиозными гонениями, вынуждены были покинуть свои земли в поисках возможности построения нового справедливого общества. Приложив немало физических и моральных усилий, мигранты строили свою республику на библейских принципах и догматах, что немало способствовало выработке уверенности в уникальности своей нации и особой миссии в этом мире.

Цель статьи: на основе исторических исследований проследить процесс формирования идеалистических представлений американского общества в период создания американского общества на территории Северной Америки.

Вопросы расселения первых мигрантов и зарождения их идеалистических взглядов в первые годы освоения Северной Америки исследовали американисты Ш.А.Богина, Д. Бурстин, П. Г. Мижув, В.В.Согрин, А.Б.Соколов, А.И.Уткин. Они подробно рассматривали влияние протестантских взглядов на создание первых колоний и развитие американского общества. Исследователи Г. Коммаджер, Д.Макинерни, А.Невинс изучали последовательность этапов эмиграции и влияние исторических событий в Европе на процесс расселения протестантов на новом континенте. Ученые в своих работах анализировали условия создания новых североамериканских колоний, а также исследовали предпосылки формирования мессианских взглядов первых мигрантов.

Мигранты из Старого Света стали массово заселять американский континент в конце XVII столетия. В большинстве своем это были англичане, которые отправлялись на новые земли, чтобы реализовать свои идеалы и получить прибыль от будущих земельных владений. В Северной Америке они основывали поселения, политическое устройство

которых, не всегда совпадало с надеждами на свободную от метрополии жизнь. Колонии основывались либо с разрешения, либо под патронатом английского короля. Все первые поселения Нового Света можно разделить на три типа: корпоративные колонии, основанные торговыми компаниями, к числу которых относится Виргиния; королевские колонии (Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут, и Нью-Гемпшир) и собственнические (владельческие) колонии (Мэриленд, Пенсильвания, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Делавэр, Северная и Южная Каролина и Джорджия).

Первые британские колонии были созданы в период 1605 – 1630 гг., группами английских протестантов, преследуемых в Англии за отрицание церковного верховенства короля и за стремление создать собственную отдельную церковь. Поселение Виргиния создавалось под патронатом коммерческих организаций: «Лондонской виргинской компании» и «Плимутской компании» (англ. *Plymouth Company*) в 1605 г. Построение общественных отношений происходило под пристальным вниманием со стороны Англии. По примеру Старого Света, будущее американское общество основывалось на религиозных постулатах и принципах договоренности между людьми и Богом, что впоследствии и обусловило фундаментальные черты американского общественного сознания. Подробно доктрина «договоренности» получила свое развитие в трудах таких английских ученых как Р. Уильямс, Д. Уайз и Т. Хукер. Как отмечал исследователь В.Л.Паррингтон в своем классическом исследовании американской общественной мысли, их вклад в колониальную политическую мысль был неocenim. Они заложили основы будущего американского государства, обосновав «три плодотворные идеи»: учения о народном суверенитете, договорной теории государства и представлении о правительстве как об институте, ответственном в своих действиях перед большинством общества [1].

Все ключевые должности, в том числе и губернатор колонии, согласовывались со Старым Светом. Король делегировал свои полномочия первому лицу поселения и отдавал в его руки все три ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Губернатор имел право созывать и распускать законодательные собрания, ветоировать любое решение колониальной ассамблеи. Под непосредственным руководством губернатора, создавались колониальные суды и назначались судьи всех уровней. Первое лицо поселения принимал непосредственное участие в вынесении судебных решений, мог миловать или амнистировать по всем видам преступлений. В случае военной угрозы губернатор становился главнокомандующим и брал на себя руководство сухопутными и морскими силами колонии.

Первый шаг к отрыву от прямого влияния метрополии к демократии поселения Виргиния сделала в 1619 году, когда был создан новый представительский законодательный орган – Генеральная ассамблея. В ассамблею вошли члены совета и представители от густонаселенных пунктов, которые получили право избрания губернаторов в колониях. Однако королевская Англия не сдавала свои позиции и в процессе развития колонии рычаги самоуправления и возможность назначать и контролировать губернаторов на местах попеременно находились в руках то у Генеральной ассамблеи (1640, 1676 г.), то у английских монархов (1660 г.).

Колония Массачусетс, входила в число тех типов поселений, которые получили название «королевские». Так же как в корпоративных поселениях, разрешение на освоение колонии подписал король Англии, а власть на местах осуществляли губернатор вместе с магистратурой и собрания. Огромное влияние, если не сказать решающее, на развитие политической системы в поселении оказывала именно церковь и представители различных религиозных течений, имеющих истоки в протестантстве.

Со стороны протестантов в адрес руководства колоний не раз звучала критика, и предпринимались попытки активного вмешательства в светскую жизнь. Радикальные атаки против теократии также не достигали успеха, ортодоксы вынуждены были, время

от времени сдавать свои позиции. Конфликтующие стороны все же пытались найти точки соприкосновения, которые нередко приводили к компромиссным решениям. Одним из таких компромиссов стало введение на территории Массачусетса элементов самоуправления. Если ранее вопросы, рассматривавшиеся на общем собрании граждан, носили лишь совещательный характер, то теперь решения собрания стали приравниваться к законам. Так в 1641 г. народный орган власти резко ограничил действия исполнительной власти распоряжаться земельной собственностью. Общее собрание одобрило «Свод законов» Массачусетса, где за местными властями закреплялось право распоряжаться земельными наделами, за несоблюдение законов вводились нормы уголовного права и судебной процедуры. Наконец, в 1644 г. Общее собрание создало прообраз двухпалатного парламента, который обладал законодательной властью: отныне члены магистрата и народные избранники должны были заседать раздельно, при этом и те и другие в равной мере обладали правом вето [2].

Третий тип поселений был создан английскими аристократами на основе феодальных дарений Стюартов и получил название «владельческие (собственнические) колонии». Так возникли Мэриленд, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Делавэр, Северная и Южная Каролина (первоначально это была единая колония Каролина) и Джорджия [3].

Мэриленд является одним из таких владельческих поселений, которое создал лорд Балтимор в 1632 г. Английский король Карл I наделил его правами полного феодального собственника.

Первоначально колония основывалась на феодальных началах с целью получения максимальной ренты с каждого земельного участка. Владелец земельных наделов был уверен, что такой строй, не только пополнит его казну, но и даст возможность поддерживать надлежащий порядок в колониальном обществе. Однако жизнь в поселениях складывалась таким образом, что феодальные порядки оказались нежизнеспособными. Попытка ввести в Мэриленде феодальное землепользование не увенчалась успехом, поскольку поселенцы в большей своей степени были свободные люди. Мигранты должны были выплачивать лорду фиксированную ренту, но сумма, как правило, оказывалась непосильной, и пилигримы уходили на свободные земли. В одном отношении общественные порядки в Мэриленде оказались даже более передовыми, чем в других колониях: поскольку лорд Балтимор был католиком, протестанты не могли утвердить в его владениях свою гегемонию, а должны были проявлять веротерпимость.

В политическом плане колония имела возможность развиваться по собственному пути создания колониальных органов управления. В 1637 г. лорд Балтимор поручил брату Леонарду Калверту, своему наместнику в Мэриленде, создать представительную ассамблею, которая должна была давать тому «совет и согласие» по законодательным вопросам [4]. В годы Английской революции процесс формирования независимых от метрополии органов власти был продолжен. «Народная палата», в лице Мэрилендской ассамблеи, укрепила свои позиции и получила право заседать отдельно от губернаторского совета и инициировать законы.

В 1681 г. в число собственнических поселений вошла Пенсильвания. Вильям Пенн, который принадлежал к секте квакеров, стал владельцем этой территории и создал идеальную общину, со временем названной самим Вольтером «самой истинно христианской». Также как и в других колониях в Пенсильвании предпринимались попытки утвердить самоуправление, не зависимое от власти, английского короля. Уже в 1682 году в Пенсильвании был создан парламент, состоящий из двух палат: Совета и Ассамблеи. Право инициировать законодательные документы получила верхняя палата (Совет). Функции обсуждения и утверждения отводилась нижней палате – Ассамблеи. В состав Советов входили представители колониальной элиты, тем не менее, каждая кандидатура в обя-

зательном порядке утверждалась в Англии. С одной стороны, Совет, выполняя функции министерского кабинета при губернаторе, а с другой, выступал в качестве верхней палаты законодательной власти, обладая правом налагать вето в отношении решений Ассамблеи. В принятии судебных решений губернатор имел прерогативу, однако и здесь Совет оказывал посильную помощь. В целом советы были скорее частью «монархической» политической системы, нежели самостоятельной «аристократической» ветвью.

В дальнейшем законодательная ветвь колониальной власти прогрессировала в своем строительстве. В 1694 г. Ассамблея была наделена правом законодательной инициативы. А в 1701 г. уже вся законодательная власть была передана Ассамблее. Владелец Пенсильвании оставил за собой право назначения губернатора. [5] Сочетание теологического и светского начала создали в Пенсильвании уникальный симбиоз веротерпимости и светской власти, который в дальнейшем окажет решающее влияние на всю американскую систему власти.

В 1620 г. группа пуритан-сепаратистов (отдельной ветви протестантов, предполагающих, что различные ветви протестантов должны жить отдельно друг от друга) основала колонию Новый Плимут. Английские пуритане, скитавшиеся в поисках религиозного убежища, нашли его на американской земле. Основой построения нового общества стал договор об объединении пуритан в «гражданский политический организм» с целью создания и соблюдения «справедливых и одинаковых для всех законов» (Мейфлауэрское соглашение). Основываясь на основных пунктах этого договора, пилигримы Нового Плимута строили свои взаимоотношения внутри поселения. Впоследствии Джон Куинси Адамс, один из первых президентов США, назвал его «возможно единственным в истории человечества примером практического самобытного общественного договора, который до того выступал в качестве законного источника правительства только в воображении философов» [5]. Эта оценка стала общепринятой в Соединенных Штатах, почитающих пуритан-пилигримов в качестве основателей американской демократии и народного суверенитета.

Следует отметить, что процесс демократических преобразований внутри колонии претерпел ряд эволюционных изменений. Пуритане в массе своей были неоднородны. Умеренные и демократически настроенные протестанты время от времени вступали в противоречия. Умеренное крыло протестантов-пуритан долгое время отличалось большей активностью и даже получили от английского короля Карла I хартию весьма демократического содержания.

Тем не менее, демократическое начало взяло верх над разногласиями, и Новый Плимут стал образцом для всех колоний в создании общества «согласия». Поселенцы сами избирали губернатора и магистрат, на общем собрании путем прямого голосования принимали различные законы, проекты и постановления. Общее собрание, созывавшееся четыре раза в год, получило право расширять ряды свободных фермеров, вводить налоги, принимать законы и постановления, способствовавшие благу колонии [6]. Всю свою энергию колонисты направляли на практическую сторону жизни. Они активно продолжали строить институты общественной и политической жизни в соответствии со своими политическими и религиозными убеждениями.

Первые колонии, которые создавались на территории Северной Америки, открыто демонстрировали несостоятельность феодальных отношений. Обязательная феодальная рента, преобладавшая в колониях собственнического типа, постепенно уступала позиции и приобретала капиталистические черты. В остальных поселениях развивалось аграрное хозяйство, преимущественно по фермерскому типу. Практически во всех колониях закладывались основы демократии, возникали органы власти, которым колонисты делегировали свои полномочия по управлению поселениями. Однако в собственнических колониях власть на местах все еще регулировалась и контролировалась королевскими ставленниками – английской аристократией. Губернаторы продолжали осуществлять свою власть от имени

английских монархов, а избранные колонистами советы, как правило, руководствовались королевскими инструкциями.

После 1688 г. в колониях соотношение двух ветвей власти – королевской и представительной – кардинальным образом изменилось. Влияние местных ассамблей на местах стало уменьшаться, а власть монарха в Новом Свете усилилась. Такие колонии, как Новый Плимут и Массачусетс, перестали существовать как отдельные собственнические поселения. Они были лишены органов самоуправления и находились под властью назначенного королем губернатора с большими, чем прежде полномочиями. Постепенно к середине XVIII в. собственнические колонии перешли под власть английского монарха, и только три из них все еще сохраняли свой статус – Мэриленд, Пенсильвания и Делавэр. Королевскими оставались восемь поселений. В числе оставшихся корпоративных колоний числились – Род-Айленд и Коннектикут.

Вплоть до войны за независимость все попытки колонистов освободиться от влияния метрополии не увенчивались успехом. Король оставался символом верховной власти в колониях Северной Америки, а протестантизм продолжал оказывать значительное влияние на формирование политического мышления американцев на тот период времени [7].

Поворотным пунктом в истории США стала война за независимость, которая явилась катализатором сближения религии и американской политики. Идеи свободы, демократии, веротерпимости, заложенные первыми английскими переселенцами, поддерживали представители практически всех конфессий.

Сплав идей пилигримов с их религиозными убеждениями отразился в Конституции штатов революционного периода. Религиозный фактор оказал решающее влияние, как на сам текст Конституции, так и на определение политического устройства будущего государства, на его структуру. Например, принятая в 1784 году Конституция штата Нью-Гемпшир, указывала на то, что в палату представителей или в сенат штата не мог быть избран человек, который не является протестантом. В 1776 году Конституция Делавэра установила положение, что избранный в палату представителей или назначенный на должность кандидат обязан был приносить присягу, в которой подтверждается, что он верит в Бога Отца и в Иисуса Христа, его единственного сына, и Святого Духа (статья просуществовала до 1972 года). Конституция штата Северная Каролина устанавливала, что человек не имеет право занимать определенную должность, если он отрицает существование Бога, истинность протестантской религии, духовность Ветхого или Нового Завета. Законодательство штата Массачусетс провозглашало, что губернатор, заместитель губернатора, депутаты палаты представителей и сенаторы должны к своему вступлению на должность подписать декларацию о том, что они придерживаются христианской религии и твердо убеждены в ее истинности [8].

Еще более твердыми предписаниями отличались некоторые законы, принятые в тот период, которые регулировали церковно-религиозную жизнь американцев. Так, в Массачусетсе предусматривалось за квакерство тюремное заключение, наказание двадцатью ударами кнутом и изгнание из территории колонии. По законодательству штата Виргинии за непосещение богослужений можно было присуждать к каторжным работам [9].

В Новом Свете у протестантов появилась реальная возможность создать на части территории консервативное пуританское государство, что они и сделали.

Таким образом, формирование идеалистических традиций американского общества шло параллельно с заселением Северной Америки англичанами-протестантами. Суровые условия жизни и библейские заповеди, по которым жили мигранты Старого Света, положили начало идеалистическим традициям и коренным образом преобразовали политическую жизнь американцев. Прошли столетия, но в американском обществе идеи, сформулированные первыми переселенцами, и сегодня имеют огромное влияние и глубокое убеждение

в том, что только Америка может выполнить особую миссию – быть маяком свободы для других народов и спасти своим примером «тонущий в грехах мир».

Ссылки и примечания:

1. Соколов А.Б. Дипломатия и война. Вопросы истории международных отношений в новое и новейшее время / А.Б. Соколов. – Ярославль, 1998. – С. 132.
2. Согрин В.В. Политическая история США. XVII – XX вв. / В.В. Согрин. – М., 2001. – с. 56.; Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт / Д. Бурстин. -М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. - С. 16
3. Прокопчук А.А. Новая история стран Европы и Америки. Первый период / А.А. Прокопчук // Новая и новейшая история. – 2002. – № 7. – С. 16.
4. Нерсисянц В.С. История политических и правовых учений / В.С. Нерсисянц /<http://www.kursach.com/biblio/0010021/000.htm>. 19.03.2015.
5. Адамс Дж. К. Сайт Генерального консульства США в Санкт-Петербурге / Дж. К. Адамс /<http://russian.stpetersburg.usconsulate.gov/adams2.html>. 15.03.2015.
6. Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Виргиния и Новый Плимут. 1606-1642 / Л.Ю. Слезкин. – М., 1978. – С. 57.
7. Дэниел Макинерни США: История страны /<http://lib.rus.ec/b/190069/read#t8>. 11.04.2015
8. См.: Шведов, В. Религия и политика//Международная жизнь, 1992, №5. С.50, Федотова, В. Мир культур против культуры мира//Свободная мысль – XXI. – 2003. – №9. – С.42, Уткин, А.И. Американская империя. – М.: Изд-Воэксмо, 2003. – С.707-708
9. А. Невинс, Г. Коммаджер История США. Вот Английской колонии к мировой державы. Телекс. – 1999. Нью-Йорк. - С. 20-21.

УДК 322

Д.В. Посредников

кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Донецкого национального университета

e-mail: dprednikov@yandex.ru

**ПОЗИЦИИ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ
ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА (2013 — 2014 ГГ.)**

Аннотация

В статье освещаются позиции христианских церквей Украины в период политического кризиса 2013-2014 гг. Рассматривается мотивация участия религиозных организаций и их лидеров в протестных акциях. Сделан разбор позиций украинских религиозных организаций, выступлений их лидеров, оценок в СМИ. Поднимается вопрос о необходимости для части религиозных организаций выстраивания новых отношений с гражданским обществом.

Ключевые слова: *христианские церкви, православие, греко-католицизм, политизация религии, «Евромайдан», Украина.*

Summary

The article observes the positions of the Christian churches of Ukraine during the political crisis of 2013-2014. The motivation of participation of religious organizations and their leaders in protests is considered. The positions of the Ukrainian religious organizations, speeches of

their leaders, and estimates of the media were analysed. The problem of how some religious organizations would build a new relationship with society has been pointed out.

Keywords: *Christian churches, Orthodox, Greek Catholic, the politicization of religion, “Euromaidan”, Ukraine.*

В трагических событиях в Украине 2013—2014 гг. деятельность христианских церквей оказалась достаточно заметной. Источниками информации по проблеме являются заявления представителей религиозных и межконфессиональных организаций, публикации и обращения конфессиональных пресс-служб, которые оперативно реагировали на вопросы общества. В ряде статей А. Бабинского [1], Г. Целковского [2], Б. Фаликова [3] и других рассматриваются роль и участие конфессий и их лидеров в протестных акциях. Между тем ряд моментов, а именно, позиции и мотивы участия украинских религиозных организаций, оценки в СМИ, остались недостаточно изученными.

Не претендуя на исчерпывающее освещение темы, цель статьи: раскрыть позиции христианских организаций в событиях в Украине 2013—2014 гг.

Накануне Вильнюсского саммита «Восточного партнерства» руководство Украины решило заручиться поддержкой украинских церквей. 30 сентября 2013 г. руководители десяти украинских церквей, входящих во Всеукраинский Совет церквей и религиозных организаций (ВСЦиРО), подписали «Обращение церквей и религиозных организаций к украинскому народу». В документе значилось, что конфессиональные лидеры полностью поддерживают усилия правительства Украины, направленные на ее интеграцию с Евросоюзом. В Обращении говорилось: «Исторически так сложилось, что с давних времен украинский народ был частью европейского цивилизационного пространства...». «Убеждены, что этот выбор не является и не может считаться противопоставлением Украины нашему историческому соседу — России». Эта логичная для автора Обращения (вероятнее всего, текст был составлен в Администрации президента) и для подписавших его — главы УПЦ КП Филарета (Денисенко) и главы УГКЦ Святослава (Шевчука), позиция вызвала неприятие в УПЦ.

28—29 ноября 2013 г., когда на Вильнюсском саммите не было подписано соглашение об ассоциации Украины с ЕС, был дан старт протестным акциям. 30 ноября, после разгона «Евромайдана» в Киеве, практически все украинские конфессии осудили действия властей [4; 5; 6].

Если до разгона «Евромайдана» священнослужители, стоявшие на сцене перед митингующими, воспринимались терпимо-отрицательно, то после 30 ноября регулярный подвоз граждан из западноукраинских областей на киевский Майдан резко изменил ситуацию.

Методы, которые использовали конфессии в дни протестов, включали официальные заявления, молитвы, помощь в Интернет и соцсетях. Мотивация протестующих была артикулирована так: «у нас украли мечту» (евроинтеграцию); «избили детей»; «надо защитить человеческое достоинство»; «противостоять несправедливости — долг христианина»; «церковь — с народом».

Позиции актива УПЦ, который несколько лет говорит в СМИ как бы от имени церкви, выразились в следующем. Известный своими либеральными взглядами архимандрит о. Кирилл Говорун в статье «Богословие Майдана» писал: «Украинский Майдан, собравшийся «ради Европы», значительно перерос саму Европу и ее политиков... Более того, Майдан в своей ценностной составляющей значительно перерос и украинские церкви — все без исключения... Сейчас для украинских церквей появилась возможность вырасти до уровня общества, которое быстро растет на основе тех ценностей, которые должны были бы демонстрировать церкви... Майдан для церквей оказался возможностью изменить это положение вещей и отказать от предоставления «посреднических услуг», которые на самом деле легитимируют коррупцию, социальную несправедливость, злоупотребление властью и т. д.» [7].

По словам о. Георгия Коваленко, — председателя Синодального информационно-просветительского отдела УПЦ, — со сцены Майдана прозвучали четыре заповеди. Первая — «Не убий» на политическом языке может звучать так: насилию — нет! Вторая — «Не лжесвидетельствуй» — нет лжи и манипуляциям! Третья — «Не укради» — «Коррупции — нет!» Четвертая — «Не сотвори себе кумира» — не нужно верить и возлагать все свои надежды на политических лидеров или на политические и геополитические союзы [8]. По справедливому замечанию профессора С. Кара-Мурзы, эти воззвания означали только то, что все украинские церкви потребовали от государственной власти: «Не мешайте проводить ненасильственную революцию!» [9].

Протоиерей Андрей Ткачев (руководитель Миссионерского отдела Киевской епархии УПЦ) увидел происходящее иначе. «Мы сейчас наблюдаем бунт, стихийное выступление народа против того, что ему живется плохо. Мы наблюдаем отсутствие всякого контроля и руководства этим бунтом... Нам остается только бунт. А бунтарей обычно возглавляют лихие люди... А это опасный вариант, потому что он бесперспективный».

Духовенство «национально ориентированных церквей», выступая со сцены Майдана, проводило параллель исхода евреев из египетского плена с борющимися за своё достоинство украинцами: «Отпусти народ мой!». Фараон — это нечестивая украинская власть Януковича и Россия (которые должны погибнуть); «земля обетованная» же ассоциировалась с Европой. Так, во второй половине января в украинских СМИ получило хождение «Пророчество греко-католического священника Германа Будзинского о Майдане и Януковиче» (аутентичность которого была опровергнута братией Святоуспенской Унивской Лавры). Однако оно широко распространилось в соцсетях и стало предметом многочисленных дискуссий. По тексту, после характеристики трех президентских правлений в Украине, время президентства В. Януковича выглядит так: «...и тогда Бог пошлет нам страшную казнь, к власти в Украине придут третьи советы. Это будет страшная бандитская орда... Бог помилует Украину и вождя третьих советов убьют. Он не добудет своей каденции. Этот кровавый и жестокий период будет очень короткий и закончится вторым крупным народным восстанием. Этим вторым восстанием этот дьявольский советско-коммунистический режим будет сметен с лица земли. Наступит вторая украинская Колиивщина. Ярость людей будет такая страшная, что третьих советов и коммунистов будут лапать на улицах и убивать без суда и следствия. И эту месть народа нашего никто не сможет остановить, так как преступления, которые сделают третьи советы и коммунисты против Украины и народа, будут такие же страшные, как сталинские... После того, как Украину возглавит женщина, которая выйдет из тюрьмы, Украину ждет очень скоро развитие и большое будущее. Начиная с сего дня, через 35 лет Украина станет одним из сильнейших государств мира, такой, как сейчас Америка. А на Московию упадет кара Божья за все издевательства, которые она сделала Украине в течение 350 лет и другим народам. Московию ждет распад и полный упадок. С Владимира началось и на Владимире закончится. Такова воля Божья» [10].

2 декабря глава УГКЦ Святослав (Шевчук) призвал приходы УГКЦ «открыть двери для нуждающихся». Киевский храм РКЦ Святого Александра и все храмы УГКЦ впустили оппозиционеров для отдыха и мобилизации. Львовская, Ивано-Франковская и Дрогобычская семинарии УГКЦ отправили своих семинаристов в Киев. На сцене «Евромайдана» кардинал Любомир Гузар и духовенство УГКЦ регулярно служили молебны, произносили проповеди, призывая к борьбе с режимом В. Януковича. Архиепископ Святослав (Шевчук), находясь с визитом в США, отметил, что «протесты в Украине не политические, а вызваны выбором будущего государства».

8 декабря в Киеве был снесен первый памятник В. И. Ленину. Все конфессии выразили поддержку, «религиозно» обосновав это неправомерное действие избавлением народа от идола коммунистической религии.

В ночь с 10 на 11 декабря 2013 г., когда силовики начали зачищать баррикады митингующих возле Майдана Независимости, ударили в колокола Михайловского Златоверхого монастыря (УПЦ КП). Глава УПЦ КП Филарет осудил «применение силы для ограничения конституционных прав граждан на свободу мирных собраний и свободу выражения своего мнения». Синод епископов УГКЦ выразил обеспокоенность действиями силовых структур и заявил о своей поддержке и солидарности с митингующими. В Львовской архиепархии УГКЦ начали ежечасно бить в колокола. Сообщество Украинского католического университета объявило гражданское неповиновение президенту и правительству. Делегация Ужгородской Богословской Академии и Карпатского университета УПЦ во главе с ректором архимандритом В. Бедем присоединилась к Майдану. Во время попытки подавить «Евромайдан» в Киеве лютеране Одессы также ударили в колокола. Преподаватели-богословы духовных учебных заведений Церкви евангельских христиан-баптистов выступили в поддержку митингующих. Священник А. Дудченко (УПЦ) с трибуны Майдана объявил, что группа духовенства обратилась с посланием ко всем людям доброй воли: «Мы — за сближение с христианской Европой. С базовыми европейскими ценностями, которые являются в своей основе ценностями христианскими. Это: правда, справедливость, свобода, ценность каждой личности» [11].

Однако после принятия 16 января 2014 г. Верховной радой законов, предусматривавших ужесточение санкций за участие в массовых беспорядках, 19 января протестная акция приняла насильственный, резко антипрезидентский и антиправительственный характер — на ул. Грушевского начались столкновения с милицией, был использован «коктейль Молотова».

В ночь на 22 января три монаха Десятинного монастыря (УПЦ) встали с молитвой между «Беркутом» и «мирными активистами». Пока длилась молитва, боевые действия не велись. В следующую ночь рядом с монахами УПЦ встали представители греко-католиков и Киевского патриархата. Поэтому 22 и 23 января панихиды по погибшим прошли мирно.

26 января Папа римский Франциск I в Ватикане молился за Украину. После речи с призывом прекратить насилие были выпущены два белых голубя, которые сразу же были атакованы чайкой и вороной, но голубям удалось уйти. На Майдане это было истолковано как счастливый для Украины знак свыше.

Несмотря на то, что боевые действия на ул. Грушевского не прекращались, а политическое руководство Украины не предпринимало никаких решительных мер, 27 января 2014 г. епископы УГКЦ в Западной Европе опубликовали новое обращение: «Создается впечатление, что представители власти не слышат многочисленных призывов к мирному решению существующего конфликта и их действия ведут к росту напряженности в обществе и могут нести за собой непредвиденные последствия». Аналогично выступали лидеры УПЦ КП и УАПЦ.

В ночь на 23 февраля был предотвращен штурм Киево-Печерской лавры, а 24 февраля — лавры Почаевской. 25 февраля в Сумах около десятка агрессивно настроенных молодых людей заявили архиепископу Евлогию, что он должен сослужить с «архиепископом» Мефодием (УПЦ КП) в Спасо-Преображенском кафедральном соборе г. Сумы, иначе собор и епархиальное управление будут закиданы «коктейлями Молотова». Попытки захвата храмов УПЦ осуществлялись и в других местах Украины, удачными оказались две — в Черновицкой области.

На фоне этих действий со стороны УПЦ КП последовали настойчивые предложения к УАПЦ и УПЦ. Якобы, только объединение может спасти страну от катастрофы, и что ради создания поместной церкви главы находящихся в расколе православных религиозных организаций готовы сложить полномочия. УПЦ возобновила деятельность комиссии по диалогу с УПЦ КП и УАПЦ и огласила условия — только на канонических началах.

26 февраля Представители 13 православных, католических и протестантских христианских общин стран СНГ призывали всех, от кого зависит будущее Украины, твердо держаться принципа свободы совести и вероисповедания, невмешательства государства и политических сил во внутреннюю жизнь религиозных организаций. 6—9 марта Предстоятели всех поместных православных церквей также обратились с призывом: «...Мы осуждаем угрозы насильственного захвата святых монастырей и храмов и молимся о возвращении наших братьев, находящихся сегодня вне церковного общения, в лоно Святой Церкви» [12].

Вероятно, ожидая после самоопределения Крыма симметричных действий по отношению к священникам и верующим Киевского патриархата, они получили приглашение от крымских татар молиться в мечетях.

24 февраля 2014 г., в ситуации обострения конфессиональных отношений, Синод УПЦ вместо тяжелобольного митрополита Владимира (Сабодана) избрал местоблюстителем Киевской митрополичьей кафедры митрополита Черновицкого и Буковинского Онуфрия (Березовского). Свои взгляды по острым вопросам российско-украинских отношений митрополит Онуфрий выразил так: «...мы не только соседи, но и по сути один единокровный и единоверный народ, отношения между нашими странами должны быть братскими, доброжелательными, мирными. Мое горячее желание как архиерея, несущего послушание в Украинской Православной Церкви, состоит в том, чтобы Россия сделала все возможное для сохранения территориальной целостности Украины. В противном случае на теле нашего единства возникнет кровоточащая рана, уврачевать которую будет очень непросто и которая болезненно отразится на нашем общении и наших отношениях друг с другом» [13].

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, в свою очередь, в обращении к УПЦ в связи с ситуацией на Украине сказал: «Те, в чьих руках находится власть, обязаны не допустить насилия и беззакония. Украинский народ должен сам, без внешнего воздействия, определять свое будущее» [14]. Пресс-центр Киевской патриархии прокомментировал это обращение так: «Слова главы Русской Православной Церкви в этом обращении нельзя оценить иначе, как недостойные православного архиерея и коварные. Глава РПЦ ни словом не осуждает грубое вмешательство Российской Федерации во внутренние дела Украины, военную агрессию, разжигание сепаратистских настроений» [15].

19 марта Священный Синод РПЦ выступил с Заявлением, в котором говорилось: «Принципиально важно, смогут ли народы исторической Руси уберечь те ценности, на которых зиждется христианская цивилизация...» [16].

Оценки событий различными религиозными организациями, высказывания их лидеров в обществе воспринимались неоднозначно. В частности, слова Блаженнейшего Владимира не могли удовлетворить протестующую сторону. Митрополит видел ситуацию с точки зрения целостности церкви. Трудность для критики создала и публичная привязанность к ней президента В. Януковича. А проповедь патриарха Кирилла о «единстве трех русских народов» прозвучала для значительной части Украины как потакание агрессии со стороны России.

Позиции религиозных организаций были официально заявлены через Всеукраинский Совет Церквей и Религиозных Организаций (ВСЦиРО), который на протяжении развития конфликта выступал за сохранение мирного характера проводящихся акций, за обеспечение прав граждан на мирные собрания [17].

По завершению активной фазы событий, глава УГКЦ Святослав (Шевчук), по версии журнала «Inside the Vatican», стал одним из десяти выдающихся людей 2013 года как «смелый свидетель истины и добра» [18]. Впрочем, не все на Западе готовы так однозначно оценить события. Американский политик и политолог П. Бьюкенен в своем блоге написал:

«Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в Бога или веру в сатану. Так что происходит? А происходит новая война религий, и Россия выступает в ней на стороне Бога, а Запад – на стороне Гоморры» [19].

Таким образом, в событиях «Евромайдана» произошла резкая политизация религии и межконфессиональных отношений. В отличие от «Помаранчевої революції», существенное значение в свершении которой сыграли протестанты, роль «мотора» «Революції гідності» взяло на себя духовенство Украинской греко-католической церкви и Украинской православной церкви Киевского патриархата. В ближайшей перспективе они своих целей добились. Стоит отметить, что в выступлениях лидеров украинских религиозных организаций и в СМИ оценка позиции УПЦ давалась необъективно. Между тем, Украинская (и Русская) православная церковь, оказавшись перед необходимостью выстраивания новых отношений с государством и гражданским обществом, отстаивала свою позицию — сохранение церковного единства, предотвращение военного столкновения между Украиной и Россией, которое может стать преградой утверждения принципа братства православных народов. Тем не менее, у УПЦ также есть свой положительный итог «Евромайдана» — выборы местоблюстителя УПЦ прошли свободно, без вмешательства со стороны администрации президента и политиков.

Ссылки и примечания:

1. Бабинський А. Конфлікт концепцій [Електронний ресурс] / А. Бабинський. — Режим доступу : [http : //risu.org.ua/ua/index/expert_thought/open_theme/55959/](http://risu.org.ua/ua/index/expert_thought/open_theme/55959/). — Назва з екрана.
2. Целковский Г. Религия вплетена в ландшафт Майдана так же, как и во все украинское общество [Электронный ресурс] / Г. Целковский. — Режим доступа : [http : //risu.org.ua/ru/index/expert_thought/comments/54766/](http://risu.org.ua/ru/index/expert_thought/comments/54766/). — Название с экрана.
3. Фаликов Б. Религия Майдана [Электронный ресурс] / Б. Фаликов. — Режим доступа [http : //dialogs.org.ua/ru/periodic/page31814.html](http://dialogs.org.ua/ru/periodic/page31814.html). — Название с экрана.
4. Заява Української Православної Церкви у зв'язку з останніми політичними подіями в країні [Електронний ресурс]. — Режим доступу : [http : //orthodox.org.ua/archive/201311](http://orthodox.org.ua/archive/201311). — Назва з екрана.
5. Патріарх Філарет : закликаю не допустити подальшого примноження насильства [Електронний ресурс]. — Режим доступу : [http : //risu.org.ua/ua/index/all_news/state/national_religious_question/54438/](http://risu.org.ua/ua/index/all_news/state/national_religious_question/54438/). — Назва з екрана.
6. В УАПЦ нагадали українцям : тільки національна ідея об'єднує народ і веде його до перемоги [Електронний ресурс]. — Режим доступу : [http : //risu.org.ua/ua/index/all_news/state/national_religious_question/54522/](http://risu.org.ua/ua/index/all_news/state/national_religious_question/54522/). — Назва з екрана.
7. Говорун К. Богословие Майдана [Электронный ресурс] / К. Говорун. — Режим доступа : [http : //www.kiev-orthodox.org/site/churchlife/4975/](http://www.kiev-orthodox.org/site/churchlife/4975/). — Название с экрана.
8. Голос Церкви в условиях политического кризиса и силового противостояния в Украине [Электронный ресурс]. — Режим доступа : [http : //www.pravmir.ru/golos-cerkvi-v-usloviyax-politicheskogo-krizisa-i-silovogo-protivostoyaniya-v-ukraine/](http://www.pravmir.ru/golos-cerkvi-v-usloviyax-politicheskogo-krizisa-i-silovogo-protivostoyaniya-v-ukraine/). — Название с экрана.
9. Кара-Мурза С. Христиане на Майдане [Электронный ресурс] / С. Кара-Мурза. — Режим доступа : [http : //tochka-ru.ru/index.php/entry/251-213658](http://tochka-ru.ru/index.php/entry/251-213658). — Название с экрана.

10. Пророчества греко-католического священника Германа Будзинского о Януковиче и Майдане (1991 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://slavinfo.dn.ua/novosti/prorochestva-greko-katolicheskogo-svyashchennika-germana-budzinskogo-o-yanukoviche-i-maidane>. — Название с экрана.
11. Священник УПЦ (МП) з трибуни Майдану привітав усіх Андріїв [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://risu.org.ua/ua/index/all_news/state/national_religious_question/54627/. — Название с экрана.
12. Послание Предстоятелей Православных Церквей (6-9 марта 2014 года, Фанар) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/news/69074.htm>. — Название с экрана.
13. Митрополит Черновицкий Онуфрий : То, что происходит сейчас — испытание нашей любви к Богу и ближнему [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/3604952.html>. — Название с экрана.
14. Патриарх Кирилл : Сделаю все, чтобы убедить власти не допустить гибели людей в Украине [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.pravmir.ru/patriarh-kirill-sdelayu-vse-chtoby-ubedit-vlasti-ne-dopustit-gibeli-lyudej-v-ukraine/>. — Название с экрана.
15. Слова звернення Московського Патріарха — недостойні та лукаві [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.cerkva.info/ru/publications/articles/4504-lukavikuyula-slova.html>. — Назва з екрана.
16. Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/3609033.html>. — Название с экрана.
17. Совет Церквей осудил сепаратизм и выступил за целостность Украины [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://risu.org.ua/ru/index/all_news/confessional/aucsgo/55984/. — Название с экрана.
18. Журнал «Inside the Vatican» зарахував Главу УГКЦ до десятки визначних особистостей 2013 року [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://news.ugcc.org.ua/news/zhurnal_Inside_the_vatican_zarahuvav_glavu_ugkts_do_desyatki_viznachnih_osobistostey_2013_roku_69954.html. — Название с экрана.
19. Buchanan P. J. Whose Side Is God on Now? [Electronic resource]. — Mode of access : <http://buchanan.org/blog/whose-side-god-now-6337>. — Title screen.

УДК 94:32.019.51:654.19

Л.Ю. Медовкина

*кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и внешней политики Донецкого национального университета
e-mail: MedovkinaL@gmail.com*

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В статье анализируются особенности воздействия СМИ на имидж государства. Доказано, что СМИ являются стимулятором постоянных изменений внешнего и внутреннего имиджа страны, а также надзирателем за действиями государства как актера на глобальной арене и отдельными представителями власти.

Ключевые слова: *СМИ, имидж, информация, политический имидж государства, информационная война.*

Summary

The article analyzes the characteristics of the impact of media on the image of the state. It is proved that the media is a stimulator of permanent changes of national and foreign image of the country, as well as the overseer of the actions of the state as an actor on the global arena and individual representatives of the authorities.

Keywords: *media, image, information, political image of the state, the information war.*

Чрезвычайно важным для развития человека, общества, государства и всего мира является коммуникация, а, следовательно, – важно содержание информационного пространства, его насыщенность. Информация является не только средством общения, но и воздействия через самые разнообразные каналы.

В скоростном развитии технологий и информационного общества СМИ, как поставщики разнообразной информации, не могут не влиять на формирование мировосприятия, репутации, как отдельного человека, так и целых аудиторий, общества. Не зря именно СМИ называют де-факто «четвертой властью», после известных всем ветвей власти, а именно законодательной, исполнительной и судебной.

СМИ являются не только информаторами, они все чаще преобразуют сообщения по определенным «запросам», ограничениям, придают информационным сгусткам разнообразную окраску, то есть в определенной степени являются формирующей силой.

Проблема формирования имиджа государства является актуальной, потому что имидж государства сегодня чрезвычайно важен в сфере международных отношений.

В современной теории международных отношений имидж государства рассматривается Джозефом Наем как «мягкая» сила, которая приобретает все большее значение для решения вопросов, требующих многостороннего и разнонаправленного сотрудничества [1].

К работам, посвященным рассмотрению имиджа государства как такового и особенностям его конструирования, относятся работы Качинской Н. А. [2], Бойко М. А. [3], Гринберга Т. Э. [4], Данаева С. [5] и многих др. Эти работы позволяют нам более подробно разобраться в сущности имиджа государства, его структуре, методах и закономерностях создания.

Также особое внимание следует уделить работам, в которых речь идет о роли средств массовой информации в формировании имиджа государства. Например, статьи Дубаса А. П. [6], Полищук А. В. [7] и др. Ознакомление с этими работами дает нам возможность выявить важность влияния средств массовой информации на формирование имиджа государства и методы, с помощью которых чаще всего осуществляется такое влияние.

Свободная циркуляция информации, а также ее распространение составляют один из важнейших факторов общественно-политического, экономического, культурного и личностного развития. Происходит обмен вербальными символами при передаче информационных сообщений.

В сознании циркулирует множество образов, ассоциаций, с помощью которых человек ориентируется в общении, собственной действительности. Еще древнегреческий философ Гераклит Эфесский в части своего труда «О государстве» утверждал: «Главное – не то, что есть, а то, как мы это понимаем» [8].

Под имиджем же понимают именно целенаправленно создаваемый (на основе исследований потребностей и идеалов целевых аудиторий) образ. Семантически можно определить, что понятие «имидж» происходит от латинского *image* (*imago*) – образ, вид, что связано с соответствующим словом *imitari* – имитировать [9].

Имидж конкретный, но подвижный, изменчивый – он все время корректируется, адаптируется к требованиям текущей ситуации, в текущих ожиданиях аудиторий; имидж в определенной степени соответствует своему прообразу или макету, а заданные характе-

ристики чаще соответствуют основным показателям реальности. Он объединяет представления аудитории и характеристики, присущие самому объекту, активизируя в аудитории преимущественно те характеристики, которые уже были там помещены (по этой причине уже сконструированный, воспринятый имидж нелегко изменить совсем) [10].

Государство также является актером, «личностью» со всеми присущими чертами среди других стран, внутри и вне различных организаций, блоков, группировок. Для успешного позиционирования на международной арене оно требует постоянного представления информационных импульсов о собственной деятельности, совершенствовании своего образа и его базовой составляющей – то есть имиджа.

Можно дать следующее определение имиджа государства. Под имиджем государства понимается такая составляющая образа, которая состоит из общих характеристик (объективных или необъективных), сформированных в результате прямого или косвенного восприятия [11].

Имидж государства складывается в сознании целевых групп, то есть – как конкретные группы представляют себе государство. Имидж государства – это, определенным образом, также процесс создания и распространения с помощью собственных и международных СМИ таких характеристик государства как экономика, наука, ресурсы, природа, история, культура, жизненный уклад, психологические качества населения и т.д.

Именно эффективная целенаправленная работа СМИ помогает сформулировать мысль о государстве. Значимость конструирования имиджа страны заключается в том, что он функционирует дальше во всей системе взаимоотношений государств в различных областях. Коммуникативные технологии формирования международного имиджа любого государства базируются на деятельности по защите и продвижении его интересов на международной арене, а также на информировании мировой общественности о геополитических, экономических, географических и т.д. особенностях государства, состоянии их развития и достижениях. Объектами воздействия внешнеполитических коммуникативных технологий являются не только мировые державы, но и международные и региональные организации, транснациональные корпорации, лидеры стран и лица, принимающие политические решения, политическая и бизнес-элиты стран мира, а также мировая общественность. Полагаем, СМИ всегда будут влиять на формирование репутации, образа и имиджа.

По нашему мнению, роль СМИ, в том числе и прессы, ярко и незаурядно была описана С. Катлип. Он называл газеты «движущей силой общества». Власть прессы является результатом ее способности распространять информацию и вызвать интерес общества к тем или иным вопросам [12].

Несмотря на то, что газеты уже не представляют собой основной источник новостей для большинства людей, они остаются влиятельной силой в формировании «повестки дня» общества и определении результата дебатов по тем или иным вопросам. Для тех, кто интересуется политическими вопросами, газеты, как правило, остаются важнейшим источником информации [13].

Арсенал приемов, используемых современными СМИ в процессе создания имиджа и общественного мнения, достаточно велик: замалчивание одних фактов и обострение других, публикация сведений противоречивого характера, побуждение к определенным эмоциям с помощью визуальных средств или словесных образов, апелляция к системе ценностей данного общества и т. д.

Необходимо также учитывать еще одну особенность подачи материала в средствах массовой информации – фон, на котором рассматриваются те или иные явления. Так, в реальности сконструированный политический имидж государства чаще оказывается более важным, чем объективные характеристики данного государства [14].

Сегодня СМИ являются основным скоростным посредником между политической сферой государства и обществом. СМИ (незаангажированные) могут выступать на стороне гражданского общества, которое стремится видеть у власти прагматиков и реформаторов, которые понимают первоочередное место народа в государственной политике, экономике, других важных для социума сферах жизни. Отметим, что в данном случае чем более отдалены СМИ от запросов и потребностей общества, от общественного мнения, – тем мелочнее будет их влияние, и тем ниже уровень доверия и уважения к данному СМИ. Кроме того, немало политических групп или лидеров имеют в своем пользовании собственные СМИ, выполняющие определенный заказ. Вот почему столь важно анализировать и качественно оценивать какой контекст информации подается через каналы СМИ.

Именно профессиональное позиционирование в международных информационных потоках и идентификация страны имеют одно из решающих значений при построении отношений между государствами. Новые же черты государств формируются преимущественно под влиянием СМИ [15].

Построение устойчивого положительного политического имиджа государства, помимо прочего, требуется в качестве фактора международной конкурентоспособности страны. Если проанализировать связь имиджа государства с международной конкурентоспособностью национальной экономики, то можно проследить прямо пропорциональную зависимость: чем позитивнее имидж государства, тем больше объем привлеченных инвестиций в экономику страны (как внешних, так и внутренних), тем устойчивее конкурентоспособность страны на международных рынках.

Наличие положительного национального бренда приводит к принятию решения об инвестировании в данную страну гораздо быстрее и легче, чем при других условиях. Положительный международный имидж государства – существенный фактор успешной работы экспортной отрасли и привлечения иностранных инвестиций в национальную экономику, это фактически основа для международной конкурентоспособности страны [16].

В результате исследования, проведенного International Trade Forum с целью определения целесообразности вложения средств именно в разработку имиджа страны, были определены его особенности, а именно весомой составляющей имиджа государства является сфера туризма данного государства – самый легкий, поэтому очень важный путь ознакомления со страной и ее индивидуальностью. Конечно, очень важны положительные ассоциации со страной; государство, в лице разработчиков имиджевой программы, должно быть уверено в том, как его воспринимают за рубежом, ведь не имея достоверной информации о реалиях, невозможно разработать действенную стратегию по формированию национального бренда [17].

Таким образом, понятно, что построение устойчивого положительного имиджа государства для улучшения конкурентных позиций государства на международных рынках – процесс длительный и кропотливый. Но в то же время эксперты по данному вопросу единогласно соглашались с тем фактом, что удачно разработанный и внедренный национальный бренд несомненно принесет выгоды для национальной конкурентоспособности государства. Причем не просто улучшит конкурентные позиции страны, но и создаст определенный механизм защиты этих позиций, так как положительный имидж – это, прежде всего, доверие и лояльность потребителей.

Имидж государства, его международный авторитет, прежде всего, зависят от внутреннего состояния страны – уровня экономического благосостояния, развития демократических институтов, зрелости гражданского общества, политической культуры нации и т.д. [18].

Поэтому строительство желаемого имиджа государства посредством СМИ не может происходить изолированно от всего спектра общественно-политических, экономических, культурных событий на его территории, его особых характеристик, присущих только это-

му государству. Именно они, набирая международный резонанс, постепенно формируют характерный образ государства в представлении мирового сообщества и должны быть реальной базой для конструирования имиджа страны.

Как считают российские авторы Рожков И.Я. и Кисмерешкин В.Г., для успешного формирования и продвижения имиджа страны нужно также полностью отказаться от пропагандистских старых приемов, они исчерпали себя, и использовать апробированные рекламно-коммуникационные технологии [19].

Все специфические характеристики, которые транслируются именно через каналы СМИ, являются составными блоками политического имиджа государства. Политический имидж государства – сконструированное, смоделированное отражение определенного государства, которое транслируется для восприятия зарубежными сообществами в процессе коммуникативного взаимодействия [20].

Нельзя не отметить, что СМИ могут предоставлять больше информации об отдельных характеристиках и вовсе замалчивать другие, они нужным образом обыгрывают имеющиеся реальные факты о государстве, его черты, темпы развития, поведение лидеров.

Хотя любой конструируемый имидж, безусловно, должен быть целостным, иерархия характеристик может и должна быть несколько различной для разных групп общественности. Поэтому довольно важной в процессе создания имиджа любой страны с помощью СМИ является оценка этого имиджа извне. Ведь именно учитывая замечания и пожелания представителей иного сообщества, можно определить, над чем именно нужно работать в процессе конструирования имиджа страны [21].

В зависимости от целевой аудитории, а также конкретных задач, содержание, подбор, форма подачи, акценты и другие технологические параметры соответствующих месседжей могут меняться. Но любая имиджевая кампания обязательно должна базироваться на сложившемся уже в сознании международного сообщества стержневом, обобщающем образе идеи страны, который, в свою очередь, должен быть максимально лаконичным, понятным и положительным.

Государство имеет дело с разнообразием государственных систем, стран с различным статусом в мировом сообществе. Так, имиджевые акценты будут различными для США, стран Евросоюза, Азии, постсоветского пространства и так далее. Иными словами, имидж должен демонстрировать разные грани субъекта, которые могут заинтересовать потенциальных партнеров. Для этого отправной точкой должно стать определение вектора ожиданий аудитории. Например, Саймон Енхолт, советник британского правительства по вопросам публичной дипломатии, оценивая возможности брендинга в государствах СНГ, считает, что «этим странам нужно подождать некоторое время, прежде чем совершать какой-либо брендинг. Им придется начинать с чистого листа. Все плохие ассоциации смыты, и это хорошее начало и несет в себе безграничные возможности для этих республик. Весь мир наблюдает за процессом и ждет» [22].

У государства не может не быть никакого имиджа вообще, другие видят то, что данное государство выбрало для показа другим или что происходит за пределами его действий, хотя большое влияние на создание имиджа формируют стереотипы. Картинка извне рекламирует то, что происходит внутри, поэтому информационное освещение всех вопросов государственной жизни ни в коем случае не следует пускать на самотек [23].

Часто бывает так, что СМИ выстраивают имидж своего государства не на реальных фактах, а на искусственном положительном макете, идеале, мифе. В свою очередь, государство или деятель хочет предоставить о себе только положительную в собственном смысле информацию. Именно такой имидж предназначен для трансляции в целях совершенствования представлений аудиторий в пользу субъекта, и транслируется подавляющим большинством СМИ определенного государства или политической группы.

Сколько бы ни существовал такой имидж в информационном поле, рано или поздно он исчезнет.

Обычно по отношению к государству как субъекту имиджевой политики функционируют два типа имиджа – тот, который транслируется субъектом – транслируемый имидж, задаваемый, или так называемый «имидж-message» – «М-стиль» и тот, который в связи с данным объектом состоит в сознании целевой аудитории – имидж-эффект, или «Е – имидж». Именно этот имидж имеет долгосрочный вес в политике, отражая выбранную позицию [24].

Насколько привлекательно и оперативно предоставляется информация о явлении, событии, лице, народе, стране, настолько объективной, желанной оказывается картинка-имидж, которую хотел создать о себе человек, партия, нация, государство. Подобным же образом создаются и негативные мифы, или «антимиф», направленные на обесценивание, дискредитацию кого-то или чего-то в глазах общественности.

Становится понятным то, почему власти некоторых стран настолько тщательно отслеживают информационные потоки внутри государства и те, которые поступают извне, полностью контролируя деятельность собственных СМИ. Особенно актуально это, когда вспоминаем о таких явлениях, как информационные войны, интервенции и информационный терроризм.

Среди практических шагов улучшения или конструирования имиджа страны, в реализации которых может быть привлечено эффективное использование национальных и международных СМИ, можно отметить следующие: налаживание сотрудничества и привлечение представителей правительственных структур, деловых кругов, представителей культуры, образования и средств массовой коммуникации; исследование восприятия страны собственным населением и международным сообществом; консультация с лидерами мнений относительно слабых и сильных национальных черт страны и сравнение их мнения с результатами исследования; подготовка и принятие общей стратегии информационной политики на короткую и долгосрочную перспективу, направленную на разработку и продвижение положительного имиджа в мировое информационное пространство; создание специальной государственной структуры, которая бы собирала и накапливала мировой опыт в этой области, устанавливала имиджевую стратегию государства, распространяла положительную информацию о стране и способствовала ее продвижению в мировое информационное пространство, обобщала сведения о качественных и количественных параметрах информационного присутствия государства в зарубежных странах или регионах; обеспечение масштабных внутривнутриполитических акций, которые смогут вызвать положительный интерес международной общественности к государству; улучшение имиджа лидеров (элит); привлечение к формированию внешнеполитического имиджа собственной диаспоры и др. [25].

В свою очередь, негативный имидж является отрицательным явлением для государственной политики и для страны в целом, которая стремится быть конкурентоспособной на международной арене.

Когда государство создает собственный имидж с помощью самых разнообразных средств, в первую очередь, – СМИ, оно помогает себе решить собственные задачи и цели [26].

Благодаря средствам массовой коммуникации (в том числе и сети Интернет, другим СМИ), государство получает возможность посмотреть на себя со стороны, лучше рассмотреть свой существующий имидж, его имеющиеся недостатки; отношение к себе; проанализировать ошибки, новые возможности позиционирования и распространения положительных черт собственного имиджа.

СМИ являются инструментом, даже оружием, которое может прямо повлиять на самую действенную характеристику политического имиджа государства – его функци-

ональность, а значит, повлиять на цели и программы руководства страны, которые оно хотело достичь с помощью создаваемого имиджа. СМИ и пресса в частности, являются формирующей силой, которая создает имидж, отрицательно или положительно влияет на него в течение всего его существования в международном информационном поле. Удачная информационная политика, базирующаяся на правильном использовании СМИ и арсенале приемов, может возродить имидж государства, или наоборот, неисправимо испортить его на долгий период.

Сегодня, если государство проиграло так называемую «информационную войну» или «информационную дуэль», оно вряд ли сможет быстро реанимировать лояльное, положительное отношение и политическое доверие к себе. То есть проигрыш или слабость страны в глобальном информационном поле – это потери прибыльных экономических соглашений, инвестиционной привлекательности, конкурентоспособности в ближайшем будущем.

Анализируя приведенное выше, можно сделать вывод, что с помощью СМИ можно не только целенаправленно сформировать информационные составляющие имиджа государства в определенной целевой аудитории, но и нанести ему разрушительный удар. СМИ является обоюдоострым средством конструирования или деконструирования имиджа. Они являются стимулятором постоянных изменений внешнего и внутреннего имиджа страны; надзирателем за действиями государства как актера на глобальной арене и отдельными представителями власти. Имея большой арсенал приемов освещения событий на конкретном фоне или, наоборот, замалчивание их, акцентирование внимания мировой общественности на определенных фактах, СМИ формируют и само информационное пространство. Проблема влияния СМИ на имидж государства требует дальнейшего внимания исследователей, особенно аспект влияния СМИ на политический имидж государства во время военных конфликтов.

Ссылки и примечания:

1. Най Д. Soft power, или «мягкая сила» государства. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm. — Загл. с экрана.
2. Качинська Н. О. Комунікативні тактики формування привабливого міжнародного іміджу держави / Надія Олександрівна Качинська // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. — Гол. ред. В. М. Вашкевич. — К.: ВІР УАН, 2010. — Випуск 36. — С. 318—329.
3. Бойко М. А. Средства формирования положительного имиджа страны конструирование коллективной идентичности. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://trp1999.narod.ru/WEBLSE2004/LSE2004Voiko.htm>. — Загл. с экрана.
4. Гринберг Т. Е. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели // Медиаскоп. — 2008. — № 2. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mediascope.ru/node/252>. — Назва з екрану.
5. Данаева З. Имидж страны. Страновой брендинг. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakon.kz/62274-imidzh-strany.-stranovyjj-brending.html>. — Загл. с экрана.
6. Дубас О. Інформаційний розвиток сучасної України у світовому контексті. — К.: Генеза, 2004. — 207 с.
7. Поліщук О. В. Імідж держави на міжнародній арені: інформаційний аспект. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://naub.org.ua/?p=1204>. — Назва з екрану.
8. Федорів Т. «Репутація країни» та «державний брендинг» як категорії науки державного управління. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.nbu.gov.ua/>

- portal/soc_gum/Dums/2011_2/11ftvndu.pdf. — Назва з екрану.
9. Данаева З. Имидж страны. Страновой брендинг. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakon.kz/62274-imidzh-strany.-stranovyjj-brening.html>. — Загл. с экрана.
 10. Гринберг Т. Е. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели // Медиаскоп. — 2008. — № 2. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mediascope.ru/node/252>. — Назва з екрану.
 11. Там же.
 12. Катлип М. Скотт, Сентер Х. Аллен, Брум М. Глен. Паблик рилейшенз. Теория и практика. — М.: Издательский дом Вильямс, 2003. — С.260.
 13. Там же. — С.260.
 14. Данаева З. Имидж страны. Страновой брендинг. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakon.kz/62274-imidzh-strany.-stranovyjj-brening.html>. — Загл. с экрана.
 15. Гречанинов В. Україна на шляху вибору свого політичного курсу розвитку // Актуальні проблеми міжнародних відносин. — 2000. — Вип. 19 (ч. II). — С. 121.
 16. Задорожный В. Н. Влияние политического имиджа государства на экономический рост. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2007/06/07/print:page,1,vlijanie_imidzha_gosudarstva_na_jeconomicheskijj_rost.html. — Загл. с экрана.
 17. Там же.
 18. Пашукова Тетяна. Імідж України і Росії в умовах політичних змін // Соціальна психологія/ №5. — 2005. — С.7.
 19. Кулеба О. В. Особливості формування міжнародного іміджу України в закордонних засобах масової інформації. — [Электронный ресурс].
 20. Данаева З. Имидж страны. Страновой брендинг. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakon.kz/62274-imidzh-strany.-stranovyjj-brening.html>. — Загл. с экрана.
 21. Качинська Н. О. Політичний імідж держави: структурні та комунікаційні компоненти феномену. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.viche.info/journal/1738/>. — Назва з екрану.
 22. Данаева З. Имидж страны. Страновой брендинг. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakon.kz/62274-imidzh-strany.-stranovyjj-brening.html>. — Загл. с экрана.
 23. Качинська Н.А. Формування та реалізація іміджевої стратегії держав в умовах глобалізаційних змін. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа:http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Sup/2010_21/Rozdil_2/10_Kachynska.pdf. — Назва з екрану.
 24. Данаева З. Имидж страны. Страновой брендинг. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakon.kz/62274-imidzh-strany.-stranovyjj-brening.html>. — Загл. с экрана.
 25. Міжнародний імідж України: міфи і реалії / Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова/. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.razumkov.org.ua/rus/journal_pos.php?y=2000&cat=3&pos=5. — Назва з екрану.
 26. Формування позитивного міжнародного іміджу української держави в інформаційному просторі. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://old.niss.gov.ua/Monitor/December2009/02.htm>. — Назва з екрану.

УДК 323.17

О.Г. Мясников

кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Донецкого национального университета
e-mail: olmsss@gmail.com

НАЦИИ И ЭТНОС: СМЫСЛ И РАЗЛИЧИЕ ПОНЯТИЙ

Аннотация

В статье рассматриваются два основных концепта современных этнонациональных исследований — нация и этнос. Автор показывает, что, несмотря на «теоретический хаос», а также намеренную путаницу в общественно-политическом дискурсе, между этими понятиями существуют принципиальные различия.

Ключевые слова: нация, этнос, национализм, примордиализм, конструктивизм, Нация-Государство.

Summary

The article discusses the relationship between the two key concepts – nation and ethnicity. The author states that there is a terminological chaos in the social sciences and public discourse. He shows that between the concepts of nation and ethnic group there are fundamental differences.

Keywords: nation, ethnicity, nationalism, primordialism, constructivism, the Nation-State.

В настоящее время в социальных науках отсутствует общепринятое понимание нации: расхождения между такими видными исследователями как К.Дейч, Э.Хобсбаум, Э.Смит, Э.Геллнер, Б.Андерсон, М.Грох, К.Гирц, Ф.Барт огромны. [1]. Различия в понимании этого феномена касаются не отдельных деталей и нюансов, они продиктованы принципиально различными методологиями (и, к сожалению, ценностно-идеологическими установками).

Являются ли нации естественным образованием или же искусственно созданной конструкцией? Каково «естественное наполнение» нации, т.е. её атрибуты — необходимые и обязательные свойства? Когда появились нации — в древнейшие времена или же в самом начале Нового времени? В конце концов, нация — это социальная общность, социобиологический организм, универсальный политический инструмент? Эти и подобные вопросы не являются исключительно вопросами теории, они тесно связаны с политической практикой: ответы на них либо предшествуют определённым политическим действиям, либо обосновывают, оправдывают их. Практика этнических чисток, апартеида, нацизма, этнократизма как, впрочем, и мультикультурализма, этнотолерантности, политического национализма явно имеет мировоззренческие и тесно связанные с ними теоретические предпосылки.

Несмотря на дискуссионность проблемы, можно вычленил её ядро, из которого, на наш взгляд, вырастают практически все споры. Это — взаимосвязь между разными, но родственными понятиями нации и этноса, а также противоположное истолкование природы этноса, что влечёт за собою и существенные различия в понимании нации. Целью данной работы и является доказательство этого тезиса.

Основное отличие нации от этноса — и с этим согласны почти все крупные исследователи, но никак не идеологи национализма (национальных движений) — состоит в её тесной связи с государством, нация представляет собой политическую общность, когда люди связаны со «своим» государством отношениями гражданства и лояльности, а не этничности. Этнос же по природе своей существует безо всякой «привязки» к государству

и вообще политике. С этой точки зрения, он — исключительно социальная общность, которую можно анализировать, абстрагируясь от каких-либо политических координат. Но можно ли анализировать нацию, отвлекаясь от тех свойств несомненно этнического происхождения, которые большинство наций демонстрируют? Является ли то предположение, что нации «вырастают» из этноса, правильным?

Понять что такое этнос непросто. В современной науке имеются, по меньшей мере, два теоретико-методологических подхода к истолкованию этничности, развитие которых, в свою очередь, влияет на представления о нации и национализме.

Первый из них — примордиализм. Хотя в западной науке он давно дискредитирован, его положения хорошо соотносятся не только с обыденными представлениями о нациях и этносах, но и с мировоззренческими постулатами политиков и интеллектуалов-патриотов стран Восточной Европы, включая Украину. Данную парадигму можно описать с помощью нескольких тезисов:

1. Этнос представляет собой естественную целостность (природную популяцию, биосоциальный организм). В радикальных версиях, которые изгнаны из современной науки, но которые относительно свободно циркулируют в политическом и общественном дискурсе, это генетическая целостность, психологическое единство, «кровь». В более респектабельных концепциях акцент делается на культурном, ментальном единстве. Однако сути это не меняет: в примордиалистской логике культура оказывается лишь эвфемизмом генов и «крови» (напр., характерное выражение — «культурный код»).

2. Происхождение этносов сторонники данного подхода относят к далёкому прошлому, вся последующая история этноса есть одновременно и укрепление, и развёртывание изначально сложившихся (*primordial* — изначальный, исходный) черт, свойств, традиций данного этноса. Таким образом, с одной стороны, весь исторический путь этноса фатально предначертан его генетическим или культурным кодом, а с другой стороны, его настоящее объясняется из прошлого. История этноса — не что иное как передающийся практически в неизменном виде от поколения к поколению культурный (или генетический) код, отличающий данный этнос от других.

3. Собственно причины возникновения этноса истолковываются примордиалистами по-разному. Теологически, с прямой ссылкой на Бога, либо через указание на некую «данность»: совпадение крови, языка, обычаев и т.п. выглядит необъяснимым [2]. Географический детерминизм характерен для Л.Н.Гумилева, объяснявшего происхождение и свойства этноса воздействием природного ландшафта [3]. Биологический детерминизм (П. ван ден Берге) предполагает сделать акцент на кровно-родственных связях (этнос — разросшаяся семья) [4].

4. Этнические связи (т.е. отношения внутри этнической общности) истолковываются современными примордиалистами как «привязанности». С одной стороны, по откровенному признанию П. ван ден Берге, они являются «расширенными идиомами родства. Этнические и расовые отношения — расширенные и ослабленные формы родственного отбора» [5], с другой — такие отношения имеют аффективный, эмоционально-чувственный характер.

Итак, этнос, с точки зрения примордиалистов, является естественной общностью, свойства которой передаются по наследству наподобие генетических, а людей в этой общности связывают ощущения родства, «данные» природой чувства привязанности к своей группе.

Противоположный подход получил название конструктивизма (инструментализма). Эта теоретическая парадигма доминирует в современных социальных науках. Основные её тезисы выглядят так:

1. Этности — исключительно социальные явления, разновидности социальных общностей. Любые несоциальные (биологические, географические, климатические и т.п.)

предпосылки возникновения и развития этносов могут рассматриваться только в качестве условий, но не более того.

2. Этноты создаются, конструируются людьми под давлением тех или иных потребностей и выполняют роль орудия, инструмента для решения каких-либо практических задач. Это может быть потребность в самозащите от агрессивного социального окружения, задача повышения уровня конкурентоспособности, сохранение привилегированного доступа к социальным благам или же, наоборот, попытка преодолеть дискриминацию.

3. Формирование этносов происходит в результате взаимодействий (общения, контактов, столкновений) между людьми, социальными объединениями. В таких взаимодействиях обнаруживаются, категоризируются те социальные различия, которые закрепляются в виде этнических. Другими словами, для возникновения и поддержания этничности необходима определённая «сшибка» людей для того, чтобы они могли осознать сходство и различия (культурные, антропологические, религиозные, языковые и т.п.) между собою. Причём никакого фатализма здесь нет: эти различия могут быть «подняты» до уровня этнических, а могут быть оценены как менее значимые (напр., как региональные).

4. Важнейшую роль в конструировании этноса играет этническая идентичность, т.е. осознанное отнесение людьми себя к определённой этнической общности. Вопрос о том, к какой общности человек принадлежит, «объективно» незначим, ибо он не отвечает реальному положению вещей. Значим другой — определение людьми себя в терминах этничности, т.е. своей принадлежности к определённому этносу. Русины будут существовать до тех пор, пока некоторое количество людей будут считать себя русинами. Другое дело, что люди, идентифицируя себя и «других», используют различные, кажущиеся объективными, маркеры — «кровь», веру, язык и т.п.

Итак, с точки зрения конструктивистов, этнос — разновидность социальной общности; он возникает в ходе взаимодействий между людьми, формируется под влиянием различных потребностей людей и под давлением со стороны социального окружения; он является социальным инструментом для достижения разных целей.

Здесь естественным образом встаёт вопрос об *атрибутах* этноса, т.е. тех характеристиках, которые позволяют отличить общность этнического типа от общности какого-либо другого (например, регионального) типа. В духе конструктивизма можно сказать, что это и есть те конструкции, которые людьми создаются и из которых, в конечном счёте, окончательно формируется этнос.

Одной из наиболее удачных попыток выделить атрибуты этносы можно считать позицию известного английского историка и социолога Э.Смита. Он выделяет шесть атрибутов этнической общности [6]:

- 1) самоназвание общности (этноним);
- 2) миф об общих предках, благодаря которому этнос приобретает уходящую в бесконечную древность историю, представление о единстве прошлых, нынешних и будущих поколений;
- 3) общая историческая память как элемент самосознания этноса;
- 4) один или несколько дифференцирующих элементов общей культуры. Такую роль может выполнить язык, религия, но отнюдь не обязательно именно эти элементы;
- 5) связь с конкретным «родным краем», — реальным или воображаемым;
- 6) чувства солидарности у значительной части этноса.

Итак, понятие этноса лежит в социокультурной плоскости, а понятие нации — прежде всего, но не исключительно — в политической. И, кстати, ситуация терминологического хаоса, с которой сталкивается и в которой живёт любой исследователь наций и национализмов, в значительной степени обусловлена этим обстоятельством. Этнос и нация, бесспорно, статусные категории в глазах людей, включая политиков и учёных. «Быть нацией

— это по сути самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени», — писал Б.Андерсон [7]. Претензии на статус нации — это одновременно претензии на доступ к различного рода ресурсам, включая государственность. Идея нации (национальной лояльности, патриотизма) в эпоху Модерна стала одним из самых сильных и эффективных инструментов коллективной мобилизации, за использование которого идёт постоянная политическая борьба.

Хотя среди специалистов нет единого понимания нации, можно выделить две традиции в истолковании этого явления. Со значительной долей условности их называют западноевропейской (западной) и восточноевропейской (восточной) — различие, идущее ещё от Г.Кона [8]. Эти традиции фиксируются и в научных работах, и в общественно-политическом (особенно официальном) дискурсе.

Западноевропейская традиция, наиболее ярко представленная во французской, английской, американской литературе, видит в нации, прежде всего, политическое сообщество и соотносит его с государством. С одной стороны, это просто совокупность граждан, родившихся или проживающих на территории данной страны, с другой — это всё-таки социальная общность, ибо граждане объединены, чувствуют себя единым целым благодаря лояльности «своему» государству и своему «политическому телу» — нации, идентифицируют себя с ним. Такое понимание кажется весьма абстрактным и отвлечённым, особенно на фоне живой практики. Однако речь здесь идёт пока только об основополагающем принципе. Чтобы его утвердить в качестве реально действующего, чтобы придать этой абстрактной конструкции живые, привлекательные, осязаемые черты, чтобы, в конце концов, сформировать и воспитать эти привязанности и лояльности «воображаемому сообществу», надо много что изобрести. Так, создаётся «общая историческая память», формируется пантеон национальных героев, персонифицирующих сконструированную «национальную историю», а последняя становится основой школьного образования и воспитания. Создаётся литературный (нормативный) язык, вводятся национальные традиции и обычаи, формируется действительно общая культура. [9]. Понятно, что в этом деле создания нации как материал для конструирования, так и его общий план проще и естественней всего позаимствовать из этнической культуры.

Это, однако, не ведёт к этнизации нации: базовый принцип взаимосвязи между нацией и национальным государством сохраняется. Это настолько верно, что в социологической литературе такую версию нации обозначают термином *Нация-Государство*. На эту версию «работают» и многочисленные эмпирические данные, свидетельствующие о полиэтничном характере наций, *Наций-Государств*. Например, по подсчётам американского политолога У.Коннора, лишь 9,1% от общего числа *Наций-Государств* имеют более или менее этнически однородное население, остальные — полиэтничны [10]. Другое дело, что, в отличие от принципа, реальная история такого конструирования *Нации-Государства* извилиста. Тем не менее, «национализм использует существующие до этого культуры и культурные богатства, хотя использует их избирательно и чаще всего радикально их трансформирует. Мёртвые языки могут быть оживлены, традиции изобретены, вполне фиктивная первоначальная чистота нравов восстановлена», — писал Э.Геллнер [11].

«Восточная» версия понятия нации активно разрабатывалась и до сих пор доминирует в Германии, а также в ряде центрально- и восточноевропейских стран. Её отличает тесное сближение нации и этноса. Если в западной версии нации создаются вместе с национальным государством, то в восточной традиции, напротив, возникновение нации предшествует появлению такого государства, т.е. возможно существование нации и безотносительно к государству. Такой подход позволяет оторвать нацию от исторического контекста, бесконечно «удревнить» её происхождение, а саму её возвеличить и сакрализировать. «Нация как исторически возникшая общность людей существенно отличается

от всех других, тоже исторически возникших групп и общностей тем, что она наиболее устойчивая, внутренне спаянная, постоянно развивающаяся на своей собственной основе... Только нация столетиями бережно несёт, сохраняет те этнические черты и свойства в качестве своей первоосновы, которые своими корнями уходят ещё дальше в глубь истории. У некоторых национальных общностей они насчитывают тысячи и больше лет», — пишет современный российский автор [12].

Очевидно, что отличительными чертами нации становятся уже не государственность, а и те свойства, которые отсылают к этносу: язык, происхождение, место проживания, религия, культура и т.п. Нация — это прежде всего культурное единство, но она может стремиться к собственной государственности.

Естественно, это принципиально иное понимание нации, которое «натурализует» её в скрыто или открыто примордиалистском духе. Образно говоря, здесь социокультурные характеристики не конструируются открыто по мерке возникающей нации, а напротив, нация «втискивается» в узкие и явно старомодные одежды этноса-победителя. Недаром такую социокультурную политику называют «исключающим национализмом», в отличие от национализма включающего, т.е. западного типа.

Появление «национального» государства при такой логике легко может обернуться торжеством этнократизма (яркие примеры показывают современные Эстония, Латвия, Литва, Узбекистан, Туркмения, Киргизия и даже Казахстан). Конструирование нации здесь сводится к экспансии определённой этничности за счёт подавления или вытеснения других, что сопровождается драматическими этнонациональными конфликтами в полиэтничных странах.

Подведём краткий, но необходимый итог. При всём сходстве таких явлений, как нация и этнос (сходстве, намеренно или ненамеренно усиленном общественно-политическим дискурсом), они принципиально отличаются друг от друга. Если этносы — это форма социокультурной самоорганизации людей, то нация — политическое сообщество, форма политической самоорганизации. Если этносы репрезентуют себя через широкий спектр культурных маркеров, узнавая себя в них, то нация является политическим «телом», народом, носящим корону суверена, имеющим своё (в демократическом смысле слова) государство, следовательно, власть над определённой территорией в определённых границах. И здесь парадоксальным образом актуализируется сходство между нацией и этносом. Чтобы сконструировать нацию, придать этой абстрактной конструкции естественный вид коллективной солидарности, элиты (а также интеллигенция) активно формируют её культурную «оснастку», практически всегда беззастенчиво заимствуя из культур этнических её элементы (традиции, обряды, героев, символику, веру, язык и т.п.), возводя в ранг национальных (универсальных) специфически этнические традиции.

Бесспорно, соотношение между понятиями этноса и нации будет уточняться, прежде всего, под влиянием стремительно меняющейся практики. «Новые национализмы», порождённые парадоксальным переплетением регионализма, «этнического возрождения» и — глобализации, по всей вероятности, поставят перед исследователями непростые проблемы [13].

Ссылки и примечания:

1. См. обзор точек зрения и подходов: Смит Э. Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий нации и национализма. М: Праксис, 2004.
2. Гірц К. Інтерпретація культур: Вибрані есе. — К.: Дух і Літера, 2001. — С. 304.
3. См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л.: Гидрометиздат, 1990.
4. См.: Титов К. Пьер ван ден Берге: биографический очерк // Вопросы национализма. —

- 2014, №20 — С.83–88.
5. Ван ден Берге П. Раса и этничность: социобиологическая перспектива // Вопросы национализма. — 2014, №20 — С. 92.
 6. Сміт Е. Національна ідентичність. — К.: Основи, 1994. — С. 30.
 7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2001. — С.27.
 8. См.: Коротеева В. Теория национализма в зарубежных социальных науках. — М.: РГГУ, 1999. — С. 26-27.
 9. Всё это ярко описал в цитированной выше книге Бенедикт Андерсон. Об украинском опыте создания национальной культуры инструментом истории см., например, Касьянов Г. «Национализация истории» в Украине. //Национальные истории на постсоветском пространстве — II. Десять лет спустя /Под ред. Ф. Босмонда, Г. Бордюгова. — М.: АИРО-XXI, 2010. — С. 117–148.
 10. См.: Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. — М.: КДУ, 2005. — С. 21.
 11. Геллнер Э. Нации и национализм. — М.: Политиздат, 1991. — С.127.
 12. Мнацаканян М.О. Нации и национализм. — И.: ЮНИТИДАНА, 2014. — С. 87.
 13. См. об этом, например: Барановский В. Трансформация мировой системы в 2000-х годах // Международные процессы. — 2010. — Т. 8, № 1. — С. 4-18.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**ИЗДАНИЕ ДОНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

№1 (55) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – В.Н.Никольский, доктор исторических наук, профессор

Ответственный секретарь – А.В. Колесник, кандидат исторических наук, доцент

Члены редколлегии: Краснонос Ю.Н., кандидат исторических наук, доцент, Морозов Р.Н., кандидат исторических наук, доцент, Пенькова О.Б., кандидат исторических наук, доцент, Удалова Т.М., кандидат исторических наук, доцент, Черкашин К.В., кандидат политических наук, доцент

Технический редактор: Пилипенко Д.В.

Корректор: Пилипенко Д.В.